

Е.А. ОГНЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД:
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ КОМПОНЕНТОВ
ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОДА

УДК 82.03+81`25
ББК 83.3+81.2-7
О-38

Огнева Е.А.

Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография. 2-е изд., доп. – Москва: Эдитус, 2012. – 234 с.

Рецензенты:

доктор филологических наук С.Г. Воркачев
доктор филологических наук Л.М. Минкин

В монографии обсуждаются актуальные проблемы сопоставительного языкознания и теории перевода. Изложена типология преобразований компонентов переводческого кода при переводе художественных произведений. Рассмотрены закономерности межкультурной и межъязыковой адаптации поэтических и прозаических текстов в процессе перевода.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы интерпретации литературно-художественных произведений в процессе перевода.

ISBN 978-5-906162-11-3

ISBN 978-5-906162-11-3

© Огнева Е., 2012
© Оформление.
Издательство «Эдитус», 2012

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Межкультурый и межъязыковой векторы художественного перевода.....	7
1.1. Культурологическая интерпретация художественного текста при переводе.....	7
1.2. Динамика языкового знака.....	22
1.2.1. Явление симметрии/асимметрии языкового знака при переводе.....	26
1.3. Компоненты переводческого кода.....	29
1.3.1. Типы переводческих трансформаций единиц текста.....	31
1.3.2. Стилистическое кодовое пространство текста... ..	40
1.4. Адекватность единиц оригинала и перевода.....	43
1.5. Особенности эквивалентного перевода текста.....	47
1.6. Закономерности поэтического перевода.....	53
Выводы.....	64
Глава II. Симметрия/асимметрия единиц тексто- вого пространства при межъязыковой адаптации.....	68
2.1. Структура переводческого кода.....	68
2.2. Адекватность содержания при минимуме трансформаций текста.....	83
2.3. Сквозь тернии формы к эквивалентности смысла.....	98
2.4. Нивелировка и усиление языковых единиц текста в структуре переводческих исканий.....	135
Выводы.....	151
Глава III. Сокровищница поэтических текстов в пространстве переводческих преобразований	
3.1. Корреляция художественной и национальной языковой картин мира.....	156
3.2. Россия в произведениях И.А. Бунина.....	164
3.2.1. Бунинские картины природы в оригинале и переводе.....	165
3.2.2. Быт русского народа в стихотворениях И.А. Бунина.....	176

3.3. “Сказка” Б.Пастернака под пером Анри Бейля...	179
3.3.1. Особенности композиционного рисунка стихотворения “Сказка ” и ‘Conte’.....	182
3.3.2. Искажение эмоционального тона изложения стихотворения при переводе.....	185
3.3.3. Способы отражение чувств героя в тексте оригинала и перевода.....	187
3.3.4. Лексические эквиваленты при переводе стихотворения.....	189
3.3.5. Введение фиктивного актанта в предложение..	193
3.3.6. Трансформация детализации сообщения в процессе перевода.....	194
3.3.7. Стилистическая нивелировка языковых единиц поэтического пространства.....	197
3.3.8. Предлоги в структуре оригинала и перевода...	198
Выводы.....	202
Заключение.....	205
Литература.....	211
Список словарей.....	223
Список художественной литературы.....	224
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	227

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистической науки как в России, так и за рубежом приоритетными направлениями теории перевода являются: изучение истории переводческой деятельности, историческое осмысление развития переводоведческих концепций, изучение процессуальных и эвристических аспектов деятельности переводчика, исследование специфики переводоведческого билингвизма, типологизация перевода по характеру переводимых текстов, исследование структурно-функциональных трансформаций языковых единиц при переводе (Гак, 1998; Комиссаров, 2000а; 2007; Рецкер, 1980; Швейцер, 1999; Гончарова, 1999; Дудина, 1989; Карабанова, 2000 и др.).

В монографии осуществляется сопоставление различных элементов структурных уровней языковых систем исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ), изучается вопрос о структурно-функциональных трансформациях языковых единиц при переводе как адаптации, выявляются закономерности преобразования планов содержания и выражения единиц ИТ в ПТ, которые ведут к изменениям в структуре текста перевода, в том числе и к стилистическим. Переводческая деятельность направлена на адаптацию содержания оригинала как обработку текста перевода, его темы и элементов.

Адаптация удовлетворяет коммуникативные интересы приемников, а также «литературные каноны принимающей среды» (Попович, 2000: 180). Адаптация текста осуществима как на основе адекватного, так и эквивалентного способов перевода единиц исходного языка (ИЯ) на переводной язык (ПЯ). При адекватном переводе сохраняется симметрия (соответствие) между планами единиц оригинала и текста перевода, тогда как при эквивалентном переводе проявляется асимметрия (несовпадение) языковых единиц на уровне планов содержания и выражения.

В теории перевода хорошо изучены преобразования на уровне лексики, грамматики при адекватном и эквивалентном переводе оригинала на иной язык (Гак, 1986; Попович, 2000; Рецкер, 1980; Воробьев, 2008; Вежбицкая, 1996; Комиссаров, 1991; Багринцева, 2001; Воркачев, 2001; Гришаева, 1999 и др.), тогда как комплексное изучение условий симметричной/асимметричной передачи стиля текста оригинала в зависимости от преобразований планов содержания и выражения, составляющих его единиц, до настоящего времени не проводилось.

Симметричная/асимметричная передача языковых единиц, содержащих лингвокультурологически обусловленную информацию ИТ в ПТ изучена также недостаточно, поэтому в монографии предпринята попытка выявления зависимости симметричной и асимметричной передачи стиля от структуры планов содержания и выражения единиц литературно-художественных произведений на французском и русском языках, что позволяет изучить степень взаимосвязи передачи стиля и преобразований планов содержания или выражения единиц ИТ в ПТ; а также определить оптимальные пути перекодировки планов содержания и выражения языковых единиц оригинала на структурно иной язык текста перевода.

В монографии рассматриваются пути перекодировки единиц текста оригинала на язык перевода на основе положений теории трансформации языкового знака, предложенной Ю. Найдой, и явления симметрии/асимметрии планов содержания и выражения, впервые рассмотренного М. Карцевским применительно к языку. Наряду с проблемами перекодировки прозаических произведений в монографии рассматриваются проблемы поэтического перевода, одна из которых как раз и заключается в том, чтобы переводчик смог почувствовать ауру поэта и передать ее на переводном языке вместе со всеми литературно-эстетическими, лингвистическими коннотациями стихотворения как целого и одновременно как фрагмента всего творчества поэта.

ГЛАВА I. Межкультурый и межъязыковой векторы художественного перевода

1.1. Культурологическая интерпертация художественного текста при переводе

Современная теория перевода характеризуется разнообразием теоретических концепций. Существует ряд факторов, формирующих предмет общей теории перевода: закономерности, присущие переводу во всех его разновидностях; система изучения его природы, сущности, принципов, цели; существование проблемы адекватности текста перевода оригиналу; выявление исторической роли перевода в развитии межъязыковой коммуникации народов, взаимоотношение перевода с другими видами духовной деятельности (Лилова, 1985: 34).

Рассмотрению проблем перевода были посвящены научные работы отечественных лингвистов: А.В. Федоров (2002), В.Н. Комиссаров (1990, 2000б, 2007), А.Д. Швейцер (1999, 2009), В.Г. Гак (1987, 1999, 2010), Я.И. Рецкер (1980), Р.К. Миньяр-Белоручев (1996), А.К. Латышев (1981, 1988), А.Н. Злобин (2000), В.С. Виноградов (2001), И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг (1999), Т.А. Фесенко (2000, 2001), И.В. Калинин (1999), И.Е. Ключанов (1986), В.А. Пмунгян, Е.В. Рахилина (1994), М.Б. Раренко (2000), Ю.А. Сорокин (1989).

Ряд зарубежных лингвистов также рассматривали проблемы теории перевода Е. Benveniste (1974), М. Бланшо (1997), М. Cornier et D. Estival (1992), Р.А. Horguelin (1981, 1984), Ф. Исраил (1991), Л. Лилова (1985), Е. Nida (1969), А. Попович (2000), М.Н. Halliday (1976), R. Jacobson (1954), D. Seleskovich et M. Lederer (1970, 1984), D. Seleskovich (1978), Ф. де Соссюр (1977), М. Snell-Hoenby (1995), G. Toury (1980, 1986), С. Флорин (1983).

Современная теория перевода - это поиск внеязыковых, социокультурных и психологических факторов, формирующих его стратегию и норму (Теория перевода, 1985; Тетради переводчика, 1999 и т.п.). С возникновением и раз-

витием художественного перевода появились и эволюционируют три типа литературы (*схема 1*):

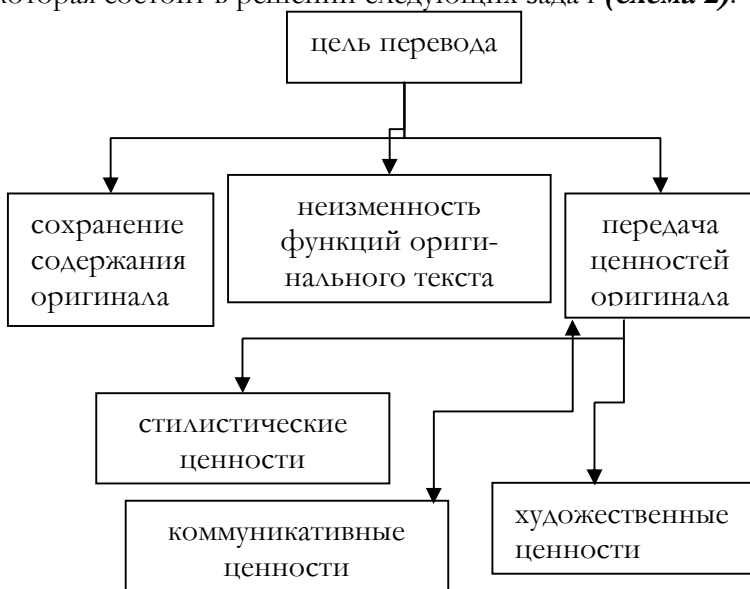

Каждый перевод связан с «первой литературой авторством и национальным содержанием, со второй – языком. Перевод не входит ни в одну из национальных литератур, хотя он ближе к принимающей литературе по языку (Чайковский» 1997: 9). Ученые предложили различные определения явлению перевода. Перевод как замена текстового материала на одном языке текстовым материалом на другом языке (Catford, 1965). Перевод как создание наиболее близкого естественного эквивалента на переводном языке (Швейцер, 1989).

В монографии перевод рассматривается как многогранный лингвистический процесс, основанный на отождествлении двух языковых систем, как способ транспонирования образов сознания одного народа на почву сознания другого. Перевод основан на противоречии, заключенном в самом языке, так как с одной стороны, язык объединяет людей, а с другой он разделяет человечество, потому, что говорящего на ином языке мы не понимаем. Процесс перевода можно рассматривать одновременно как **аналитический и синтетический, научный и художественный**, в котором анализ и синтез объединяются в воспроизведении действительности (Коновалова, Примайчук 2003: 80). Практические задачи перевода обосновываются теоретическими постулатами возможности перекодировки и адаптации информации, так как перевод способствует передаче принципов действительности

сти, по которым живет один народ, на почву традиций другого народа, в результате чего достигается цель перевода, которая состоит в решении следующих задач (*схема 2*):

Достижение цели перевода определяется по относительно равному восприятию читателями текстов оригинала и перевода. В настоящее время существует два способа перекодировки текста оригинала: **знаковый способ и смысловой** (Миньяр-Белоручев, 1996: 101). При знаковом способе преобразования осуществляются на формально-знаковом уровне текста, то есть слово или выражение вызывает вербальную реакцию и не зависит от контекста. Следует подчеркнуть, что знаком можно пользоваться только в том случае, если есть его соотнесенность не с предметом или явлением, которые обозначены в конкретном речевом произведении, а с целой областью знаний. Смысловой способ перевода основан на предварительной идентификации денотата и нахождении ему иноязычного эквивалента на переводном языке. Основная трудность смыслового способа перево-

да заключается в том, что необходимо выбрать адекватную речевую единицу из всех существующих вариантов. В случае, когда синонимичное выражение отсутствует в языке, переводчик прибегает к ряду дополнительных источников для передачи информации оригинала.

Перевод, как процесс и результат переводческой деятельности, зависит от ориентации на определенного рецептора, на типичного представителя культуры языка перевода. Акт перевода прагматически ориентирован по двум направлениям. Во-первых, он заключается в полном воспроизведении оригинала, во-вторых, перевод является прагматически ориентированным на рецептора (Швейцер, 2009; Neubetr, Shreve, 1992; Newmark, 1991; Nord, 1991; Steiner, 1975). Степень подобия текстов оригинала и перевода друг другу зависит от степени свободы, которой руководствуется переводчик в процессе адаптации информации исходного текста (Огнева 2006: 130-137). Исследования показывают, что даже опытные переводчики полагают, что отличным можно считать перевод, в котором сохранено 80% содержания оригинала. Очевидно, что чем выше степень свободы переводчика, тем дальше текст перевода отстоит от оригинала, тем в меньшей степени он отражает содержание и форму оригинала, тем превратнее представление, которое получает об оригинале читатель (Чайковский, 1997: 55).

Переводчик осуществляет переводческую деятельность не на уровне отдельных единиц языка, а на уровне текста, что порождает ряд трудностей при выборе варианта перевода, поэтому одним из вопросов теории перевода является изучение характера переводческого творчества как процесса принятия переводчиком интуитивных решений, в ряде случаев, основываясь на этимологии номинаций (Berman, 1985, DEHF, 1993).

Перевод может рассматриваться как один коммуникативный акт с усложненной структурой – речевой акт общения через переводчика, перекодирующего содержательный и прагматический компоненты текстов. С этой точки зрения

перевод носит недетерминированный характер; все мыслительные операции определяются лингвокогнитивными особенностями переводческого кода. Под переводческим кодом понимается совокупность преобразований планов содержания и выражения единиц, стилия оригинала при переводе, основанных на словарных соответствиях, на особенностях грамматического строя и смысловой структуры ИТ и ПТ. Изучение компонентов переводческого кода основывается на определении “единица перевода”, так как перевод осуществляется по отдельным логически связанным отрезкам текста, то есть “единицам перевода”. Ученые с разных позиций подходили к решению данного вопроса, отстаивая порой диаметрально противоположные точки зрения (Бархударов, 2007; Комиссаров, 1973; Рецкер, 2007; Черняховская, 1987; Ольховников, 1984).

Авторы сопоставительной стилистики французского и русского языков Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне (J.-P. Viney, J. Darbelnet, 1958) утверждали, что единицами перевода являются языковые единицы, соответствующие единицам мысли. Существуют следующие виды единиц: функциональные (выражающие одну грамматическую функцию); семантические (выражающие одно лексическое значение); диалектические (выражающие ход мысли); просодические (выражающие одну интонацию). В структурном отношении единица может быть равна слову, словосочетанию, морфеме, фразеологической единице как идеоматичной, так и неидеоматичной.

По мнению Л.С. Бархударова, единица перевода – это наименьшая единица исходного текста, которая имеет соответствие в переводном тексте. Она может обладать сложным строением, но ее части, взятые по отдельности, непереводимы, так как в тексте перевода им нельзя установить никаких соответствий (Бархударов, 2007). В.Н. Комиссаров считает, что единица перевода – это минимальная единица речи, наличие которой в исходном тексте обусловлено появлением определенного речевого отрезка в тексте перевода

(Комиссаров, 1973). Д.Б. Ольховников утверждает, что за единицу перевода в каждом конкретном случае может быть принят отдельный абзац в его лингвистическом, лингвострановедческом, литературном или стилистическом определении. Он представляет структуру образов в произведении как иерархию единиц перевода, понимая под термином “иерархия единиц перевода” носителей содержания и внутренней формы в широком смысле слова (Ольховников, 1984).

Ряд лингвистов полагает, что для письменного перевода проблемы единицы перевода не существует, поскольку фактически единицей перевода может быть слово, словосочетание, синтагма, целое предложение, абзац, весь текст в зависимости от идеи, от замысла и стиля, от речевой характеристики персонажа (Рецкер, 2007).

Попытки лингвистов соотнести единицу перевода с какой-либо формальной языковой единицей не дали результатов. Методы идентификации и вычленения единиц перевода на уровне формы в теории перевода до сих пор не разработаны, так как некоторые элементы смысла могут быть не видны на поверхности предложения или текста, и проявляются на уровне имплицитно выраженного смысла или стилистического эффекта (Минченков, 1999). Выделение элементов смысла в смысловом представлении высказываний происходит вне зависимости от их отражения в ПТ, поэтому их называют не единицами перевода, а смысловыми единицами (Минченков, 1999). Сопоставление единиц перевода и смысловых единиц в ходе лингвистического анализа раскрывает особенности перекодировки исходной информации оригинала в тексте перевода.

В данном исследовании вслед за Я.И. Рецкером за единицу перевода приняты: слово, словосочетание, целое предложение, абзац в зависимости от объема изучаемого явления процесса перекодировки единиц оригинала (Рецкер, 2007). Слово – это основная единица языка, которая содержит традиционно-закрепленный набор информации и служит для оформления мысли и передачи сообщений в составе пред-

ложения (Виноградов 2001:49). В языке слово является грамматически оформленной единицей, соотносящейся с определенным лексико-грамматическим разрядом. Слово занимает низший семантический уровень в художественном тексте. Оно отличается от фразы, абзаца, главы тем, что слово существует в языке в качестве носителя конкретного смысла еще до порождения речи, до создания текста. Слово является частью системы языка и в речи оно предстает частью лексико-стилистической системы произведения.

Процесс перекодировки при переводе делится на два этапа: декодирование и кодирование. На первом этапе осуществляется анализ, направленный на понимание текста (декодирование). На втором этапе происходит синтез и анализ, то есть порождение текста на ПЯ (кодирование). Лингвистический анализ языковых единиц ИТ и ПТ выявляет закономерности процесса перекодировки. В ходе анализа компоненты текста предстают в роли объекта и результата языковых преобразований, осуществляемых переводчиком.

Переводческая компетенция постулируется в многочисленных характеристиках процесса перевода, но специфику переводческой деятельности позволяет выявить модель, изучающая с одной стороны процесс перевода, а с другой стороны актуализирует развитие переводческой компетенции. Основное требование эквивалентности перевода, направленное на адаптацию информации исходного текста и переводного, требуют от переводчика абстрагироваться от субъективного восприятия текста и ориентироваться на типичного представителя читательской аудитории.

Текст является основной формой презентации информации при любом типе коммуникации. Текст, по мнению многих исследователей, обладает способностью к бесконечному воспроизведению. Для адресата и адресанта текст должен иметь тождественный смысл. Текст как языковая единица высшего уровня отличается качественно от единиц низших уровней. Его восприятие и порождение опирается на существующие текстовые стереотипы. Решение боль-

шинства вопросов по интерпретации текста начинается с понимания сущности текста. Так, Тверская школа герменевтики под текстом подразумевает освоение разумом того, что присутствует или дается неявно (смысл текста). По мнению сторонников такого восприятия текста “смысл” и “понимание” оказываются соотносительными и не могут быть рассмотрены отдельно друг от друга.

Художественный текст охватывает все жанровое разнообразие художественной литературы. Он имеет две взаимосвязанные текстообразующие функции: воздействия и эстетическая. Существенное значение приобретает форма подачи материала. От того, в какой форме отражено содержание текста, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя (Виноградов 2001, 16). В художественных текстах используются единицы и средства всех стилей, которые, включаясь в новую систему литературы, приобретают иную для себя функцию: эстетическую.

Учеными предложено несколько вариантов интерпретации текста при переводе. К примеру, упрощение, отождествление смысла исходного текста с эталоном смысла на основе прошлого опыта переводчика. Опыт является основой для преобразования смысловых блоков оригинала. Интерпретация – это базисная операция герменевтики как науки искусства и толкования текстов.

Герменевтика – это не столько средство достижения непосредственно воспринимаемого объекта, то есть того, что мы видим и слышим (осязаем), сколько тех скрытых взаимосвязей и детерминант, которые в сумме образуют общий контекст и через раскрытие которых непосредственно воспринимаемое становится понятным (Провоторов 2000: 163). В процессе интерпретации невидимое содержание произведения становится предметом понимания и толкования.

Понимание является исходным феноменом мышления, так как человек начинает мыслить только тогда, когда хочет

что-либо понять. Для герменевтики понимание представляет собой поиск смысла, записанного языком текста, смысла, который необходимо перекодировать с исходного языка на переводной. Ядром понимания текста является смысл, за которым прослеживается человеческая субъективность, авторская индивидуальность.

Понимание – это овладение переводчиком смыслами, заложенными в произведении. Понимание текста подразделяется на два этапа: процесс и результат. Результат процесса понимания – это постижение смысла произведения, который необходимо перекодировать на переводной язык. Чтобы понять текст, нужно интерпретировать язык произведения (план выражения и содержания языковых единиц), несущий определенное количество информации о стране, народе, языке и культуре.

Для перевода понимание является способом выразить адекватную реакцию на содержание перекодированного произведения. Подчеркнем, что проблема понимания не возникла бы в процессе перекодировки произведений на переводной язык, если бы все языки имели однородную структуру, отражающую предметный мир, мысли и чувства. Но языки не унифицированы; во-первых, различается объем словарного запаса; во-вторых, факт совпадения некоторых предметных полей не гарантирует идентичность лексических единиц, предназначенных для их обозначения.

Существуют следующие уровни герменевтического перевода (*схема 3*):

Грамматический уровень характеризуется тем, что на этом уровне языковая интерпретация включает в себя анализ слов, словосочетаний, грамматических форм.

Стилистическая интерпретация осуществима при перекодировке средств выражения, идеи произведения (метафоры, гиперболы, аллегории, рифмы) и определяет стилистическое влияние на автора произведения со стороны предшественников и современников.

Историческая интерпретация направлена на определение конкретных обстоятельств создания произведения, которое необходимо перекодировать на переводной язык. Для переводчика оказывается недостаточной информация об авторе, его языке, стиле, необходимо историческое восприятие плана содержания перекодируемого произведения.

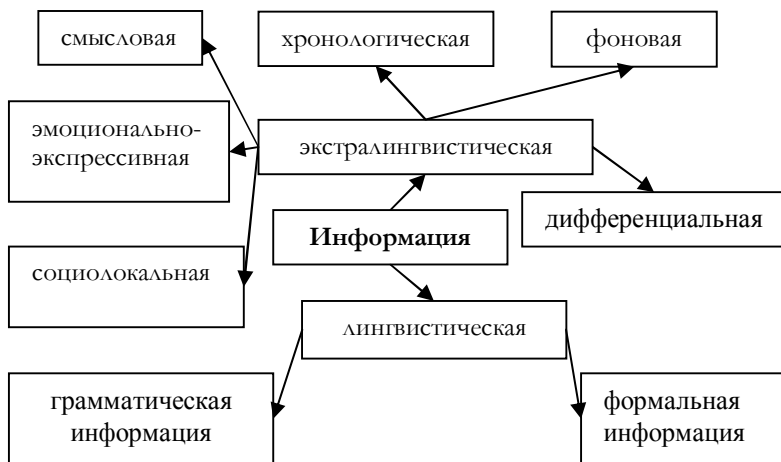
В художественном произведении присутствуют два языка: **естественный** и **формализованный**. Естественный язык является предметом исследования герменевтики, выражая видимое, предметное знание в виде определенной структуры предложений, представляющей собой коды, тогда как формализованный язык взаимосвязан с методом рационального понимания. В процессе перекодировки переводчик воспринимает оба языка. Этот процесс осуществляется путем логических операций речемыслительной памяти, но является недостаточным для художественного перевода, который требует интуитивную интерпретацию исходной информации (Комиссаров, 1982; Кубрякова, 1994; Родионов, 1986; Чиронина, 2001; Delisle 1993; Waard и др.). Особое место в процессе перевода занимают амплификации (добавления), которые возникают под воздействием ритма и стилистического рисунка фраз.

Существует **экстралингвистическая** (знаменательная) и **лингвистическая** (служебная) информации в структуре текста, слова, которые определяются тем, что смысловая (семантическая) и экспрессивно-эмоциональная информация отличаются друг от друга, но также имеют общую черту: оба смысловых компонента слова выражают экстралингвистиче-

ское содержание, относящееся к фактам действительности (Виноградов 2001, 53).

Экстралингвистическая информация отражает представления о явлениях, фактах действительности, присущих материальным и духовным формам природы и общества (ЕУФ, 1990). Лингвистическая информация имеет внутриязыковое содержание, в котором отражены объекты языковой системы, закономерности отношений между ними. Подчеркнем, что лингвистическая информация не передается при переводе, поскольку представляет собой сведения о системе конкретного языка, содержащиеся в единицах этого языка (Виноградов 2001, 55). Этот тип информации учитывается при переводе только в том случае, когда в нем обнаруживается отражение экстралингвистических факторов (метафорическое использование рода неодушевленных существительных и т.д.). Экстралингвистическая информация подразделяется на шесть видов, тогда как лингвистическая подразделяется на два вида (*схема 4*):

Экстралингвистическая информация:

1. **Смысловая** (обозначающая, денотативная, семантическая). Этот вид информации отражает понятия и пред-

ставления о реальном мире, связывая структуру слова с объектами обозначения. Смысловая информация отражается в ядре лексического значения слова, в информационной структуре слова она занимает главенствующее положение. Остальные виды информации являются сопутствующими.

2. **Эмоционально-экспрессивная** (стилистическая, коннотативная), выражающая чувства и эмоции. Известно, что содержание семантической информации может оказывать эмоциональное воздействие на читателя, хотя не во всех случаях в этом содержании может быть эмоционально-экспрессивная информация.

3. **Социолокальная** (социальная, стилевая, социогеографическая) информация указывает на социосферу функционирования слова. Носитель языка легко отличает нейтральную лексику от стилистически окрашенной. Переводчик решает задачу по перекодировке социолокальной информации текста, которая не всегда может быть адаптирована по причине отсутствия межъязыковых соответствий в языках оригинала и перевода.

4. **Хронологическая** (временная, диахроническая) информация определяется уровнем развития общества, историческими событиями, происходящими в том или ином обществе, что приводит к появлению в языке новых слов, устареванию ранее употребляемых (архаизмы, неологизмы).

5. **Фоновая** информация способствует передаче культурологических особенностей оригинала в процессе перекодировки. Социокультурный уклад общества отражается в оригинальных произведениях и вызывает ряд трудностей при переводе. Существует ряд приемов, способствующих передаче фоновой информации, но только воспроизведение всего идейно-художественного содержания оригинала способствует сохранению его национальной сущности.

6. **Дифференциальная** информация указывает на лицо субъекта или объекта действия, что связано с грамматическими категориями языка и лингвистической информацией.

Лингвистическая информация имеет на два вида:

1. **Грамматическая** информация отражает содержание пустых грамматических категорий.

2. **Формальная** информация содержит сведения о плане выражения слова и определяется односторонними единицами языка, в которых нет внешнего плана содержания, нет значений, но в которых есть имманентная несемантическая информация о закономерностях соположения, сочетаемости, взаимодействия, вариантности звуков (Виноградов 2001, 55-59).

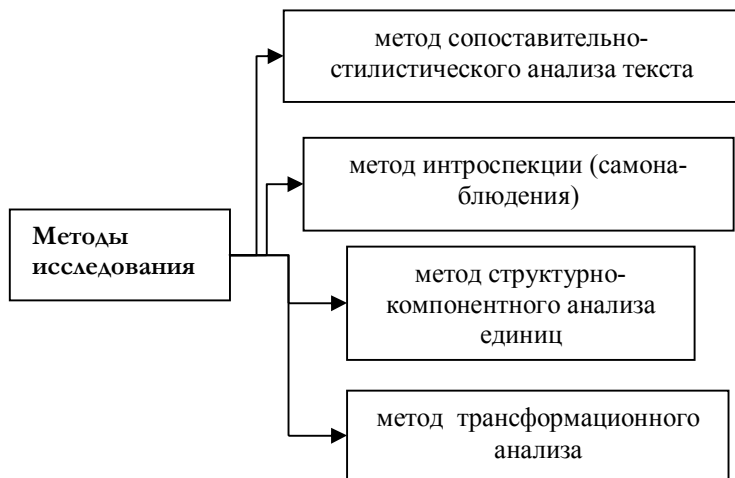
Информативность текста основана на сумме информативности составляющих его предложений. Предложение имеет поверхностную и глубинную структуру. Глубинная структура – это абстракция, содержащая все элементы, необходимые для образования поверхностных структур предложений со сходной семантикой (РСС, 1983). На основе нескольких глубинных структур образуются предложения с идентичными поверхностными структурами. Выявление межязыковых соответствий текстов производится на всех этапах восхождения от глубинной к поверхностной структуре.

Существует ряд критериев связности текста, которые учитываются при переводе языковых единиц оригинала: **внутреннее единство, целостность, относительная самостоятельность**. Рассмотрение закономерностей процесса перевода как способа адаптации ИТ на ПЯ осуществляется в ходе изучения компонентов сопоставляемых текстов оригинала и перевода путем их лингвистического анализа как на отдельно взятом уровне, так и в рамках текстовой структуры в целом.

Лингвистический анализ единиц текста затрагивает явления всех уровней языка, их значения и формы проявления, устанавливает факты, составляющие лингвистическую основу ИТ, рассматривает экстралингвистические факторы – все фоновые и коннотативные значения культурно-исторического содержания оригинала.

В ходе лингвистического анализа уровней текста оригинала каждый языковой факт вычленяется как отдельная лингвистическая единица, как элемент системы (Минченков, 1997; Horguelin, 1980, Lavault, 1985). Сравнение и сопоставление отдельных языковых факторов с другими определяет лингвистическое значение и функции. Сопоставление – это сравнение с целью описания различий и сходств в разных языках, а также исследование аналогичных языковых явлений планов выражения и содержания (Бархударов, 2007; Григорьева, 2000; Медникова, 1985; Нечаева, 1986).

Сопоставление определяется, как сравнение способов и средств выражения в разных языках инвариантного содержания языковых единиц. Сопоставление основано на применении следующих методов исследования (*схема 5*):

Отметим, что метод трансформационного анализа позволяет фиксировать особенности переводческих трансформаций в общем и по отдельным типам, а метод структурно-компонентного анализа единиц текста оригинала при его перекодировке осуществляется на основе знакового и смыслового способа перевода (Родионов, 1986). Полученные путем применения перечисленных методов исследования данные выявляют основные тенденции процесса перекоди-

ровки информации исходного текста на переводной. Их классификация является основой для определения границ спектра языковых изменений при переводе.

Лингвистический анализ единиц текста оригинала показывает, что перекодировка плана содержания и выражения языковых единиц оригинала и текста перевода возможна при наличии точек соприкосновения объема значения слов. Объем значения включает в себя **денотативные, логические, прагматические, функциональные, культурно-исторические компонентные значения слов** (Маркина, 1996: 35).

Денотативный компонент, являясь звеном общей системы, характеризует способность языковой единицы выступить в качестве наименования предмета на ПЯ. Логический компонент значения единицы отражает содержащееся в слове лексическое понятие.

Прагматический компонент заключается в эмоционально-оценочном отношении к предметам, которые определяются данным словом. Функциональный компонент раскрывает связи обозначаемого словом предмета с другими предметами и взаимосвязь слова с элементами языковой системы.

Культурно-исторический аспект характеризует элементы национальной культуры средствами языка (Маркина, 1996). Совокупность перечисленных компонентов объема значения слова является содержательным планом художественного произведения. Перекодировка каждого из компонентов при переводе основана на специфике языковой системы ИЯ и ПЯ.

Модель сопоставления может быть автономной или генерализованной. Автономные модели не имеют осознанной соотнесенности с факторами общих представлений о языке как средстве общения.

Генерализованные модели устроены применительно к конкретным языкам. В настоящее время используется несколько лингвистических моделей, способных стать генера-

лизованными, которые являются универсальными. Она имеет уровневую структуру от глубинного до поверхностного.

Лингвистический анализ компонентов языковой структуры текста способствует также выявлению взаимосвязи плана содержания и плана выражения знаков текста оригинала и перевода, так как содержание произведения состоит из всей семантической информации, заложенной в нем, а форма является совокупностью внутренних и внешних связей его элементов (Миньяр-Белоручев, 1996).

Учет содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации языковой единицы способствует комплексному восприятию произведения как совокупности языковых знаков, репрезентирующих как культурологически обусловленную информацию, так и иные аспекты бытия, что оказывает влияние на выбор методов и приемов лингвистического анализа текста оригинала. Вследствие этого возникает необходимость в использовании как основных, так и дополнительных средств перекодировки ИТ на ПЯ (Salama-Carr, 1990).

Исследования компонентов языковой структуры позволяют изучить способы передачи коммуникативных параметров исходного текста в переводном (Огнева, 2010 104-109) и выявить условия адекватности обмена информацией между двумя тезаурусами различных этносов, устанавливают набор факторов, влияющих на перенос идиоэтнических характеристик лингвокультурологической общности в тексте перевода, что оказывает непосредственное воздействие как на статику, так и на динамику языкового знака.

1.2. Динамика языкового знака

Язык как знаковая система существует в двух формах: во-первых, как совокупность знаков, во-вторых, как вид деятельности, суть которой состоит в применении языковых знаков для достижения определенных целей коммуникации. Языковой знак – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка) репрезентирующее предмет,

свойство, отношение действительности (БЭСЯ, 1998: 166). Языковой знак представляет собой последовательность фонем и графем, называемую означающим, соединенную в психике носителей языка с определенным понятием - означаемым. Знак обладает тремя видами связи, благодаря которым выполняют различные функции: 1) знак связан с тем, что обозначает (семантика знака); 2) знак существует в системе и связан с другими знаками (синтактика знака); 3) знак связан с людьми, употребляющими знак (прагматика знака). Три вида связи составляют значение знака (Комиссаров, 2000б: 29).

Значение знака вне контекста его употребления характеризует его как часть системы языка (Кубрякова, 1993). Значение языкового знака имеет комплексную организацию (семантическая структура). В значении основной единицы языка – слова существует различное смысловое выражение, присущее его форме (лексическое значение) и элементы смысла, общие для целого ряда слов (грамматическое значение). Структура лексического значения знака состоит из предметно-логического значения единицы (денотативно-сигнификативное). В семантику знака входят дополнительные (коннотативные) значения: эмоциональные, стилистические, образные.

В контексте значение языкового знака актуализируется и становится смыслом знака. При переводе смысл знака оригинала может быть передан в ПТ набором иных языковых средств, отличных от исходных. Материальность и субстанционный характер знака являются его неотъемлемым свойством. Знак материален и построен из разных по субстанции знаков (Кубрякова, 1993: 21). В знаке можно выделить как денотативные, сигнификативные, так и коннотативные аспекты его значения, определяемые в составе коннотаций знаков (Телия, 1999). Объем лингвистического знака ограничивается пределами слова, словосочетания, морфемы и других значимых элементов языка, соотносящихся с определенными сигнификатами.

Лингвистический анализ текста показывает, что высказывание, как языковой знак, состоит из знаков меньшего объема, представляет собой факт речи и не существует изолированно. Внутри высказывания слово подвергается трансформациям, изменяя свое контекстуальное значение при переводе. Происходит передача соответствия между языковыми формами и отрезком экстралингвистической действительности с ИЯ на ПЯ (Гак, 1998: 215).

Г. Гийом (Guillaume, 1969), рассматривая компоненты языкового знака, доказывал, что потенциальные возможности номинации реализуются языковым значением в интеграции с речевым значением, то есть при согласовании языкового и речевого значений знака в рамках языка.. На семантическом уровне знаку соответствует “смысловое представление”, универсальное для всех языков и включающее в себя все семантические и парадигматические элементы, выделяемые на этом фоне.

Языковой знак обладает относительной устойчивостью в части обозначаемого, и во времени он стремится к стабильности. Это свойство названо “консервативностью знака” (термин Б.Ю. Нормана, 1996). Язык каждого поколения отличается от предыдущего, т.к. меняются соотношения формы знака и значения. Форма знака остается консервативной, а его содержание – динамично. Динамика мысли фиксирует значение знака; его означающее представляет собой лингвистическую категорию слова. Форма знака воспринимается как итеративный компонент в пределах лингвистической категории (Guillaume, 1969: 225).

Знак стремится к многозначности в плане содержания и выражения. Существуют различные изменения планов содержания и выражения языковых знаков при переводе: законенное грамматикой фонетическое и морфологическое варьирование слов, их форм, речевые искажения форм слова. В ряде случаев семантическое развитие слова приводит к расщеплению знака, к появлению на его месте двух новых, самостоятельных единиц (Норман, 1996: 41). Форма новооб-

разовавшихся знаков остается той же, изменение происходит в содержательном плане. Отсутствие знака, несущего информацию оригинала в ПТ, свидетельствует о наличии нулевого знака, возникшего при переводе. Знаки, составляющие языковую систему, взаимосвязаны двояко: они находятся в отношении смежности, следования, сочетаемости, конкуренции, то есть в синтагматических и парадигматических отношениях. Синтагматические и парадигматические отношения языковых знаков являются всеобъемлющей категорией языка и связывают не только слова, но и иные единицы языка: “подзнаки” и “надзнаки”.

Знание парадигматического значения языкового знака позволяет понимать дополнительную информацию текста, передача которой при переводе возможна на основе содержания его экспликации. Языковые знаки выполняют различные функции в тексте. Лингвистами предложено несколько классификаций языковых функций (Якобсон, 1986), но все они сводятся к двум: креативной и дескриптивной.

Креативная функция знака включает экспрессивную, волеизъявительную, декларативную и функцию принятия обязательств, тогда как дескриптивная включает передачу информации как о внеязыковой деятельности, так и о языковом коде. Функции, присущие всей системе, присущи составляющим ее знакам. Вне зависимости от объема, знаки выполняют одну из перечисленных функций или их разновидностей. Чем больше объем языкового знака, тем больше у него возможностей выполнять одновременно несколько функций, тем сложнее перекодировать содержащуюся в нем информацию. Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показывает, что существующие связи между языковой функцией и формой языкового знака не исключают того, что в языке одной функции соответствует несколько форм, тогда как в другом – одна форма может выполнять несколько функций, что приводит к асимметрии языкового знака.

1.2.1. Явление симметрии/асимметрии языкового знака при переводе

Языковому знаку присуще явление симметрии/асимметрии. Впервые термины симметрия/асимметрия при характеристике языкового знака в лингвистической науке были применены С. Карцевским в его работе “Об асимметричном дуализме языкового знака” (1929). В дальнейшем это явление было рассмотрено в работах Ю.М. Лотмана (1992), Е.С. Кубряковой (1993), Л.М. Минкина (1987), Н.Н. Белозеровой (2000) и др.

Существуют следующие определения лингвистическому явлению симметрии: симметрия – соразмер, соразмерность, равноподобие, равномерие, разнообразие, сходность, одинаковость, либо соразмерное подобие расположения частей целого, противоравенство, противополобие (Даль 1999, 4: 186). В соответствии с результатами проведенных исследований лингвисты выделяют три вида симметрии: статическая симметрия отдельного объекта, гомологическая симметрия, выражающая отношения двух объектов, динамическая симметрия, проявляющаяся при развитии объектов (см. В.Г. Гак, 1998: 109).

Статическая симметрия в качестве объекта изучения определяет постоянные признаки и элементы звеньев языковой системы в плане функционирования, тогда как гомологическая симметрия проявляется при сравнении в синхронном срезе родственных и не родственных языков. Проводимые сравнения касаются структуры функционирования языка. Сопоставление языков в аспекте функционирования основано на том, что речевые соответствия не аналогичны системным, что раскрывается при анализе текстов оригинала и перевода. Основными типами симметрии, основанными на законах относительного равенства и законах сочетания инварианта и варианта, являются: зеркальная, векторная, трансляционная (Белозерова, 2000: 34).

Динамическая симметрия проявляется в сохранении форм языковых знаков и отношений при развитии языка, в

сохранении пропорциональности значений и форм в ходе словообразования. Асимметрия выражается в их нарушении. Явление статической симметрии/асимметрии стало базой для гомологической и динамической симметрии.

Асимметрия системы проявляется в неравномерности развития ее аналогичных звеньев языковых знаков. Языковой знак характеризуется двумя типами отношений: парадигматическим и синтагматическим; в ходе развития языка он может утратить одну из сторон: план выражения или содержания. Данный вид асимметрии называется **семиотическим**.

Асимметрия форм и содержания языкового знака ИТ и ПТ проявляется в **синтагматическом, парадигматическом и семиотическом** планах и обнаруживается на всех уровнях, где имеются двуплановые единицы. Асимметрия знака в парадигматическом плане представлена двумя типами: полисемия и синонимия, тогда как асимметрия в синтагматическом аспекте проявляется в слитной и аналитической формах языковых знаков. Слитная форма знака отражает значение, которое в других случаях выражается раздельно. Аналитическая форма выражает одно значение в совокупности отдельных элементов.

В семиотическом плане асимметрия знака передается нулевой формой и пустой. Нулевая форма знака характеризуется отсутствием специальных показателей, а пустая форма взаимодействует с элементом действительности. Она десемантизирована, то есть утратила свое значение. Асимметрия в функционировании знака проявляется в нерегулярности использования языковых форм для выражения одного и того же значения или для выражения разных значений.

Функциональная асимметрия знака сходна с парадигматической полисемией, но не идентична ей, так как в процессе функционирования реализуются значения, не предусмотренные парадигматическим значением форм. Она проявляется во вторичных функциях, в функции обобщения (генерализации), транспозиции (переносное значение, употребление), десемантизации, в неравномерном использова-

нии форм и слов, что приводит к выделению функционального ядра и периферии. Асимметрия знака существует как изменение глубинной семантической структуры высказывания и разделяется на семантическую и структурно-семантическую избыточность/экономия. При семантической избыточности/экономии количество элементов в предложении сохраняется, предложения в двух языках могут иметь аналогичную структуру, но для обозначения одного и того же элемента действительности используются номинации разной сложности (Гак, 1998: 514).

Семантическая асимметрия знака проявляется, например, в употреблении гиперонимов вместо гипонимов при переводе и наоборот. Под межъязыковой гипонимией следует понимать отношение слов одного языка, называющих родовые понятия, к словам другого языка, обозначающим понятия видовые, а под межъязыковой гиперонимией понимается соотношение лексических единиц, выражающих видовые понятия, со словами, передающими родовое понятие (Виноградов 2001: 75).

Для французского языка характерно применение при ситуативной ясности в повторной номинации гиперонима, в то время как в русском языке используется гипоним (DAF, 1992). Соотношение между гипонимами и гиперонимами, между словами широкого и узкого значения являются важным типологическим показателем языка и существенным аспектом организации речи (Гак 1998, 2012). Так, русское слово *часы* является гиперонимом к французским гипонимам *horloge, pendule, montre*, а французское слово *entente* является гиперонимом к русским гипонимам: *согласие, соглашение, сговор* (НФРС, 1997). Структурно-семантическая асимметрия знака заключается в дополнении или исключении его при переводе, в семантическом дублировании его другим элементом высказывания. При структурно-семантической асимметрии дополнение или устранение семы связано с устранением или дополнением компонента предложения.

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показывает, что наряду с полной симметрией или асимметрией языкового знака существует частичная симметрия/асимметрия, то есть по одному признаку языковые единицы симметричны, тогда как по другому асимметричны. На основе симметрии/асимметрии языкового знака осуществляются его количественные и качественные преобразования при переводе. Проводимые лингвистами исследования показывают, что симметрия и асимметрия знака проявляется при необходимости выбора языковой единицы в процессе перевода и является актом порождения новой информации, реализуя творческие функции единиц ИТ и ПТ (Лотман, 1996).

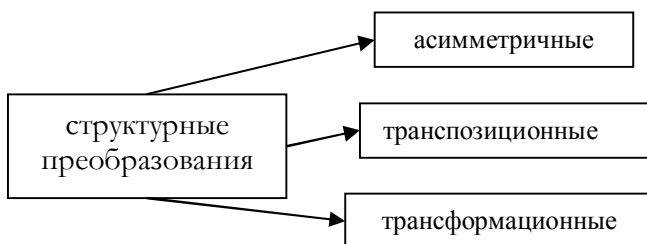
Сопоставительный анализ текстов на французском и русском языках выявляет универсальные языковые средства, определяет параметры межъязыковой асимметрии (Гарбовский, 2004). Проводимый анализ разграничивает межъязыковую асимметрию на *первичную и вторичную*. Первичная асимметрия характеризует несовпадение в употреблении системных единиц в речи. Вторичная асимметрия обнаруживается в двойном сопоставлении речевых единиц двух языков, в их сравнении с литературной нормой. Асимметрия языкового знака проявляется на уровне системы и структуры. Асимметрия структуры основана на расхождении означающего и означаемого, то есть на нарушении взаимнооднозначных отношений между планами содержания и выражения единиц, которые реализуются в речи, что в итоге приводит при переводе к преобразованиям при адаптации оригинала на ПЯ.

1.3. Компоненты переводческого кода

Сопоставление структуры текстов оригинала и перевода, рассмотрение свойств составляющих их языковых единиц, являются основой для исследования условий передачи языковых знаков с исходного языка на переводной (Гак, 1965, 1998; Гальперин, 1981; Misri, 1990). Изучение преобразований планов знака может осуществляться индуктивным и

дедуктивным путем. При индуктивном пути исследования выявляются реальные преобразования в тексте перевода и в дальнейшем можно провести их классификацию. При дедуктивном методе исследования виды преобразований знаков устанавливаются путем логического исчисления. Наше исследование процесса перекодировки языковых единиц ИТ на ПТ проводится индуктивным путем.

Преобразования языковых единиц при переводе могут иметь количественный и качественный характер. При количественных преобразованиях дополняются или убираются знаки в структуре переводимого текста, тогда как при качественных преобразованиях производится их замена. Существует взаимосвязь между количественными и качественными преобразованиями в рамках языкового знака как частичного, так и полного. В лингвистической теории перевода выявлено три типа структурных преобразований (*схема б*):

Эти типы структурных преобразований способствуют передаче стиля оригинала при переводе. Межъязыковые сопоставления единиц текстов направлены на выявление взаимосвязи элементов плана выражения и плана содержания языковых знаков текстов оригинала и перевода, что является основой структуры и функционирования языка в речи. Сопоставление текстов перевода и оригинала позволяет изучить изменения в планах содержания и выражения языковых единиц при перекодировке текста с ИЯ на ПЯ с учетом условий создания исходного текста и восприятия переводного.

В монографии исходной единицей при анализе типов преобразований в тексте перевода являются компоненты актуализированного предложения. Компоненты предложения (слова, словосочетания), состоящие из определенного количества единиц с различной морфологической формой при перекодировке, подвергаются следующим преобразованиям: транспозиция грамматических категорий, транспозиция частей речи, лексико-синтаксические трансформации, лексико-семантические преобразования (Гак, 1998: 384), что способствует передаче стиля и плана содержания оригинала на ПЯ. Совокупность преобразований в плане содержания и выражения языковых единиц, основанных на свойствах симметрии/асимметрии, составляет код, являющийся связующим звеном между исходным текстом и переводным, то есть код – это совокупность различных видов трансформаций планов знака при переводе.

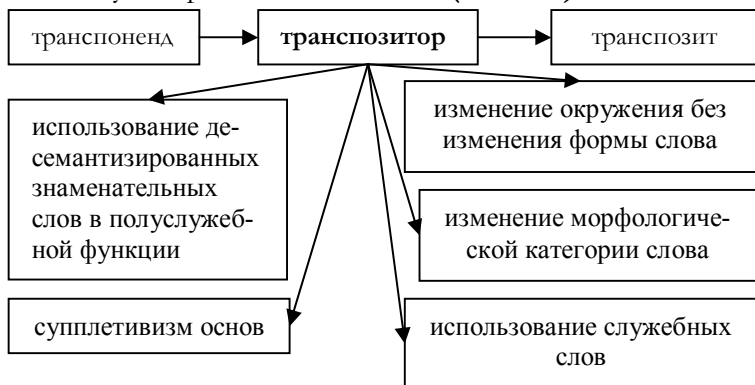
1.3.1. Типы переводческих трансформаций единиц текста

В лингвистической литературе термин “трансформация” получил распространение в связи с работами Н. Хомского – основоположника трансформационного анализа. Данным термином лингвисты обозначают различные виды преобразований, которые осуществляются в условиях отсутствия возможности перевода по межъязыковым параллелям.

Трансформация – модификация языка, темы, стиля оригинала при переводе; реализация инвариантного ядра оригинала в условиях создания перевода (Попович, 2000: 195). В семантическом отношении сущность трансформаций заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, то есть имеющего иную структуру плана выражения и актуализирующим сему иностранного слова, которая перекодируется в процессе перевода. Осуществляемые преобразования передают коммуникативный эффект оригинала на ПЯ вне зависимости от характера отношений между исходной и

преобразованной структурами (Карабанова, 2000). А.К. Латышев выделяет три типа переводческих преобразований: 1. Трансформации, необходимые в силу расхождений языковых систем. 2. Трансформации, обусловленные необходимостью соблюдения правильности языковых норм. 3. Трансформации, продиктованные стремлением придать речи естественность, жанрово-обусловленную адекватность (Латышев, 1981: 188-189, 207).

Явление трансформации основано на расхождениях в структуре семантических полей и способов интерпретации предметных ситуаций в выражении коммуникативной структуры высказывания, стилистических фактов ИТ и ПТ (Гак, 1987; Дурандин, 2002; Перепелицына, 2002; Ситкарева, 2001; Чиронова, 2001; Швейцер, 2009; Kristeva, 1969). Процесс трансформации состоит из трех компонентов: транспоненда (исходная форма), транспозитор (средство транспозиции), транспозит (результат транспозиции). Транспоненда и транспозит могут принадлежать к любому функциональному классу (Гак, 1998: 184). В качестве транспозитора используется пять универсальных способов (*схема 7*):

Применение данных пяти способов транспозиции языковых единиц как путей изменения транспозита – одного из компонентов процесса трансформации - приводит к передаче коммуникативных параметров языковых знаков ИТ в ПТ в процессе их перекодировки. Существует лексическая, грам-

матическая и стилистическая виды трансформации (*схемы 8-10*):

Схема 8.

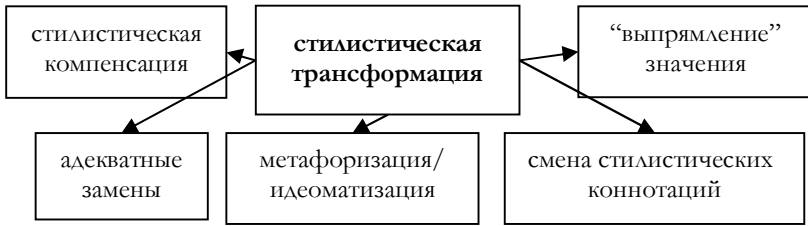

Схема 9.

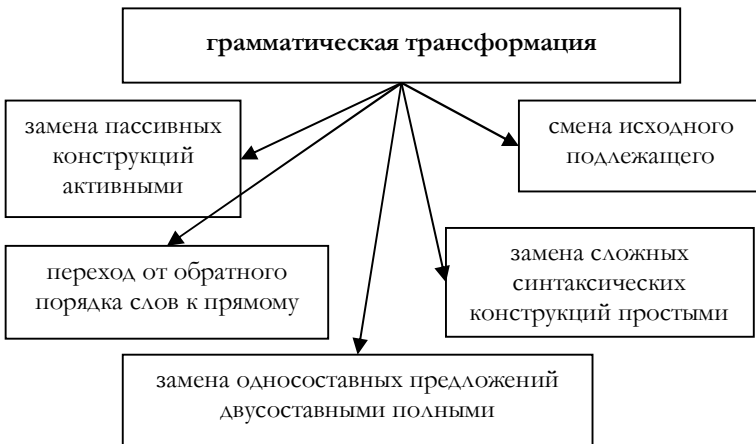
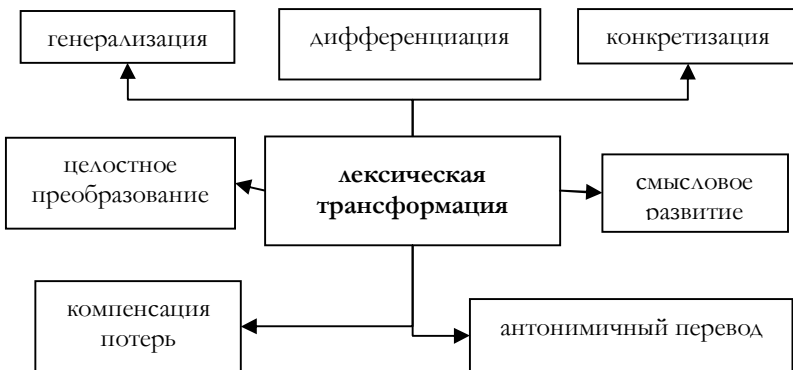

Схема 10.

Существование лексических трансформаций предопределено нахождением соответствий в языке перевода значениям единиц, не совпадающих со словарным значением и выявляемых на основе приемов логического мышления. Отечественные лингвисты, проводя сопоставительные исследования языковых единиц текстов оригинала и перевода, выявили следующий ряд лексических трансформаций значений языкового знака: *дифференциация, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимичный перевод, целостное преобразование, компенсация потерь* в процессе перевода (Рецкер, 2007). В лингвистике существует также иная классификация лексических трансформаций: *конкретизация, генерализация значений, антонимичный перевод, логическое развитие понятий* (Миньяр-Белоручев, 1996).

Языковое явление *дифференциации* значения знака основано на синонимии языковых единиц. Синонимия, как проявление асимметрии содержательной стороны языковой единицы, способствует передаче смысловых компонентов знаков ИТ в ПТ. Пути формирования синонимов во французском языке и русском различны. Во французском языке синонимы возникли в ходе усвоения латинских и греческих корней, тогда как в русском они появлялись в результате заимствований слов со значением, аналогичным уже имеющейся языковой единице.

Особенностью французской синонимии по сравнению с русской является быстрое стирание различительных признаков между синонимами (Гак, 2010: 243). В художественном тексте обычно присутствуют как лексические, так и окказиональные синонимы. Противопоставление окказиональных синонимов лексическим способствует передаче стиля произведения при переводе. Лексическая синонимия (Балли, 2001; Апресян, 1995) изучена основательно, в то время как ее проявления на иных языковых уровнях исследованы меньше. При исследовании лексической синонимии в рамках стилистических преобразований сопоставляются не

исходные формы текста оригинала и перевода, а дистрибутивные блоки, взаимозаменяемые с точки зрения денотативного значения и грамматического контекста. В ряде случаев синонимия проявляется как дополнительная дистрибуция грамматических форм в рамках одного языка, что используется при подборе эквивалентов в процессе перевода (Grevisse, Goosse, 1980). *Il s'est transfiguré - Il s'est métamorphosé - Il s'est transformé - Il a beaucoup changé - Il est devenu un autre homme - Il n'est plus le même - Il est devenu méconnaissable* и т.д.

Сопоставительный анализ художественных текстов выявляет наличие межъязыковой синонимии, представляющей собой различие лексических единиц одного и того же ряда по фонетической форме, парадигматике, синтаксическим связям, объему лексических понятий, но сходных частично или полностью по лексическим значениям. Существуют межъязыковые полные синонимы и относительные синонимы.

Межъязыковые полные синонимы включают в себя слова, соотносимые в одном из своих значений в двух или более языках: *луна - moon - lune - luna; вторник - Tuesday - mardi - martes* и т.д. Ядро синонимов этой подгруппы составляют общенародные слова нейтрального стиля, не имеющие эмоциональной окраски. Эта подгруппа может быть названа нейтральными межъязыковыми полными синонимами. Другая подгруппа включает в себя эмоционально окрашенные слова, у которых совпадают все виды экстралингвистической информации, но не совпадает эмоциональная окраска. Относительными синонимами являются слова, совпадающие по вещественно-смысловому содержанию, но различающиеся по эмоционально-экспрессивной окраске, стилистическому оформлению. Несовпадение может быть полным или частичным. Подчеркнем, что любое слово может являться как полным межъязыковым синонимом информативного слова другого языка, так и относительным

межъязыковым синонимом большинства слов синонимичного ряда в языке перевода.

Грамматическая синонимия в плане структуры и функционирования является частным проявлением асимметрии планов языкового знака как в одном языке, так и при переводе. Изучение грамматической синонимии является одним из направлений в современной лингвистике и способствует раскрытию взаимосвязи отдельных элементов системы одного языка, которая при переводе отображается в элементах другой системы. По мнению В.Н. Ярцевой, для выделения грамматических синонимов необходимы общность грамматического значения и их структурная близость. Грамматические синонимы не могут принадлежать к разным сферам грамматики. Они входят в морфологию или синтаксис.

Синтаксическая синонимия обнаруживается там, где есть возможность выбора, варьирования грамматических средств для выражения одного и того же содержания: *Le problème du désarmement devient dans ce contexte particulièrement important – Dans ce contexte d'idée une importance particulièrement devient au problème du désarmement – 'Особое значение в этой связи имеет проблема разоружения'*. Частый случай синтаксической синонимии – взаимозамена предложного оборота, причастного оборота и предложного предложения. При переводе причастных конструкций их часто заменяют придаточными предложениями. Употребление в качестве единиц перекодировки не только лексических единиц, но и синтаксических структур, позволяет рассмотреть отношения эквивалентности, то есть выявить синонимичные ряды на уровне типовых словосочетаний (Ахметжанов, 1986; Долинин, 1987) (см. 2.3.). Синтаксическими синонимами считаются предложения, совпадающие по глубинной синтаксической структуре; в ряде случаев - по поверхностной структуре. Ряд исследователей утверждает, что предложения, описывающие одну и ту же ситуацию – синонимичны. Синонимия возможна при абсолютном тождестве смыслов высказываний.

Таким образом, различия в интерпретации семантики и синтаксиса языковых единиц определяют разные подходы к исследованию синтаксической синонимии: логический, грамматический, логико–грамматический.

Логический подход основан на отнесении к синонимии всевозможных способов передачи близкого или тождественного понятийного содержания различными языковыми средствами.

Грамматический подход к исследованию синтаксических синонимов возник как оппозиция к логическому, который склонен к внеязыковому анализу. В качестве критерия синонимичности предлагается тождество значений синтаксических конструкций.

Логико–грамматический подход характеризуется общностью синтаксических значений при выборе синтаксических синонимов, смысловой близостью конструкций, то есть тождеством их лексического наполнения.

Языковое явление **конкретизации** значения знака (по Я.И. Рецкеру и Р.К. Миньяр-Белоручеву) раскрывает роль влияния контекста употребления лексической единицы на ее значение. Данный прием преобразований применим для перекодировки стилистически окрашенной лексики. Существует три вида конкретизации: идеографический (логико-семантический), эмоционально-экспрессивный, функционально – стилистический (Гак, 2010).

Идеографическая конкретизация значения языковой единицы основана на соответствии одному слову языка I (ИЯ) нескольких слов языка II (ПЯ), характеризующих различные стороны рассматриваемого явления.

Экспрессивно – эмоциональная конкретизация значения языкового знака отражает соответствие одному слову языка ряда слов другого языка, обозначающих тот же объект, с добавлением экспрессивно – эмоциональной положительной или отрицательной характеристики: **fameux – славный** (положительная характеристика) – **известный** (нейтральная

характеристика) – **пресловутый** (отрицательная характеристика).

Функционально – стилистическая конкретизация раскрывает соответствие одному слову языка ряда слов другого языка, относящихся к разным функциональным стилям речи (Гак, 2010).

Перечисленные три вида конкретизации значений создают условия для перекодировки содержательного плана единиц ИТ в ПТ при всей многогранности их проявлений, что уменьшает смысловые потери при переводе. Сравнение признаков дифференциации и конкретизации выявляет, что при конкретизации осуществляется добавление дифференциальной семы к первоначальной семантической структуре, тогда как при дифференциации сема теряется. Трансформация планов содержания и выражения единиц на данном уровне изменяет сумму семантических компонентов единицы ИТ с учетом контекста ее употребления в ПТ.

Лексические трансформации, получившие название **генерализации** значения (по Я.И. Рецкеру и Р.К. Миньяр-Белоручеву), заключаются в замене частного общим при переводе видового понятия родовым. Этот вид трансформаций значений знака возник в связи с проблемой искажения смысла в процессе перевода языковых единиц и осуществляется по двум направлениям: расширение или сужение значения. Следующий вид лексических трансформаций содержательного плана языковой единицы при переводе получил название метода **смыслового развития** (по Я.И. Рецкеру). Этот метод характеризуется заменой словарных соответствий контекстуальными: ***Sa tête remue de gauche à droite*** (**голова раскачивается слева направо**) – **Он отрицательно качает головой.**

Лексические трансформации, основанные на антонимах, получили название **“антонимичный перевод”**. Трансформации выделены в отдельную группу трансформаций содержательного плана единиц при переводе как Я.И. Рецкером, так и Р.К. Миньяр-Белоручевым. К примеру: ***La***

société russe évolue rapidement – Российское общество не стоит на месте. К данному типу переводческих трансформаций обращаются в случае наличия исторически сложившихся эквивалентов в обоих языках, содержащих в своей структуре антонимы.

Прием **целостного преобразования** (по Я.И. Рецкеру) плана содержания единицы при переводе является разновидностью приема смыслового развития, но в отличие от антонимического перевода обладает большей автономностью и обнаруживает логическую связь между планами выражения ИЯ и ПЯ (Рецкер, 2007). Этот метод перекодировки создает условия для перевода фразы в целом, при отсутствии эквивалента какой – либо лексической единицы в составе фразеологического оборота переводного текста. Данные преобразования могут быть закреплены как словарные соответствия: *On y perd son latin - уму непостижимо. On dit qu'on a plus de raconter quelque chose que de la faire – 'Скоро, говорят, сказка сказывается, да не скоро дело делается'* и др.

Прием **компенсации потерь** при переводе базируется на способности лексических единиц восполнить смысловой пробел, возникший в связи с наличием безэквивалентной лексики в тексте оригинала, что характеризует семантические основы его применения. Прием **логического развития понятий** (по терминологии Р.К. Миньяр-Белоручева, 1996) осуществляется при трансформации на лексико-семантическом уровне и происходит при фиксации замен семантических компонентов исходной единицы. Перечисленные виды лексических трансформаций направлены на адаптацию текстов оригинала к требованиям структурно иного языка перевода.

Ряд ученых выделяет среди преобразований плана выражения языковых единиц, как отдельную группу, **грамматические трансформации**, которые осуществляются по пути упрощения синтаксических конструкций.

Существует шесть типов грамматических трансформаций: 1) **переход от обратного порядка слов к прямому** при переводе текстов с синтетических языков на аналитические (с русского на французский): *В город приехал цирк – 'Le cirque est arrivé à la ville'*; 2) **замена пассивных конструкций активными** в случае обратного порядка слов в пассивных конструкциях: *La délégation a été accueillié par l'ambassadeur – 'Делегацию встречал посол'*; 3) **замена односоставных предложений двусоставными** полными при отсутствии в языке перевода эквивалентных им конструкций: *Жара – 'Il fait chaud'*; 4) **смена исходного подлежащего** при его расположении в глубине предложения, его перевод во второстепенные члены; 5) **переход одной части в другую**, при котором учитываются особенности структуры языка оригинала и перевода при перекодировке с синтетических языков на аналитические, и наоборот: *ничего не ответил – 'pour toute réponse'*; 6) **замена сложных синтаксических конструкций простыми**. Данный процесс зависит от различия компонентов в наборе сложных синтаксических конструкций, от плана выражения в ИТ и ПТ (Миньяр-Белоручев, 1996: 167-170).

1.3.2. Стилистическое кодовое пространство текста

Стилистическое значение представляет собой коннотативное означаемое, чьим означающим выступает данный знак как единство денотативного означающего и денотативно означаемого (Долинин, 1987: 59). Передача стилистического значения единиц оригинала при переводе имеет ряд особенностей и зависит от структуры планов содержания и выражения единиц ИТ в ПТ. Процесс перевода художественного текста основан на стилистическом анализе материала художественного текста. Это языковое явление рассматривается в работах Ш. Балли (2009), В.С. Виноградова (1997), М.М. Болдырева, И.А. Волниной (1988), Т.Б. Дудиной (1989), М.М. Зинде (1989), С.А. Фридрих (1989), А. Malblanc (1981) и др.

Ш. Балли отмечал, что стиль литературного произведения не может быть предложен стилистикой. Он является лингвистической дисциплиной. Изучение стиля выходит за пределы языкознания и относится к области литературы (Балли, 2001). Р. Гиро включает в предмет исследования лингвистики и анализ литературно-художественных стилей. Все перечисленные направления в той или иной степени разрабатываются французской стилистикой и в XX веке. Одновременно, в стилистике выделились отдельные поддисциплины: фоностилистика, сравнительная, историческая и структурная. Что касается вопроса о функциональной стилистике, то во Франции, в отличие от России, она не получила должного признания и распространения, появлялись лишь отдельные исследовательские работы.

Таким образом, через 90 лет после написания работ по стилистике Шарлем Балли, в которых он стремился вывести эту науку на более высокий подобающий ей уровень, французские лингвисты фактически вывели исследование функциональных стилей за пределы стилистики, предписывая ей интересоваться только языком художественной литературы и субъективными фактами в языке (Ушакова 1999: 198).

Существует множество определений стиля. Приведем некоторые из них. Стиль – это разновидность языка, закрепленная в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам, лексикой, грамматикой, фонетикой (БЭСЯ, 1998: 194). Стиль текста – сложное образование, складывающееся как результат отбора на уровне содержания и на уровне выражения единиц (Долинин, 1987: 109). Стиль – это лексико-грамматическое единство в многообразии текстов, которое оказывается характерным для определенной категории текстов (Виноградов 2001: 15).

Исследование стиля оригинала предполагает учет природы стилистических отношений, их внешних связей и способов адаптации к возникающим условиям на ПЯ (Бразгов-

ская, 2000, *Стилистические аспекты...*, 2010). Смешение стилей в литературных произведениях является одним из средств реализации автором коммуникативного намерения (Леонтьева, 2002: 111; Levin, 1987). Система стилей художественного произведения образует функционально-стилистическое поле. В центре полевой структуры находится художественный стиль, который включает в себя как собственные стилистические черты, так и черты пересекающихся с ним других стилей (Кириллова, 2011).

Принципы передачи стиля оригинала на ПЯ при переводе основаны на диалектической взаимосвязи категорий тождества и различия, так как перевод выполняет две функции: репродуктивную и реализационную. Репродуктивная функция связана с декодированием, тогда как реализационная – с объективацией продукта первичного творчества на ПЯ. Стиль произведения осуществляет взаимодействие трех подсистем: *содержания, изложения содержания (форма языкового знака) и воздействия на читателя*. Он существует как норма, предписывающая определенный тип организации языковых единиц в тексте оригинала и требует эквивалентной передачи при переводе.

Стилистическое содержание высказывания состоит из стилистических значений, составляющих его единиц, и требует перекодировки при переводе, которая осуществляется в процессе изменения планов содержания и выражения языковых единиц ИТ в ПТ. Стилистическое значение языковой единицы определяется как дополнительное интуитивно воспринимаемое созначение, реализующееся в речи при выборе данной единицы из ряда денотативно-равнозначных (функционально-эквивалентных) для выражения определенного предметно-понятийного содержания или выполнения определенной постройительной функции (Долинин, 1987: 58). Передача стиля, как кодовой системы, состоящей из трех подсистем, является информационным процессом, при котором происходит замена одной кодовой системы на другую. К стилистическим трансформациям относятся транс-

формации, направленные на достижение коммуникативно-функциональной и художественно-эстетической адекватности оригинала и перевода.

Существуют следующие виды **стилистических трансформаций**:

- **смена стилистических коннотаций** - изменение стилистической окраски, замена обиходно-разговорных слов на диалектные;

- **“выпрямление” значения** - утрата образности или стилевой окраски, передача экспрессивно-эмоционального оборота стилистически нейтральным: функциональные подстановки, стилистическая компенсация, экспрессивно-стилистическое согласование, функционально-адекватные замены и т.д.;

- **метафоризация/идеоматизация** - замена нейтральных языковых единиц образно-экспрессивными;

- **стилистическая компенсация** - перераспределение коннотаций между элементами переводимой единицы;

- **адекватные замены** - смена образа с целью общехудожественного эффекта, использование аналога, эстетически равноценного выражения, переводческого новообразования, окказионального оборота (Рецкер, 2007: Миньяр-Белоручев, 1996; Дзенс, 2001: 30-31).

Таким образом, перечисленные виды лексических, грамматических и стилистических трансформаций плана выражения единиц, как одного из компонентов переводческого кода, направлены на адаптацию оригинала к восприятию иноязычного реципиента путем адекватного и эквивалентного перевода, а также при употреблении нивелировки и усиления как частных способов перекодирования.

1.4. Адекватность единиц оригинала и перевода

В акте речевой коммуникации существенно значимы языковые средства, способы их употребления, поэтому лингвистические исследования в ряде случаев направлены на установление путей адекватной передачи языковых единиц

на ПЯ. Стилистически адекватным называется перевод, при котором сохраняется семантическое ядро единиц ИЯ в ПЯ, изобразительные элементы перевода и оригинала в функциональном и структурном смысле соответствуют друг другу (Попович, 2000: 99-100). Под адекватным поэтическим переводом (см. 1.6.) понимается поэтический текст, содержательно, эстетически и функционально равноценный с оригиналом, то есть текст, максимально полно и без искажений воссоздающий оригинал на языке перевода (Чайковский 1997: 63). Адекватный перевод требует понимания информации на иных уровнях скрытых подтекстов. Существует два критерия адекватности оригинала тексту перевода: стилистический и функциональный (Ольховников, 1984: 75). Адекватность языковых единиц ИТ и ПТ связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта и выявляет соответствие процесса перевода коммуникативным условиям рассматриваемого текста (Бухонкина, 2002; Васильев, 1989; Мафилов, 1998; Прокопович, 1980; Швейцер, 1989).

Адекватный перевод прослеживается на уровне лексических единиц, грамматических категорий, синтаксической структуры предложения. Адекватный способ перевода лексических единиц текстов оригинала на ПЯ базируется на явлении симметрии при передаче плана содержания единиц, тогда как передача плана выражения осуществляется как при симметрии, так и асимметрии планов. Адекватность передачи содержательного плана единиц оригинала при переводе на уровне лексических единиц основана на семантических отношениях слов в синонимичных рядах. Уровень лексических единиц является основой для адекватного перевода единиц остальных уровней текста с ИЯ на ПЯ.

Адекватный перевод базируется на межъязыковых лексических соответствиях, которые являются закономерным фактом языковой действительности и определяются экстралингвистическими и интерлингвистическими факторами. Существование межъязыковых соответствий обусловлено единой материальной сущностью человеческого мышления.

Мышление всех народов выражается в одной ипостаси – в языке как таковом, материализуясь в формах конкретных национальных языков (Виноградов 2001:67), которые не выходят за рамки категорий языка вообще. Закономерность межъязыковых соответствий определяется существованием на межъязыковом уровне соотносительных лексико-семантических категорий. Межъязыковые сопоставления лексико-семантического уровня выявляют закономерные лексико-семантические соотносительные категории. При рассмотрении адекватной перекодировки единиц ИТ в ПТ на уровне грамматических форм, следует учитывать, что грамматическое описание единиц текстов направлено на установление и всестороннюю характеристику грамматических категорий, подвергаемых перекодировке при переводе (Бондаренко, Военкова, Козинцева, 1996).

Теоретическое осмысление проблемы межкатегориальных связей на материале различных типов текстов по-прежнему актуально как для общего языкознания, так и для описания конкретного языка. Речевое произведение представляет собой совокупность не изолированных речевых категорий, а комплексное взаимодействие категорий грамматики, лексики, морфологии, синтаксиса (Бондаренко, Военкова, Козинцева, 1996), поэтому подход к языковой категории как к вычлененному из лексического и грамматического контекста феномену, позволяет глубже изучить сущность самого понятия, установить основные типы формальных и семантических отношений между его элементами (Гельгард, 1961).

Адекватность планов единиц ИТ и ПТ на уровне структуры предложения зависит от степени соответствия перекодируемой синтаксической структуры оригинала структуре ПЯ. Являясь нижней границей текста, его минимальной синтаксической единицей, предложение подчинено требованиям внутренней организации текста. Предложение концентрирует в себе взаимодействие трех факторов: языковых форм, форм мыслей, описываемой действительности. Как единица языка и речи, предложение выделяется из связанно-

го текста в качестве языковой единицы с определенной грамматической структурой.

Предложение, как и составляющие его лексические единицы, имеет определенные грамматические категории. Так, Т.П. Ломтев выделяет семь грамматических категорий предложения: 1) утвердительность/отрицательность; 2) вид общения (коммуникативная установка: повествование, вопрос, побуждение); 3) время; 4) модальность в трех ее субкатегориях; 5) конвертируемость (то есть пассив); 6) лицо (определенность, неопределенность, обобщенность субъекта); 7) активность/демиактивность (соотношение личных и безличных форм) (Ломтев, 2007).

Французский лингвист Б. Потье в предложении выделяет следующие категории: 1) модальные (модальность, утверждение, развертывание процесса (вид, фаза, временная соотношенность, детерминация), 2) локутивные, отражающие отношение говорящего к собеседнику (лицо речи, межличностные отношения, дейксис).

При анализе преобразований на уровне синтаксической структуры предложения основное разделение осуществляется между простым и сложным предложениями. Простое предложение обозначает процесс, сложное – связь между простыми. Существуют односоставные предложения: личные, неопределенно – личные, безличные, которые не поддаются адекватной перекодировке при переводе, что приводит к трансформациям на уровне структуры предложения для передачи плана содержания единиц оригинала на ПЯ. Это связано с особенностями структуры французского и русского языков в отношении выражения подлежащего. Французский язык тяготеет к двусоставности предложения: *Il pleut. On sonne*, тогда как в русском языке односоставные предложения встречаются чаще: *Дождь. Звонят*.

Предложение как языковое явление представляет собой гамму оттенков семантико-контекстуальной нагрузки различных смысловых групп, выраженных членами предложения, его формально-грамматической структурой. Независи-

мо от контекста в правильно построенном предложении кроме формально-грамматической структуры присутствует схема, развивающая содержание на синтаксическом уровне, поэтому информационная структура текста – это совокупность структуры плана содержания единиц, заключенной в высказывании и структуры плана выражения семантических отношений между смысловыми группами, составляющими ткань содержания, упорядоченными и оформленными согласно грамматике исследуемого языка. Адекватная передача информационной структуры оригинала при переводе зависит от адекватности выбранных лексических единиц, их грамматических форм, входящих в формально-грамматическую структуру предложения.

Таким образом, сопоставительные исследования единиц лексического, грамматического и синтаксического уровней ИЯ и ПЯ направлены на выявление возможностей адекватной передачи структуры оригинала в переводном тексте в соответствии с системой каждого языкового уровня, а также на определение путей преобразований планов содержания и выражения единиц, осуществляемые переводчиками в соответствии с законами переводного языка.

1.5. Особенности эквивалентного перевода текста

Изучение эквивалентного способа передачи единиц оригинала в тексте перевода является одним из основных направлений исследований на современном этапе развития переводческой теории (Виноградов, 2001; Ларсон, 1993; Ермолович, 1999; Караулов, 1996; Комиссаров, 2000; Минченков, 1999; Панджикидзе, 1997; Степанов, 1991; Швейцер, 2009; Ofiz, Redly, Rechtel, 1987). Эквивалентность определяет степень сохранения информации единиц ИЯ на ПЯ, необходимую и достаточную для положительной оценки воспринимаемого текста перевода иноязычным реципиентом.

В теории перевода сформулированы различные определения для явления эквивалентности: так В.Н. Комиссаров считает, что **ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ** определяет общность ориги-

нала и перевода, связанную с особенностями языков, участвующих в процессе перевода. Общность содержания представляет собой переменную величину в разной степени приближенную к равнозначности (идентичности информации) на различных уровнях содержания (Комиссаров, 1973: 156). И.К. Ситкарева отмечает эквивалентность как динамическое отношение условий соответствия, установленных переводчиком между текстами оригинала и перевода, через осознанные различия между ними применительно к конкретным условиям межкультурного взаимодействия и допускающие возможность реинтерпретации (Ситкарева, 2001: 6).

В.С. Виноградов характеризует эквивалентность как сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе (Виноградов 2001:18). Коммуникативно-функциональная эквивалентность является понятием относительным, важным, но не основным компонентом понятия переводческой эквивалентности. Авторы выделяют различные виды эквивалентности. А.Д. Швейцер различает семантическую и прагматическую эквивалентность.

Семантическая эквивалентность базируется на сохранении исходного набора сем в тексте перевода. Семантическая эквивалентность основана на лексических и грамматических преобразованиях, затрагивающих синтаксическую матрицу высказывания, ее лексико-семантическое наполнение.

Прагматическая эквивалентность не сводится к одному типу трансформаций при переводе. Она проявляется в употреблении добавления, опущения, которые формируют полную, частичную, абсолютную и относительную эквивалентность. Прагматический уровень эквивалентности языковых единиц состоит из факторов, создающих коммуникативный эффект текста перевода, который соответствует эффекту текста оригинала (Швейцер, 2009).

Ю. Найда выделяет формальную и динамическую эквивалентность. **Формальная эквивалентность** ориентирована на перевод и основана на соответствии планов содержания и выражения единиц оригинала и перевода. **Динамическая эквивалентность** основана на принципе “равноценного эффекта”, отражающего идентичные отношения: “информация-получатель” на ИЯ и ПЯ. Данный вид эквивалентности предполагает передачу исходного сообщения на основе соответствия реакции читателей оригинала и перевода. При динамической эквивалентности преобразования знака ориентированы на рецептора, что предполагает адаптацию лексики и грамматики ИГ и ПГ.

В своих исследованиях немецкий лингвист В. Коллер предложил пять факторов определения видов эквивалентности знаков ИГ и ПГ: 1) экстралингвистические факторы, обуславливающие денотативную эквивалентность; 2) способы вербализации, то есть языковые факторы, обуславливающие коннотативную эквивалентность; 3) текстуальные и языковые нормы, обуславливающие нормативно текстуальную эквивалентность; 4) эквивалентность, ориентированная на реципиента и обеспечивающая реализацию коммуникативной функции перевода, получившая название прагматической эквивалентности; 5) эстетические, формальные и индивидуальные свойства ИГ определяют формально – эстетическую эквивалентность (Koller, 1992: 215-216).

В проводимом исследовании представляется интересным рассмотреть как прагматическую и динамическую, так и стилистическую эквивалентность ИГ и ПГ, так как эти виды эквивалентности в совокупности характеризуют эквивалентный способ передачи планов содержания и выражения единиц оригинала на ПЯ. Эквивалентный перевод базируется на исторически сложившихся эквивалентах в ИЯ и ПЯ. При отсутствии эквивалента единице текста оригинала в ПЯ возникают проблемные ситуации перевода. При поиске эквивалента имплицитно подчеркивается расхождение между языками, а не сходство (Медникова, 1985: 7). Эквивалентом сле-

дует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста (Рецкер, 2007). Эквиваленты - это слова и словосочетания перевода и оригинала, которые в одном из своих значений передают равный или относительно равный объем знаменательной информации и являются функционально равнозначными.

В.С. Виноградов отмечает, что существуют различные типы эквивалентов:

по способу соотнесенности:

- прямые соответствия – традиционно установленные словарные эквиваленты: *pierre philosophale – 'философский камень'*;

- синонимичные соответствия – существующие на межъязыковом уровне относительные синонимы: *под эгидой – sous le patronage de*;

- гипо-гиперонимические соответствия - основаны на употреблении межъязыковых гипонимов и гиперонимов: *saluer – встречать, провожать; или; ознакомиться – faire connaissance avec (ознакомиться с чем-либо), prendre connaissance de (ознакомиться с документами), visiter (ознакомиться с достопримечательностями), étudier (ознакомиться с положением дела)*;

- дескриптивные (перифрастические) - соответствие слову оригинала описательного оборота, разъясняющего смысл лексической единицы: *austérité – политика жесткой экономики*;

- престацционные – между словом реальной текста оригинала и его транскрипцией в тексте перевода: *Ecole Normale – Эколь Нормаль*.

По **характеру функционирования** эквиваленты делятся на: 1) константные: *quels que soient – каковы бы ни были*; 2) первичные; 3) вторичные; 4) окказиональные: *столичные газеты – les journaux parisiens*.

По **объему информации** эквиваленты бывают: 1) полные: *être propre à faire qch – быть в состоянии что-либо сделать*; 2) - частичные.

Неполные эквиваленты со стилистическим несовпадением имеют равнозначную семантическую информацию. Эти эквиваленты легко обнаружить в синонимичном ряду, состоящем из стилистических синонимов, под которыми подразумеваются слова, имеющие один денотат, но отличающиеся экспрессивно-стилистической окраской или принадлежностью к функциональным стилям и объединяющие два типа синонимов: стилистические и стилевые. Появление стилистически неполных эквивалентов обусловлено несоответствием стилистической окраски единиц оригинала и перевода симметричных по форме и содержанию.

По *форме* эквиваленты различаются на: 1) эквивокабулярные (слову оригинала соответствует слово в тексте перевода): *взаимозависимость – interdépendence*; 2) неэквивокабулярные (слову оригинального текста соответствует словосочетание в тексте перевода и наоборот) *миролюбивый – attaché à la paix* (Виноградов, 2001: 81-103).

Распределение эквивалентов по типам способствует тому, что структурно-функциональный анализ планов языковых единиц ИТ и ПТ выявляет степени эквивалентности единиц текста на разных языковых уровнях. Степень смысловой близости текста перевода и оригинала на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях оказывается различной. Условия передачи компонентов плана выражения единиц исходного текста при его перекодировке определяются особенностями структуры того или иного языкового уровня ИЯ на ПЯ. Реальное достижение эквивалентности единиц оригинала и текста перевода зависит от субъективных и объективных факторов процесса перевода от контекста употребления языковых единиц. По мнению А.Д. Швейцера, контекст оказывает также влияние на стилистическую эквивалентность компонентов ИТ и ПТ (Швейцер, 2009). Ученые высказывают различные мнения о роли контекста в восприятии языковой единицы и определении путей ее перекодировки (Ахманова, Задорнова, 1994; Колшанский, 1980; Лобанова, 1989; Седых, 1998; Степанов, 1991).

В проводимом исследовании рассматриваются свойства языковых единиц в лингвистическом контексте. Лингвистический контекст – это фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста. В условиях конкретного контекста семантические и стилистические функции языковых элементов взаимосвязаны друг с другом, образуя синтетическое, художественное выразительное средство, семантические и стилистические компоненты которого при переводе не поддаются разграничению (Шадрин, 1991). Контекст употребления единицы оказывает влияние на степень эквивалентности языковых единиц в сопоставляемых текстах, определяемую на основе функциональных соответствий и различий в структурах языковых систем, особенностях грамматического, синтаксического, лексического кодов различных языков порождают при переводе трудности перекодировки информации.

В контексте стилистическое значение языковой единицы усиливается или ослабляется. Усилению стилистического значения языковой единицы способствует изменение контекста ее употребления. Это придает дополнительную экспрессивность перекодированной информации, тогда как соответствие стиля речи языковым нормам нейтрализует для адресата речи стилистическое значение составляющих ее единиц (Долинин, 1987, 1992).

Стилистическая эквивалентность ИТ и ПТ основана на функциональной равноценности языковых единиц исходного языка и переводного. Стилистические трансформации планов выражения и содержания как языковое явление процесса перевода отражают многоплановый характер межъязыковых преобразований при перекодировке художественных текстов с ИЯ на ПЯ и создают определенную степень эквивалентности, то есть приближения перевода к оригиналу (Попович, 2000: 195). Несовпадение функциональных стилей оригинала и перевода по тональности преодолевается

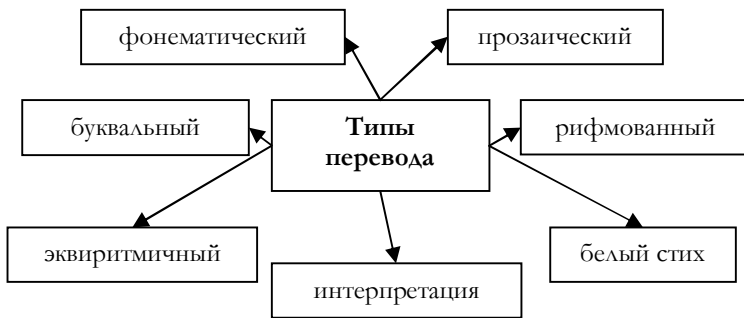
переводчиком путем употребления функционального стиля переводного языка, а не исходного языка, что могло бы привести к несоответствиям в понимании оригинального и переводного произведений читателями на французском и русском языках.

Таким образом, лингвистические исследования эквивалентности, осуществляемые от наблюдаемых фактов речи к лежащим в их основе факторам языка, выявляют степень смысловой близости между оригиналом и переводом.

1.6. Закономерности поэтического перевода

Перевод поэзии самый трудный жанр перевода. Он труднее самого поэтического творчества (Чайковский 1997: 83). Каждое стихотворение можно сравнить с фрагментом мозаики, в виде которой можно представить все творчество поэта. Все произведения поэта связаны между собой невидимыми нитями, что дает возможность читателю узнавать стиль того или иного поэта.

Существует несколько классификаций поэтического перевода, например, классификация составленная А. Лефевром (*схема 11*):

1. Фонематический перевод – перевод, который хорошо вскрывает связи между этимологически родственными словами и воспроизводит оноματοпею, но затеняет значение.

2. Буквальный перевод – тип перевода, при котором передается смысл, но снижается художественная ценность текста.

3. Эквиритмичный перевод – способ перевода, при котором сохраняется размер как один из компонентов формальной структуры оригинального текста, но искажается синтаксис и смысл произведения.

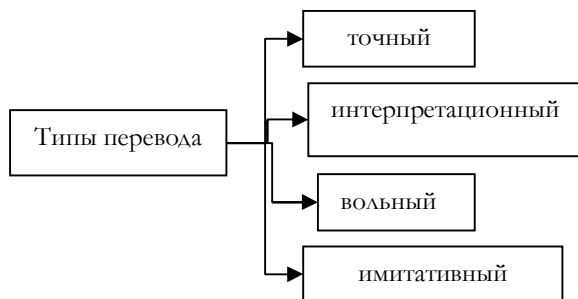
4. Прозаический перевод не искажает смысл текста при его перекодировке, но переводной текст лишается поэтичности.

5. Рифмованный перевод приводит к тому, что значения слов изменяются и переводной текст становится скучным и педантичным.

6. Перевод белым стихом дает возможность передать содержание с большей степенью точности, достигает высокого уровня литературности, но возникший метр, отличный от исходного то удлиняет, то укорачивает текст, что приводит к многословности и некоей неуклюжести и к нарушению восприятия произведения как поэтического.

7. Перевод интерпретация включает в себя версии и имитации, интерпретирует тему оригинала, делая ее более доступной для восприятия (Lefevre, 1992).

Известный американский литератор Б. Раффел предложил иную типологию поэтического перевода (*схема 12*):

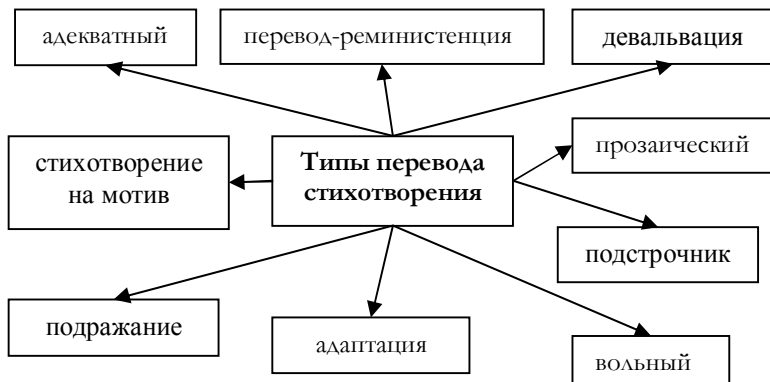

1. **Точный перевод (formal translation)** – это перевод, который создается чаще всего учеными, которые стремятся к аккуратному воспроизведению всех параметров стиха. Такие тексты перевода могут познакомить читателя с идеями социальной, философской направленности, историческими фактами, но при этом художественность поэтических произведений нарушается.

2. **Интерпретационный перевод (interpretative translation)** рассчитан на широкую читательскую аудиторию. Такой перевод является приблизительным. Он характеризуется тем, что возможны сокращения оригинала, пропуски отдельных частей текста. Автор переводного варианта руководствуется тем, что, не имея возможности в полной мере передать все нюансы оригинала на переводной язык, он предлагает свой вариант восприятия информации поэтического произведения.

3. **Вольный перевод (expansive or free translation)** – это расширенный пояснительный перевод, в котором переводчик допускает значительные видоизменения оригинала. Этот тип перевода принимается немногими переводчиками.

4. **Имитативный перевод (imitative translation)** представляет собой авторское произведение переводчика, но не сам перевод. Р.Р. Чайковский (1997) предложил иную классификацию поэтического перевода (**схема 13**):

1. Адекватный перевод – представляет собой поэтический текст, содержательно, эстетически и функционально равноценный с оригиналом, то есть максимально полно и без искажений воссоздающий оригинал на языке перевода

2. Вольный перевод

Вольный перевод возник как результат стремления переводчика к тому, чтобы читатель не чувствовал, что перед ним перевод, чтобы приблизить читателя к оригиналу, то есть он представляет собой приспособительный перевод, сверхинтерпретацию путем прибавления тематических и стилистических элементов. Вольный перевод может рассматриваться как поэтическое произведение, написанное на основе иноязычного оригинала, но отличающееся от него по стилистическим параметрам и характеризующееся низким показателем точности и высоким коэффициентом вольности.

3. Стихотворение на мотив

Под мотивом понимается устойчивый смысловой компонент или элемент текста или элементарная неразложимая смысловая единица художественного произведения (Чайковский, 1997: 70). Это понятие можно связать также с понятием вечных тем о сущности жизни. В отличие от темы мотив имеет словесную закрепленность в тексте произведения, и в некоторых случаях он выступает как структурно-семантический каркас текста.

4. Подражание

Подражание – это художественный поэтический стих, основанный на каком-либо определенном первоисточнике, написанном на другом языке, сохраняющим с ним некоторые общие черты. Он развивает потенциальные тематические и художественные возможности прототипа, но далеко отстоит от него как по содержанию, так и по форме и отражает индивидуальные особенности стиля переводчика. Такой перевод выступает в качестве оригинала. Подражание как вид поэтического перевода характерно для молодых развивающихся литератур, которые усваивают определенные

устоявшиеся в развитых литературах образцы. Подражание может отражать стилистику какого-либо поэта или отдельного его произведения.

5. Перевод-реминисценция

В теории и практике перевода существует такое понятие как реминисценция или перепев произведения, что представляет собой повторное использование темы элементов формы иноязычного стихотворения в различных модификациях. Этот тип перевода часто применялся переводчиками XIX века в различных странах. Реминисценция является скрытой формой переводческого заимствования, но в отличие от жанра подражания, когда переводчик указывает на оригинал, при реминисценции создается собственное произведение без ссылки на первоначальный источник информации (смысл, структурное оформление, рифмы и т.д.), в качестве которого обычно выступают известные произведения зарубежной литературы.

6. Девальвация

Проблема ***переводов-девальваций*** является предметом сопоставительных исследований в течение многих лет. Многие ученые признают ее “как самую печальную из реальностей поэтического перевода” (Чайковский 1997: 89). В процессе перевода-девальвации содержание оригинала может сильно исказиться, о чем переводчик даже не подозревает. Так что же такое перевод-девальвация? Перевод-девальвация определяется как поэтический текст, который из-за непрофессионализма переводчика дает об оригинале искаженное представление, что отрицательно сказывается как на репутации переводимого поэта, так и в целом на уровне межкультурного диалога народов и их культур.

7. Подстрочник

Подстрочником называется дословный перевод поэтического текста, в котором просматриваются основные лексико-грамматические нормы языка перевода. Он выполняет функцию ознакомления читателя с содержанием оригинала посредством примечаний.

8. Прозаический перевод

Прозаический перевод – перевод вспомогательный и выполняет ознакомительную функцию и не может полностью заменить собой поэтический перевод оригинала, поэтому он может быть определен как преобразование оригинала средствами художественной прозы. Он носит вторичный характер и дает лишь приблизительное представление об оригинале (Чайковский 1997: 104).

Прозаический перевод является очень древней традицией, вызывающей дискуссии и порождающей как отрицательное, так и положительное восприятие этого типа перевода. Следует отметить, что отношение к прозаическому переводу поэзии различно в разных странах. Так, во Франции этот тип является основной формой адаптации иноязычной поэзии, в Германии он приобретает все большую значимость и популярность, что объяснимо недостаточной гибкостью языка, слабой степенью восприимчивости иноязычных форм, несовместимостью языковых структур. В России он никогда не занимал высокую степень среди других типов переводческого искусства. Противники прозаического перевода не причисляют его к этому виду деятельности и считают его методом, отклоняющимся от нормального.

Авторы прозаического перевода, располагая неограниченными возможностями, в ряде случаев тем не менее допускают смысловые сдвиги, искажающие мысль автора, в случае, когда пытаются дописать произведение за автора. Не чувствуя, однако, ауру оригинала. Закон соразмерности степени свободы переводчика действует в данном случае с большей степенью свободы, так как авторам предоставлена возможность не только сменить языковой код, но и жанровый: поэзию на прозу. К сожалению, жанровый сдвиг влечет за собой семантико-стилистические сдвиги, которые требуют учета со стороны переводчика, что в противном случае приводит к дивергенции двух текстов.

Таким образом, во-первых, прозаический перевод может давать только интерпретацию оригинала, которая не по

всем параметрам совпадает с исходным вариантом. Во-вторых, прозаический перевод в потенциале может дать представления о скрытой для иноязычного читателя поэтичности.

9. Адаптация

Прозаическая адаптация поэтического текста является самостоятельным жанром, в котором используются не только традиционные приемы адаптивного приспособления текста для неподготовленных читателей (упрощение, сокращение), но и происходит обогащение переводного текста элементами того стиля, в рамках которого он реализуется (Чайковский 1997: 51-106). Адаптированные переводы передают только основную сюжетную линию предлагаемого произведения и лишь в малой степени могут воссоздать своеобразие его стиля.

В ряде случаев адаптированные тексты называются пересказами или переложениями (Чайковский 1997: 104). Как было указано выше, адаптация направлена на удовлетворение коммуникативных интересов приемников, а также литературных канонов принимающей среды (Попович, 2000: 180). Адаптация – это специфический тип передачи содержания произведения. Вне перечисленных компонентов приведенных выше классификаций находится такое явление процесса перекодировки поэтических произведений как ***авторский перевод***. С абстрактной точки зрения – это идеальный путь воссоздания оригинала, но в процессе перекодировки возникают существенные трансформации, обусловленные как различной языковой структурой языка I и языка II, так и расхождениями в культурах народов, на языках которых создан оригинал и совершается перевод.

Параметры авторского перевода недостаточно изучены переводоведами как России, так и Зарубежья. Прежде всего, возникает вопрос, почему поэты прибегают к автопереводу? Чаще всего это происходит в связи с неудовлетворением от переводов их произведений другими переводчиками. Иной причиной возникновения автопереводов является стремле-

ние поэта попробовать собственные силы в несколько иной сфере или желание придать своему произведению несколько иной оттенок, новые грани. Исследования показывают, что в большинстве случаев поэтами создаются все же новые произведения на темы, рассмотренные ими раньше.

Наряду с авторским переводом существует **авторизованный перевод**, который представляет собой официальное утверждение автором просмотренного и одобренного им текста перевода своего произведения на другой язык, которым автор владеет, являющееся одновременно свидетельством приоритета данного перевода над другими переводами на этот же язык и разрешением тиражирования текста в одобренном виде, что не означает гарантию высокого качества и часто имеет рекламный характер.

Авторизованный перевод, таким образом, осуществим в тех случаях, когда автор знает язык, на который перекодировано его произведение и может определить степень адаптации его работ. Но часто употребление этого термина не соответствует действительности, то есть гриф “авторизованный перевод” стоит на произведении, которое не просматривалось автором оригинала, подвергнувшись адаптации (Чайковский 1997: 127). Авторизация может носить как активный, так и пассивный характер, то есть автор может активно участвовать в процессе перекодировки или согласиться с готовым вариантом, к сожалению, в данном случае тексты могут не передавать всей поэтики автора.

Существует такой вид перевода как **внутриязыковой перевод**, который представляет собой переложение одного текста в другой текст того же содержания, но в иной форме в рамках одного и того же языка (Чайковский 1997: 136). Этот тип перевода главенствует среди трех способов интерпретации: внутриязыковой, межъязыковой и семиотической. Внутриязыковой перевод понимается как интерпретация вербальных знаков с помощью вербальных знаков того же языка и основными средствами такого способа перекодировки являются синонимия и парафраз. Требования к интра-

лингвальному переводу идентичны требованиям к интерлингвальному, то есть адекватная передача содержания и формы в их единстве. Интралингвальный перевод отличается от обработки подстрочника, так как исходный текст изначально существует на языке перевода, и переводчик владеет языком оригинального текста.

В своей монографии «Искусство перевода поэзии» Б. Раффел подчеркивал, что, так как не существует двух идентичных языков, то нет никакой возможности полностью передать информацию, написанную на языке I средствами языка II. Однако всегда можно достичь некоей наивысшей степени достоверности при переводе. Именно такой текст перевода и может быть предметом для исследований переводоведов. Б. Раффел отмечает, что существует **пять основных аспектов языка**, которые не могут быть переданы при переводе: **1) фонология, 2) синтаксис, 3) лексика, 4) просодия, 5) совокупность особенностей языка, которые обусловлены своеобразием исторического развития языка и культуры народа, являющегося носителем этого языка** (Raffel 1988: 55-58).

В художественном аспекте перевод слабее оригинала, поэтому его исследование должно проводиться по законам перевода, а не по законам оригинала, с поправкой на вторичность происхождения художественных параметров. Известно, что языки характеризуются многими совпадениями, но при переводе поэтических текстов эти совпадения не могут помочь переводчику в его работе. По мнению Роберта Блая, известного американского поэта и переводчика, существует **восемь ступеней перевода**, которые проходит переводчик от первоначального знакомства с иноязычным произведением до окончательного завершения работы над ним:

Первый этап перевода представляет собой составление пословного подстрочника оригинального стихотворения, в процессе чего поэзия из текста исчезает, то есть утрачивается структура стихосложения оригинала.

Второй этап перевода посвящен поиску истинного смысла оригинала, при котором происходит уяснение категорий содержания, обусловленных исходным языком и культурой народа как носителя данного языка.

Третий этап направлен на поиски утраченных элементов подлинного смысла оригинала по подстрочнику и приведение переводчиком структуры текста в соответствие с грамматикой переводного языка.

Четвертый этап направлен на восприятие языка перевода как живого в сравнении с исходным языком, то есть происходит передача энергии оригинала на иной язык, что не всегда достигается переводчиками.

Пятый этап помогает переводчику уловить ауру, свойственную оригиналу, отличающую переводное произведение от оригинала. На данном этапе, по мнению Р. Блая, необходимо точное соблюдение соотношения между высоким и низким, светлым и темным, серьезным и легким.

Шестой этап работы над переводом стихотворения обращает внимание переводчика на звучание стиха, его эвфорию (к примеру, сочетание ударных и неударных слогов).

Седьмой этап является этапом контроля билингвистом, для которого язык оригинала является родным.

Восьмой этап включает в себя повторное чтение всех вариантов перевода, направленное на окончательное выяснение степени соответствия текстов оригинала и перевода. В ряде случаев переводчики ознакамливаются с уже существующими переводными вариантами поэтического произведения, а затем создается последний вариант перевода (Влу 1991). Однако, перечисленные этапы работы над поэтическими произведениями не позволяют проследить за сохранением рифмы, которая таким образом утрачивается из поля зрения переводчика, что является отрицательным моментом приведенной классификации этапов работы переводчика над поэтическим произведением, поэтому эта классификация является неполной.

Таким образом, по мнению Р.Р. Чайковского, в процессе перевода оригинал может выступать в различных текстовых воплощениях на иной язык, то есть оригинальное стихотворение способно породить целый спектр разножанровых текстов, количество которых может быть большим или меньшим в зависимости от притягательной силы оригинала и работы переводчика (Чайковский 1997: 51-52).

Итак, перевод поэзии как особый вид адаптации оригинала порождает ряд трудностей в процессе перекодировки информации. К сожалению, в художественном аспекте текст перевода вне зависимости от выбранного способа перевода слабее оригинала, поэтому сопоставительное исследование его компонентов проводится в соответствии с законами изучения переводных тестов, с поправкой на вторичность происхождения его художественных параметров.

Выводы

Теория перевода представляет собой поиск, направленный на выявление внеязыковых, социокультурных и психологических факторов, формирующих его стратегию и норму. Перевод, как процесс и результат переводческой деятельности, прагматически ориентирован по двум направлениям. Во-первых, он заключается в полном воспроизведении оригинала, а во-вторых, перевод зависит от читателя, поэтому при переводе языковых единиц оригинала учитывается ряд критериев связности текста, а именно: связи между отдельными частями целого текста слабее, чем внутри частей; разрыв формальных и смысловых связей в определенных пунктах внутреннего текстового пространства способствует разбивке всего текста на самостоятельные части, которые остаются частями целого.

Выявление закономерностей процесса перевода как способа адаптации осуществляется при изучении компонентов сопоставляемых текстов оригинала и перевода путем их лингвистического анализа, который затрагивает явления всех уровней языка, их значения и формы проявления, устанавливает факты, составляющие лингвистическую основу оригинала, а также рассматривает экстралингвистические факторы. Структура оригинала определяет границы, за которые переводчик не должен выходить, иначе создаются переводные тексты, которые таковыми не являются. Результат перевода предопределен степенью свободы переводчика, тем, насколько далеко текст перевода отстоит от оригинала, в какой степени он отражает содержание и форму оригинала, как основных компонентов переводческого кода.

Под переводческим кодом в работе понимается совокупность преобразований планов содержания и выражения единиц, стиля оригинала, основанных на словарных соответствиях, на особенностях грамматического строя и смысловой структуры знаков оригинала и перевода. Компоненты переводческого кода подвергаются как закономерным, так и произвольным преобразованиям при переводе

Процесс перекодировки при переводе делится на два этапа: декодирование, при котором осуществляется анализ, направленный на понимание текста и кодирование, когда происходит синтез и анализ, то есть порождение текста на переводном языке. Выявление закономерностей процесса перекодировки осуществимо в процессе лингвистического анализа языковых единиц, при котором компоненты текста предстают в роли объекта и результата языковых преобразований, осуществляемых переводчиком. В монографии рассматривается два основных способа перекодировки художественного текста, а именно: адекватный и эквивалентный способы перевода.

Адекватный перевод в работе прослеживается на уровне лексических единиц, грамматических категорий, синтаксической структуры предложения. Этот тип перевода базируется на явлении симметрии при передаче плана содержания единиц, тогда как план выражения передается как симметрично, так и асимметрично.

Эквивалентный перевод, основанный на исторически сложившихся эквивалентах во французском и русском языках, позволяет выполнить перекодировку той части информации оригинала, которая недоступна адекватному способу перевода. Применение эквивалентного способа перевода и приводит к преобладанию симметричной передачи плана содержания при асимметрии в передаче компонентов плана выражения. Выбор переводчиком того или иного вида перекодировки оказывает существенное влияние на степень симметричной/асимметричной передачи стиля оригинала на переводной язык, на уровень адаптации текста.

Исследование асимметрии знака, которая существует как изменение глубинной семантической структуры высказывания и подразделяется на семантическую и структурно-семантическую избыточность/экономно, позволяет:

1. Выявить предпосылки симметричной/асимметричной передачи стиля языковых единиц оригинала в переводном тексте.

2. Установить взаимосвязь преобразований планов содержания и выражения языковых единиц и симметричной/асимметричной передачи стиля текста оригинала на переводной язык.

3. Уточнить степень влияния различных типов переводческих трансформаций плана выражения на адекватность и эквивалентность перевода плана содержания исходного текста в переводном.

4. Проанализировать виды преобразований компонентов плана выражения знака при перекодировке стилистически нейтральных и стилистически окрашенных лексических единиц с русского языка на французский и, наоборот, с французского языка на русский.

5. Определить частотность употребления различных типов трансформаций языковых единиц при переводе.

В исследовании впервые комплексно изучается зависимость передачи стиля оригинала и преобразований планов содержания и выражения единиц оригинала и переводного текста, что позволяет:

- определить основные тенденции процесса перекодировки в соответствии с правилами грамматики языка I и языка II;

- проводимое исследование закономерностей процесса передачи компонентов переводческого кода на основе их структурно-функционального анализа как на отдельно взятом уровне, так и в рамках текстовой структуры в целом позволило выявить оптимальные пути перекодировки художественного произведения с учетом законов языка перевода;

- сопоставление планов содержания и выражения единиц текста оригинала и перевода способствовало выявлению основных тенденций адекватной передачи и эквивалентной перекодировки параметров исходного текста на переводной язык;

- установление закономерностей передачи единиц оригинала на переводной язык на основе принципов струк-

турно-функционального анализа позволило классифицировать преобразования компонентов переводческого кода и определить частотность употребления различных видов лексических, грамматических и стилистических трансформаций при переводе;

- выявлена степень зависимости передачи плана содержания оригинала и преобразований компонентов плана выражения в тексте перевода, что способствовало установлению законно-мерностей процесса перевода;

- охарактеризовано влияние структуры ИЯ и ПЯ на выбор адекватного или эквивалентного способа перевода;

- в ходе исследования установлена частотность использования различных типов переводческих трансформаций при адаптации текста оригинала к восприятию иноязычного реципиента.

Обнаруженные тенденции перекодировки планов языковых единиц оригинала в тексте перевода позволят выявить закономерности преобразования плана содержания и выражения единиц при симметричной/асимметричной передаче стиля оригинала в переводном тексте на основе применения современных методов исследования в области стилистики и структурной композиции текста.

ГЛАВА II. Симметрия/асимметрия единиц текстового пространства при межъязыковой адаптации

2.1. Структура переводческого кода

Перекодирование – преобразование сообщения из одной языковой системы в другую. Понятие перекодирования является высшим понятием перевода. Существует глубинное и поверхностное перекодирование. Глубинное перекодирование – это перевод, который передает глубинную структуру оригинала, при этом в поверхностной структуре могут быть отклонения. Поверхностное перекодирование – это перевод на поверхностном уровне текста без передачи глубиной структуры оригинала (Попович, 2000: 189).

Переводческий код как совокупность преобразований стиля оригинала, изменений планов содержания и выражения единиц при переводе с ИЯ на ПЯ, основан на явлении симметрии/асимметрии планов единиц оригинала и перевода. Стилистический код как система изобразительных средств предназначен для генерализации стилистической структуры текста и включает в себя сумму основных стилистических особенностей и правил их структурной организации (Попович, 2000: 194).

Выявление закономерностей процесса перекодировки языковых единиц (транслем) ИТ в ПТ осуществляется при их сопоставлении путем лингвистического анализа. Этот процесс способствует нахождению межъязыковых соответствий и различий в единицах, которые рассматриваются в монографии на примерах текстов на французском и русском языках. Он определяет коммуникативные точки и индивидуальные особенности текста как художественного единства, намечает пути передачи оригинала на ПЯ (Долинин, 1992; Гливенкова, 2000; Delisle, 1993; Steiner, 1975; Berman, 1985; SDRTL, 1979; DAALF, 1992).

Преобразования при переводе могут носить качественный или количественный характер. При количественных

преобразованиях устраняется или добавляется элемент в структуре предложения на ПЯ. При качественных преобразованиях происходит замена одного элемента другим. Особенностью языковых преобразований при переводе является то, что в них качественные и количественные преобразования взаимосвязаны. Любое высказывание – это сумма (интеграция) смыслов, выраженных набором определенных языковых средств, поэтому языковые преобразования (перекодировка) ведутся по трем направлениям: на уровне лексики, морфологии и синтаксиса.

В процессе перевода устанавливаются языковые и иные факторы, структурно-семантическое уравнение между высказыванием подлинника и перевода (Гак, 1998: 512). При перекодировке оригинала передача смысла осуществляется за счет перехода единиц плана выражения от исходного текста к набору иных средств, понятных иноязычному реципиенту. Смысловые компоненты, то есть план содержания знака, выражены различными лексическими единицами в разных языках (Ларсон, 1993).

В монографии был рассмотрен следующий ряд оригинальных французских текстов в сопоставлении с их переводами на русский язык: М. Дрюон “Сладострастие бытия” (Пер. с фр. Н. Жарковой), М. Дюрас “Любовник” (Пер. с фр. А.В. Немировой), А. Камю “Посторонний” (Пер. с фр. Норы Галь), А. Камю “Чума” (Пер. с фр. Н. Жарковой), Р. Модриано “Цирк идет” (Пер. с фр. А.В. Немировой), Ф. Мориак “Клубок змей” (Пер. с фр. Н. Немчиновой), Ф. Мориак “Тереза Дескейру” (Пер. с фр. Н. Немчинова), Р. Роллан “Кола Брюньон” (Пер. с фр. М. Лозинский), Ф. Саган “Хранитель сердца” (Пер. с фр. Л. Татко), А. де Сент-Экзюпери “Планета людей” (Пер. с фр. Норы Галь), А. де Сент-Экзюпери “Ночной полет” (Пер. с фр. Н. Немчинова).

Также были сопоставлены русские оригинальные произведения и тексты их переводов на французский язык: И.А. Бунин “И след мой в мире есть”, (Л.М. Кащенко), М. Булгаков “Мастер и Маргарита” (Пер. с рус. Claude Ligny), В.С.

Гроссман “В городе Бердичеве”, “Четыре дня” (Пер. с рус. Bassia Rabinovici et Corinne Fournier), В. Набоков “Защита Лужина” (Пер. с рус. Genia et René Cannac), Б. Пастернак “Доктор Живаго”, “Сказка” (Пер. с рус. Henri Abril), Ф. Достоевский “Идиот” (Пер. с рус. G. et G. Arout), А. Солженицын “Матренин двор” (Пер. с рус. Léon et Andrée Robel), А. Солженицын “Случай на станции Кочетовка” (Пер. с рус. Leon et Andrée Robel), Л. Толстой “Анна Каренина” (Пер. с рус. Henri Mongault), М Горький “В людях” (Пер. с рус. Jean Loubes),

Сопоставление текстов перечисленных произведений направлено на изучение изменений в планах содержания и выражения языковых единиц при перекодировке с ИЯ на ПЯ с учетом условий создания исходного текста и восприятия читателем переводного. Сопоставление текстов осуществлялось по трем направлениям, выявляющим:

- 1) условия симметричной/асимметричной передачи стиля оригинала на переводной язык;
- 2) симметричную/асимметричную передачу плана содержания знака текста оригинала в тексте перевода;
- 3) способы и предпосылки перекодировки плана выражения единиц ИТ в ПТ при адекватном, эквивалентном переводах, а также при нивелировке и усилении смыслового значения единицы перевода как частных приемов преобразования.

Рассмотрена передача стиля как компонента кодовой системы на основе преобразований плана содержания и выражения единиц. Изменения в плане содержания и выражения языковых единиц приводят к симметрии/асимметрии единиц оригинала и перевода (Кубрякова, 1993: 20). Для передачи плана содержания знаков существуют различные способы комбинирования компонентов плана выражения текста оригинала в переводном тексте.

Рассмотрены пять типов лексико-синтаксических преобразований планов содержания и выражения языковых единиц ИТ при перекодировке на ПЯ, при адекватном и эк-

вивалентном способах переводах, а также при употреблении приемов усиления и нивелировки.

Представляет интерес рассмотрение пяти типов лексико-синтаксических преобразований планов содержания и выражения языковых единиц ИТ при перекодировке на ПЯ, при адекватном и эквивалентном переводах, а также при употреблении приемов усиления и нивелировки. Существуют следующие типы лексико-семантических преобразований языковых единиц (см. глава I, схема 7):

- транспозиция грамматических категорий,
- транспозиция частей речи,
- трансформация средств связи между предложениями или их частями,
- актантные трансформации (изменение синтаксической функции слова),
- лексико-семантические трансформации в слове (Гак 1998: 376).

Перечисленные типы преобразований планов языкового знака составляют основу переводческого кода.

1. Транспозиция грамматических категорий

Транспозиция грамматических категорий заключается во взаимозамене форм в пределах парадигмы: изменение числа, рода имени существительного, замена временной формы глагола и т.д. Язык представляет собой не только средство описания, но и ее знаковую квинтэссенцию, что находит полное отражение в грамматической системе языка, в тех категориях, в которых зафиксированы системы знаний и норм, позволяющих человеку чувствовать себя членом социума. Эти грамматические категории носят прагматический характер и поэтому в каждом языке проявляют свою специфику, которая отражает взаимоотношения членов данного социума и требует дополнительных усилий переводчика при ее перекодировке.

Например: *Je ne sortirai plus de cette glu* (Saint-Exupéry A. de Terre des Hommes, 197) – ‘Опять увязалю в черной смоле’ (Сент-

Экзюпери А. де. Планета людей, 214). (Все исследуемые примеры перекодировки единиц здесь и в дальнейшем подчеркнуты одной чертой).

Сопоставление планов единиц текста оригинала и перевода “*ne sortirai plus*” и ‘*увязая*’ показывает, что в результате грамматической трансформации временной формы глагола план будущего времени глагола оригинала заменен планом настоящего времени в переводном тексте в процессе эквивалентного перевода, более того, отрицательная форма заменена утвердительной по решению переводчика.

2. Транспозиция частей речи

Транспозиция частей речи при переводе проявляется в следующих формах (где, **N** - имя существительное, **V** – глагол, **A** - имя прилагательное, **D** - наречие, **R** - служебное слово).

A. Синтетическая транспозиция: перевод семантемы в новый функциональный класс отмечается в ПЯ морфологическим средством (аффиксом или флексией) или синтаксическим окружением:

A – N - *Ces nuages dorés du crépuscule* (Saint-Exupéry A. de. *Terre des hommes*, 113) – ‘...*позолота закатных облаков*’ (Сент-Экзюпери А. де. *Планета людей*, 164). Единица перевода ‘*dorés*’ в тексте оригинала является причастием, выполняющим роль определения к существительному “*ces nuages*”, тогда как в переводном тексте план содержания единицы передан существительным “*позолота*”, что придало тексту поэтическую окраску. Изменение стилистического оформления смысла рассматриваемой единицы предопределено контекстуальной нагрузкой, выполняемой ею в тексте перевода.

B. Морфолого-аналитическая транспозиция: средством транспозиции выступает служебное слово (к примеру предлог),

N – A *Dans ces heures de la nuit* (Rolland R. Colas Breugnon, 101) – ‘*В эти ночные часы*’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 86). Рассматриваемая транслема ‘*de la nuit*’ при переводе трансформирована в прилагательное “*ночные*”, что обусловлено зако-

нами языка перевода, где определение чаще всего выражается прилагательными, в отличие от французского языка, где роль определения может играть существительное с предлогом.

В. Лексико-аналитическая транспозиция: знаменательное слово в полуслужебной функции применяется в качестве транспозита:

V - N *le client a reçu la visite de l'avocat – 'адвокат посетил клиента'*

Г. Супплетивизм: элементы разных функциональных классов, объединяемые общим значением, восходят к разным лексемам:

N -V *Sa surprise fut extrême* (Saint-Exupéry A.de. Vol de nuit, 75) – '*Он поражен*' (Сент-Экзюпери А. де. Ночной полет, 137-138).

3. Трансформация форм связи

Трансформация форм связи осуществляется внутри предложения при взаимозамене месторасположения его частей, в упрощении сложных предложений и замене их несколькими простыми. Предложение характеризуется сложной многоуровневой структурой, которая состоит из нескольких ступеней. Основной функцией предложения является передача информации о мире, поэтому при придании предложению коммуникативной формы осуществляется несколько этапов категоризации. Соотнесение онтологии мира и онтологии языка в структуре предложения свидетельствует о двуязычной категоризации, которая воспринимается как мыслительный акт установления связи между объектом и языковым знаком (Фурс 2003: 288).

Существует **лексическая** и **грамматическая** типы **категоризации**. По мнению Н.Н. Болдырева, лексическая категоризация направлена на выделение признаков реалий окружающего мира, имеющих языковую значимость, тогда как грамматическая категоризация определяет общие принципы организации языка как функционально-ориентированной

системы принципов кодирования смысла в языке (Болдырев 2000). *Луна в вечернем чистом небе висела полная, видная сквозь ветви клена* (Булгаков М. Мастер и Маргарита, 223) – *‘A travers les branches d’un érable, la pleine lune se découpait dans le ciel pur du soir’* (Boulgakov M. Le Maître et Marguerite, 318).

Анализируемое предложение в тексте оригинала является простым с полной грамматической основой, осложненное причастным оборотом. При переводе на французский язык причастный оборот “*видная сквозь ветви клена*” смещен на начало предложения, утратив причастие “видная”, и выполняет функцию обстоятельства образа действия ‘*à travers les branches d’un érable*’.

4. Актантные трансформации

Актантные трансформации объединяют в себе все изменения синтаксической функции слова без изменения его частеречной принадлежности.

Существует четыре типа актантных трансформаций:

А. Взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения:

В хозяйстве паровозной бригады имелись пилы (Пастернак Б. Доктор Живаго, 281) – *‘Les mécaniciens possédaient des scies parmi leurs outils’* (Pasternak B. Le docteur Jivago, 310).

Сопоставление планов выражения рассматриваемой единицы перевода “*пилы*” и ее переводного варианта ‘*des scies*’ показывает, что синтаксические функции, выполняемые ими в оригинале и переводе разнятся, так как в тексте перевода исследуемая транслема играет роль подлежащего, тогда как в тексте перевода, где подлежащее изменено на единицу ‘*les mécaniciens*’, она является дополнением.

Б. Введение в предложение фиктивного (ложного) актанта – подлежащего, которое образуется в результате транспозиции глагола. Введение ложного актанта увеличивает валентность глагольного предиката и число актантных трансформаций. Наличие нового актанта увеличивает трансформационную гибкость предложения (Гак 1998: 415):

Elle est arrivée – ‘Ее поезд’.

Образование подлежащего “*приезд*” от глагола ‘*est arrivée*’, употребленного в прошедшем времени, при переводе обусловлено различием в контекстуальном употреблении рассматриваемой единицы в текстах оригинала и перевода.

В. Введение в предложение дополнительного субъекта по ситуации:

Пусть лучше он пропадет’ - Je préfère le perde tout à fait.

В результате изменения структуры предложения в тексте перевода и добавления вводного предложения ‘*Je préfère*’ в переводном варианте увеличен объем плана выражения рассматриваемой единицы за счет введения дополнительного субъекта, что обусловлено структурой текста на переводном языке.

Д. Соответствие второстепенных членов предложения

Elle tapota le dos de sa sœur – ‘Она толкнула сестру в спину’.

В тексте оригинала исследуемая единица перевода переводится как ‘*она толкнула спину сестры*’, то есть на первом плане в словосочетании слово “*спина*”, тогда как в переводном варианте на первое место выходит лексема “*сестра*”.

5. Семантические преобразования основаны на логических отношениях между понятиями. В основе переименования (семантических трансформаций) так же, как и в основе изменения значений языковых единиц находится формально-логические закономерности мышления, отношения между понятиями. Существует пять универсальных типов межпонятийных отношений, проявляющихся при переводе единиц текста оригинала на ПЯ:

А. Отношения тождества основаны на явлении синонимии, на семантическом уровне сохраняются все семантические компоненты, на лексическом уровне синонимические преобразования выражаются в синонимической замене или в замене слова словосочетанием:

Il conservait encore l'espoir (Saint-Exupéry A.de. Vol de nuit, 64) – ‘Он все еще не терял надежды’ (Сент-Экзюпери А. де. Ночной полет, 129).

Рассматриваемые единицы ‘*conservait*’ и “*не терял*” контекстуально тождественны. Появление переводного варианта “*не терял*” обусловлено стремлением переводчика к сохранению выбранного им поэтического стиля изложения информации оригинала на переводном языке.

Б. Отношения внеположенности находятся в основе процесса смещения. В данном случае для наименования понятия используются смежные понятия в пределах данного родового понятия:

La chasseresse ramassait l'oiseau blessé (Moriac F. Le noeud de Vurère, 30) – ‘Охотница подби́рала раненного жаворо́нка’ (Мориак Ф. Клубок змей, 34).

В. Отношения контрадикторности (на основе употребления антонимов):

В колхозе она работала не за деньги (Солженицын А. Матренин двор, 110) – ‘Et au kolkhoze elle ne travaillait pas pour l'argent’ (Soljénitsyne A. La maison de Matriona, 23).

Рассматриваемый пример интересен тем, что перевод осуществлен на основе явления контрадикторности не отдельной какой-либо единицы предложения, а одновременно нескольких: так контрадикторно переведено сказуемое: “*работала*” - ‘*ne travaillait pas*’ (*не работала*) - и обстоятельство образа действия: “*не за деньги*” – ‘*pour l'argent*’ (за деньги). Таким образом, и все переводимое выражение контрадикторно: “*она работала не за деньги*” – “*она не работала за деньги*”. Такое смысловое преобразование культурологически обусловлено, так как автору текста на русском языке (оригинал) важно подчеркнуть факт работы не за деньги, что характеризует описываемую в произведении эпоху коллективного труда в послевоенной Советской России, тогда как для переводчика существенно степень труда: “*не работала*”.

Г. Отношения включения, замена соподчиненного члена предложения другим;

Д. Отношения пересечения (перекрещивание) является основой семантического процесса переноса по сходству (в метафорах) и переноса по смежности (метонимия):

Cette année fut le théâtre de vastes manifestations paysannes – ‘В этом году имели место крупные выступления крестьян’ (метафора).
les moins de 18 ans – ‘молодежь в возрасте до 18 лет’ (метонимия).

Метафора - это универсалии сознания, проявляющиеся в пространстве и времени, в структуре языка, в его функционировании. Современные психологи связывают метафорическое видение мира с генезисом человека и культуры. Метафора - универсальное явление в языке, присущее всем языкам. Первую теорию метафоры изложил Аристотеля “Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии” (Аристотель 1927: 39). Вторая точка зрения: метафора – синтез “образных полей”, “духовный, аналогизирующий акт взаимного сцепления двух смысловых регионов” (Телия, 1999). Появление метафоры в языке связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в мире сами по себе и лишь вербализуются в языке (Маслова 2003: 89). По замечанию Н.Д. Арутюновой, метафора не вычленяет абстрактных признаков и качеств, а выявляет смысловой образ самой сущности предмета (Арутюнова 1990).

Метонимия – это фигура, в которой название одного предмета ставится на место другого не на основании сходства, как в метафоре, а на основе ассоциаций смежности. Метонимию субъекта можно определить как употребление названия его характерной черты или какого-либо предмета вместо названия субъекта на основании внешней или внутренней связи с ними. Метонимия может быть выражена переносом имени с части на целое, то есть синекдохой. Основная функция синекдохы состоит в идентификации объекта через указание на характерный для него признак. Употребление синекдохы прагматически или контекстуально обусловлено, когда речь идет о предмете, входящем в рассматриваемое поле или связано с ним.

Существуют различные виды метонимической репрезентации субъекта: а) перенос наименования с внешнего вида человека; б) внутреннее состояние субъекта или присущего ему качества; в) превращение профессиональной деятельности в номинацию. Метонимия является важнейшим способом представления знаний, когнитивным процессом, который заключается в переносе знаний на основе ассоциаций.

Существуют следующие типы метонимического способа характеристики в атрибутивах:

а) **прямая** или **первичная** метонимия, характеризующая прямой перенос значения на объект на основе ассоциаций с субъектом;

б) **опосредованная** или **вторичная** метонимия, отражающая двойной перенос значения на другой объект на основе ассоциаций со способом действия субъекта, опосредованный самим субъектом;

в) **партитивная** метонимия как употребление атрибута с номинативной метонимией, где сам атрибут приобретает определенную степень ассоциативности с субъектом.

Ш. Балли полагает, что метафора - это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сблизить абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове (Балли 2009: 221). По мнению В.Н. Телия, метафора успешно выполняет роль призмы, через которую человек видит мир; метафоры проявляются национально-специфичным образом в языке, а также в мифологемах, архетипах. Многие ученые называют метафору фундаментальным чувством, средством оформления реальности, помогающим понимать мир; это способ мышления о мире, который использует прежде добытые знания, постигая новые. Создавая новое знание, она соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, поэтому метафора по своей природе антропоцентрична.

Рассмотрение перечисленных видов преобразований планов содержания и выражения единиц перевода позволяет

провести исследование взаимозависимости передачи стиля оригинала от преобразований планов содержания и выражения. Возможность симметричной передачи плана содержания в переводном тексте основана как на наличии словарных соответствий в двух языках, так и на комплексно структурных преобразованиях плана выражения единиц, реализующихся в двух языках. Асимметрия плана выражения и стиля оригинала возникает как закономерный результат преобразований, направленных на симметричную передачу плана содержания оригинала на язык перевода.

Рассматриваемые примеры были разделены на две основные группы, каждая из которых имеет четыре подгруппы: к первой группе отнесены примеры, отражающие симметричную передачу стиля; ко второй группе причислены примеры асимметричной передачи стиля на ПЯ. Лингвистический сопоставительный анализ примеров симметричной передачи стиля оригинала на ПЯ показывает наличие четырех возможных вариантов взаимосвязи планов содержания и выражения лексических единиц, как на уровне языка, так и в речи при перекодировке художественных текстов.

Изменения просматриваются от симметрии обоих планов языковой единицы в тексте оригинала и перевода до их асимметрии, что получило в монографии отражение в следующих формулах, где

S – симметричная передача единицы оригинала при переводе,

A - асимметричная передача единицы оригинала при переводе,

st - стиль текста оригинала, **st¹** - стиль текста перевода,

s - план содержания языковой единицы оригинала,

s¹ – план содержания языковой единицы в тексте перевода,

f - форма (план выражения) языковой единицы оригинала,

f¹ - форма (план выражения) языковой единицы перевода.

Кратко охарактеризуем взаимосвязь компонентов переводческого кода, отраженную в каждой формуле.

$$\begin{aligned} & \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 \\ 1) & \text{ s} - \text{S} - \text{s}^1 \\ & \text{ f} - \text{S} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

Формула один иллюстрирует явление полной симметрии планов содержания и выражения единиц оригинала и переводного текста. Симметрия планов способствует симметричной передаче стиля, как одного из компонентов переводческого кода с ИЯ на ПЯ.

$$\begin{aligned} & \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 \\ 2) & \text{ s} - \text{S} - \text{s}^1 \\ & \text{ f} - \text{A} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

Формула два отражает явление частичной симметрии/асимметрии планов единиц оригинала и текста перевода, возникающее при перекодировке. Для симметричной передачи стиля: st-S-st^1 и содержания языковой единицы ИТ: s-S-s^1 переводчиком в плане выражения осуществляется ряд преобразования: f-A-f^1 , а именно лексические и грамматические трансформации и транспозиции грамматических категорий и частей речи. Асимметрия плана выражения единиц оригинала при его перекодировке обусловлена стремлением переводчика достичь большей степени как адекватности, так и эквивалентности переводных текстов на разных языках:

$$\begin{aligned} & \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 \\ 3) & \text{ s} - \text{A} - \text{s}^1 \\ & \text{ f} - \text{S} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

Формула три передает явление частичной симметрии/асимметрии планов транслем: асимметрия плана содержания: s-A-s^1 и симметрия плана выражения: f-S-f^1 единицы ИТ и ПТ возможна при ее стилистической симметрии: st-S-st^1 :

$$\begin{aligned} & \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 \\ 4) & \text{ s} - \text{A} - \text{s}^1 \\ & \text{ f} - \text{A} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

Формула четыре иллюстрирует явление симметричной перекодировки стиля информации ИТ: **st-S-st¹**, что возможно при асимметричной передаче плана содержания: **s-A-s¹** и плана выражения единицы: **f-A-f¹** с ИЯ на ПЯ.

Таким образом, **формулы один-четыре** отражают графически взаимосвязь компонентов переводческого кода в содержательном и формальном плане языкового знака при симметричной передаче стиля ИТ в ПТ, тогда как следующая группа формул, а именно **формулы пять-восемь** соответствуют совокупности преобразований единиц оригинала в переводном тексте, при которых стиль единицы передан асимметрично, тогда как планы содержания и выражения перекодированы на основе явления частичной симметрии/асимметрии при переводе текстов с ИЯ на ПЯ.

$$\begin{aligned} & \text{st} - \mathbf{A} - \text{st}^1 \\ 5) & \text{s} - \mathbf{A} - \text{s}^1 \\ & \text{f} - \mathbf{A} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

Формула пять отражает полную асимметрию компонентов текста при передаче стиля оригинала в ПТ: **st-A-st¹**, его плана содержания: **s-A-s¹** и плана выражения: **f-A-f¹**. Это языковое явление прослеживается при вольном переводе литературно-художественных текстов.

$$\begin{aligned} & \text{st} - \mathbf{A} - \text{st}^1 \\ 6) & \text{s} - \mathbf{A} - \text{s}^1 \\ & \text{f} - \mathbf{S} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

В **формуле шесть** наблюдается явление асимметричной передачи стиля: **st-A-st¹**, плана содержания единицы перевода: **s-A-s¹** ИТ в ПТ и симметрии ее плана выражения: **f-S-f¹**. Отметим, что подборка примеров в соответствии с формулой шесть не многочисленна.

$$\begin{aligned} & \text{st} - \mathbf{A} - \text{st}^1 \\ 7) & \text{s} - \mathbf{S} - \text{s}^1 \\ & \text{f} - \mathbf{A} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

Формула семь характеризует частичную симметрию/асимметрию планов единиц ИТ при их передаче на ПЯ в следующем соотношении: асимметрия стиля оригина-

ла и перевода: $st-A-st^1$ и плана выражения транслемы: $f-A-f^1$ при симметричной передаче плана ее содержания: $s-S-s^1$. Данная взаимосвязь компонентов переводческого кода проявляется при переводе пословиц с ИЯ на ПЯ.

$$\begin{aligned} & st - A - st^1 \\ 8) & s - S - s^1 \\ & f - S - f^1 \end{aligned}$$

Формула восемь иллюстрирует явление симметричной передачи плана содержания: $s-S-s^1$ и плана выражения: $f-S-f^1$ единиц оригинала в тексте перевода при его перекодировке, а также явление асимметрии стиля перекодируемой информации: $st-A-st^1$ в переводном тексте.

Таким образом, логически исчисленные формулы отражают взаимосвязь передачи стиля и планов содержания и выражения единиц оригинала при перекодировке и представляют собой графическое отображение классификации типов преобразований, составляющих переводческий код.

Более того, преобразования планов языковых единиц при переводе, выраженные формулами, отражают весь спектр взаимосвязи преобразований планов знаков, направленных на адаптацию информации оригинала к восприятию иноязычным реципиентом в процессе косвенной коммуникации.

В косвенной коммуникации информационными источниками являются художественные тексты, поэтому она носит односторонний характер. Исследование всех нюансов процесса осуществления косвенной коммуникации составляет предмет нашего исследования. Отметим, что связи между различными уровнями коммуникативности не сводятся к их простой функциональной зависимости в литературно-художественных текстах. Они соединены различными отношениями, каждое из которых может выступать в качестве причины и следствия межъязыковых преобразований при перекодировке текста.

2.2. Адекватность содержания при минимуме трансформаций текста

Достижение адекватности единиц оригинала и перевода при перекодировке литературно-художественных текстов путем преодоления различий в структуре двух языков возможно только в процессе применения комплекса мер по адаптации этой информации. Установление адекватности лексического значения слов ИЯ и ПЯ – это первая ступень процесса перевода, ведущая к идентичному пониманию информации оригинала и перевода читателями на двух языках (Васильев, 1989; Прокопович, 1980). Выбор слова в процессе перекодировки зависит от стиля переводимого произведения, от внутреннего чувства адекватности переводчика. Критерием правильности выбора является равное воздействие текста оригинала и перевода на читателя при наличии стандартных и нестандартных соответствий в языках сопоставляемых текстов. Для достижения равного воздействия на читателей оригинала и перевода используются приемы экспрессивной конкретизации в сочетании с экспрессивным согласованием, транслитерации, функционально-нагруженного опущения, прием вставок при перекодировке языковых единиц ИТ в ПТ. Перечисленные способы перекодировки единиц ИТ в ПТ основаны на явлении симметрии/асимметрии планов языковых единиц ИЯ и ПЯ.

В ряде случаев симметричная передача планов содержания единиц возможна только при изменении их плана выражения в ПТ и наоборот, изменение плана выражения единиц оригинала, обусловленное требованиями грамматики принимающего языка, приводит к изменению плана содержания. Это языковое явление при переводе характеризуется как частичная симметрия/асимметрия планов языковой единицы.

Явление симметрии/асимметрии рассматривается в монографии как на примерах адекватного, так и эквивалент-

ного способов перевода, а также при нивелировке и усилении планов единиц перекодируемых текстов

В работе адекватный способ перевода единиц оригинала рассматривается при симметричной и асимметричной передаче стиля произведения с ИЯ на ПЯ. Сопоставление текстов оригинала и перевода показывает, что явление симметрии планов при переводе основывается на существовании переводческих универсалий (Клюканов, 1986), тогда как асимметрия возникает в связи с различной структурой языковых единиц исходного и переводного текстов на речевом уровне, то есть в процессе косвенной коммуникации

Лингвистический анализ единиц художественных текстов и текстов перевода выявил:

- ◆ преобладание симметричной передачи стиля и плана содержания единиц ИТ в ПТ как при полной, так и при частичной симметрии/асимметрии компонентов плана выражения;

- ◆ высокая частотность симметричной передачи стиля и плана содержания единиц при асимметрии плана выражения просматривается по следующим пунктам: 1. Транспозиция грамматических категорий. 2. Транспозиция частей речи. 3. Актантные трансформации, а именно: взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения, введение в предложение фиктивного актанта, взаимозамена сказуемого и второстепенного члена предложения.

Сопоставление текстов на французском и русском языках показало, что употребление иных видов преобразований при адекватном переводе менее частотно. Рассмотрим явление полной симметричной передачи планов единицы перевода объемом в один абзац в ПТ при адекватном способе перевода. Данный пример адаптации текстов соответствует формуле один:

Le ciel rouge s'éteignait. Je regardais mourir ses reflets sur les vignes aux petites feuilles nouvelles, brillantes, vernissées, vineuses et dorées. Un rossignol chantait. Au fond de ma mémoire au mon coeur attristé un autre rossignol chantait (R. Roland. Colas Breugnon, 100) – *Багровое небо*

угасало. Я смотрел, как умирают его отцветы на виноградниках с молодыми листочками, блестящими, пунцовыми и золотистыми. Пел соловей... В глубине моей памяти, в моем опечаленном сердце, пел другой соловей' (Р. Роллан, 85).

Ромен Роллан в своем произведении детально и тонко передает все нюансы настроения его героев. Автор отражает взгляды простых граждан Франции (ЛСС, 1997), бытовавшие в стране в период написания книги "Кола Брюньон". Он выстраивает сюжетную линию с привлечением множества переплетающихся способов описания (юмор, характеристика традиций и обычаев, насмешка и др.), одним из которых является описание природы. Отметим, что М. Лозинский, подаривший это произведение русскому читателю, успешно справился с передачей духа книги, ее композиционного рисунка, всех особенностей глубинной и поверхностной структур оригинала.

Сопоставление единиц текстов оригинала и перевода показывает, что описательный стиль изложения единиц оригинала передан симметрично в ПТ. Сопоставление планов содержания и выражения языковых единиц рассматриваемой части текста, выявило их полную симметричность на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях. Переводчиком выполнен адекватный перевод оригинала на ПЯ. Аналогичное языковое явление осуществляется при передаче планов языковых единиц оригинала в тексте перевода с русского языка на французский.

Как бы я хотел, чтобы вы уехали до этой каши (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 167) – *Comme je voudrais que vous partiez avant tout ce gâchis'* (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 190).

При переводе рассматриваемого предложения сохраняется как композиционная структура единицы исследуемого текста оригинала во французском языке, так и его компонентный состав. Так в тексте на русском языке Б. Пастернак употребил просторечное выражение "каша" для выражения хаоса, царившего в тот период в России, что было адаптировано переводчиком к восприятию франкоговорящим чита-

телем путем употребления единицы 'ce gâchis', которая относится к разряду разговорной лексики в переводном языке.

В следующем примере просматривается явление, идентичное исследованному выше, а именно - полная симметричная передача планов компонентов переводческого кода в тексте перевода:

... когда тот приходил днем домой обедать в галицинскую избу, в которой они стояли (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 133) – '...en le voyant revenir pour le déjeuner dans l'isba galicienne où ils étaient logés' (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 154).

Приведенные примеры классифицированы в соответствии с формулой один проводимого исследования.

$$\begin{array}{c} \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 \\ 1) \text{s} - \text{S} - \text{s}^1 \\ \text{f} - \text{S} - \text{f}^1 \end{array}$$

Дальнейшее исследование примеров адекватного перевода языковых единиц оригинала и перевода показало, что при симметричной передаче стиля и содержательного плана оригинала на ПЯ в ряде случаев в плане выражения языковых единиц проявляется асимметрия. Такие преобразования при перекодировке оригинала на ПЯ классифицированы в соответствии с формулой два проводимого исследования. Асимметрии плана выражения единиц оригинального текста при его перекодировке на переводной язык возникает в результате следующих лексико-синтаксических преобразований:

1. Транспозиция грамматических категорий компонентов плана выражения при адекватном переводе

Французский и русский языки, на которых созданы сопоставляемые в данном исследовании художественные тексты, имеют как аналогичные, так и различные грамматические категории (см.1.3.1.), поэтому явление транспозиции компонентов плана выражения на лексическом уровне при их перекодировке на ПЯ закономерно.

Сравним планы выражения единиц ИТ и ПТ:

Tant de camarades avant moi, le jour de la consécration avaient subi cette même attente, le cœur un peu serré (S. Exupéry A.de. Vol de nuit, 102) – ‘Сколько товарищей до меня пережили в день посвящения такие же нескончаемые минуты, и у них вот так же сжималось сердце!’ (С. Экзюпери де. Ночной полет, 156).

Преобразования компонентов переводческого кода в рассматриваемом примере классифицированы в соответствии с формулой два. Сопоставление выявляет, что в примере исследуемая лексическая единица ИТ “*serré*” в тексте оригинала является причастием, в то время как на русский язык она переведена глаголом прошедшего времени “*сжималось*”. Соответственно изменяется выполняемая транслемой синтаксическая функция в предложении перевода: определение во французском варианте текста становится сказуемым в структуре предложения на русском языке. Транспозиция грамматической категории не нарушила содержательной стороны рассматриваемой единицы в ПТ. Переводчику удалось передать те чувства героев, которые С. Экзюпери, будучи сам летчиком, подробно описал в книге “Ночной полет”.

Явление частичной симметрии/асимметрии планов содержания и выражения единиц при перекодировке оригинала на ПЯ и симметричной передаче стиля просматривается как в процессе перевода единиц французского текста на русский язык, так и русского оригинального текста на французский язык:

... по склонности к фантастической дислокации, был игрок ему родственного склада, но только пошедший дальше (В. Набоков. Защита Лужина, 54) – ‘...*sa prédilection pour les dislocations fantastiques, un joueur d’un style apparenté au sien, mais qui l’avait dépassé*’ (V. Nabokov. La defense Loujine, 108).

Владимир Набоков, описывая сложную судьбу своего героя-шахматиста, стремился употребить в тексте произведения как можно больше лексики того круга людей, к которому относился Лужин. Одним из таких выражений группы профессиональной лексики является рассматриваемое словосочетание “фантастическая дислокация”. Эта единица пе-

ревода в тексте оригинала употреблена в единственном числе, тогда как при ее перекодировке на французский язык переводчиком изменена грамматическая категория имени существительного, а именно единственное число заменено множественным, то есть во французском тексте имя существительное употреблено во множественном числе "*les dislocations*". Асимметрия, возникшая в формальном плане выражения знака при его перекодировке, не привела к изменению его содержательного плана и стиля изложения, которые переданы симметрично в переводном тексте.

При переводе нередко обнаруживается расхождение в числе имен существительных. Исследования показывают, что это несоответствие числа имени существительного встречается чаще при переводе французских существительных во множественном числе на русский язык, чем при переводе единиц с русского языка на французский, в частности, французские существительные с отвлеченным значением, употребленные во множественном числе, приобретают в русском языке более конкретное значение: *les comportements* – 'образ действия'.

В отличие от французских грамматических законов множественное число в русском языке при переводе употребляется в случаях конкретизации значения: *les attitudes* – *мнения*. В ряде случаев переводчиками применяется добавление конкретизирующего слова в переводном тексте: *les démocraties* – *демократические страны*.

Таким образом, рассмотренные примеры преобразования плана выражения единицы: замена причастия глаголом в тексте перевода и изменение числа имени существительного, являются более частотными из всего перечня употребляемых перекодирующих средств при адекватном переводе. Они классифицируются в соответствии с формулой два.

- st – S – st¹
2) s – S – s¹
f – A – f¹

2. Транспозиции частей речи при адекватном переводе оригинала

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода на русском и французском языках показал наличие нескольких видов транспозиции частей речи при адекватном переводе.

Рассмотрим примеры **непосредственной транспозиции** (термин В.Г. Гака, 1998: 379) лексемы из одной части речи в другую при перекодировке с исходного языка на переводной (где, **N** – имя существительное, **A** – имя прилагательное, **V** – глагол.

При перекодировке оригинала с русского языка на французский

А. Переход слова из разряда глаголов в разряд имен прилагательных:

V - A *Атласная! Светится!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 226) – *'Di satin! Douce et brillante!'* (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 321).

Лексема оригинального текста “*светится*” перекодирована именем прилагательным в тексте на французском языке, что нарушило динамику изложения хода событий, описанных в оригинальном тексте, при их адаптации к восприятию франкоговорящим читателем.

Б. Переход лексемы из разряда имен существительных в разряд глаголов:

N - V В этот день не было приема (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 157) – *'Ce jour-là on ne recevait pas'* (B. Pasternak. Le docteur Jivago, 180).

Единица текста оригинала “*прием*” замена во французском языке безличным оборотом ‘*on ne recevait pas*’, который изменил структуру текста. Переводчик увеличил объем знака до нескольких единиц, чей компонентный состав предопределен грамматикой французского языка.

В. Переход глагола в разряд имени существительного:

V – N Парило (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 140) – Une étuve (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 161).

Переводчик употребил лексему *‘Une étuve’* для передачи природного явления духоты, но эта лексема во французском языке имеет несколько иное смысловое значение, а именно: “*жарко натопленное, душное помещение*”, чем то, которое было отражено в оригинале глаголом “*парило*”.

Г. Переход прилагательного в разряд имен существительных:

A – N *Aux simples voyageurs, la tempête demeure invisible* (S. Exupéry A.de. Terre des hommes, 113) – *‘Для пассажиров буря остается невидимкой’* (С. Экзюпери де. Планета людей, 161).

Сопоставительный анализ показывает, что замена имени прилагательного оригинала именем существительным в переводном тексте оправдано, так как подобная транспозиция подчеркивает остроту момента описываемых событий.

При перекодировке оригинала с французского языка на русский также прослеживаются явления, подобные рассмотренным выше, но более частотными типами преобразований следует считать:

А. Переход слова из разряда глаголов в разряд имен существительных:

V – N *On se pousse, on se rue* (R. Rolland. Colas Breugnon, 30) – *‘Толкотя, давка’* (Р. Роллан. Кола Брюньон, 28).

В примере, рассмотренном выше (**В.**), прослеживалось явление замены глагола именем существительным в языке перевода в результате некорректно подобранного синонима, тогда как в данном случае транспозиция грамматической категории обусловлена композиционной структурой переводного текста, динамизмом изложения событий.

Б. Переход слова из разряда имен существительных в разряд глаголов:

N – V *Cette hâte, cette course* (A. Camus. L'étranger, 10) – *‘Торопился, бежал’* (А. Камю. Посторонний, 41). Лексемы оригинала перекодированы на русский язык глаголами, которые употреблены в соответствии с предпочтительным приме-

нием глаголов в русских текстах для выражения быстро сменяющихся событий (подробнее в третьей главе).

Структурно-функциональный анализ текстов оригинала и перевода выявил, что при перекодировке осуществляется как непосредственная транспозиция, так и транспозиция частей речи с использованием предлогов, аффиксов и флексий (см. 2.1.). Сопоставление текстов на французском и русском языках показывает, что при перекодировке с французского языка на русский преобладает синтаксическая транспозиция плана выражения, тогда как при переводе с русского языка на французский преобладает морфолого-аналитиче-ская транспозиция.

Dieu! que de tristesses on trouve au fond de son passé, dans ces heures de la nuit où l'âme est affaiblie (R. Rolland. Colas Breugnon, 101) – *Господи, сколько печали находишь в глубинах своего прошлого в эти ночные часы, когда душа расслаблена!* (Р. Роллан. Кола Брюньон, 86).

Красной нитью сквозь все произведение Ромена Роллана проходят размышления автора о бытие, о причинах побед и неудач, которые постигают каждого человека в его жизни. Автор часто обращается к прошлому главного героя, чтобы найти истоки его душевного состояния в настоящем.

В данном примере для адаптации эмоциональности рассматриваемой части текста оригинала, которая несет большую смысловую, к ее восприятию русским читателем при переводе языковой единицы текста оригинала “*ces heures de la nuit*” осуществлена **синтаксическая транспозиция** грамматической категории имени существительного “*la nuit*” в разряд имен прилагательных – “*в ночные (часы)*” путем добавления флексии к слову “*ночь*”, что не изменило плана содержания рассматриваемой языковой единицы в ПТ. Преобразования компонентов плана выражения осуществлены в соответствии с законами грамматики русского языка. Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

Адаптация содержания оригинала при переводе текстов с русского на французский язык осуществляется также на основе транспозиции частей речи.

Была ясная осенняя ночь с морозом (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 124) – *Il faisait une nuit d'automne claire et froide* (B. Pasternak. Le docteur Jivago, 175).

Сопоставление текстов художественных произведений на французском и русском языках показывает, что при перекодировке единицы оригинала “осенняя ночь с морозом” в соответствии с правилами французского языка в плане выражения переводчиком осуществлены следующие преобразования для передачи плана содержания: имя существительное “мороз”, которое употреблено с предлогом в тексте, передано именем прилагательным “froide”, в результате чего предлог “с” исчез из структуры предложения.

В ряде случаев в процессе перекодировки языковых единиц с русского языка на французский при асимметричной передаче их плана выражения на ПЯ транспозиция части речи осуществляется на основе употребления предлога:

На соседнем дворе было сборное место дружинников (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 56) – *La cour de la maison voisine servait aux combattants de lieu de rassemblement* (B. Pasternak. Le docteur Jivago, 72).

Исследуемая лексема “сборное” в тексте оригинала является именем прилагательным. При перекодировке на переводной язык она перешла в разряд имен существительных путем употребления предлога *de* - “*de rassemblement*” и выполняет синтаксическую функцию имени прилагательного. **Морфолого-аналитическая** транспозиция плана выражения единицы оригинала в переводном тексте не оказала влияния на передачу содержательной стороны и стиля изложения, которые перекодированы симметрично. Пример может быть классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования. Подчеркнём, что подробнее способы передачи предлогов в языке перевода будут рассмотрены в третьей главе монографии.

Помимо применения непосредственной и синтаксической транспозиции части речи переводчики находят дополнительные средства преобразований компонентов плана выражения знака с целью достижения большей степени идентичности оригинала и перевода. Так как известно, имя прилагательное русского языка во французском языке может быть перекодировано именем существительным в предложной конструкции, например: “*антивоенная кампания*” – ‘*campagne contre la guerre*’.

Таким образом, непосредственная, синтаксическая, морфолого-аналитическая транспозиция части речи наряду с транспозицией грамматических категорий способствуют осуществлению процесса адаптации текстов литературно-художественных произведений в процессе их перевода.

3. Актантные трансформации плана выражения единицы

Сравнение текстов на французском и русском языках выявляет высокую частотность актантных трансформаций компонентов плана выражения при адекватном переводе текстов, а именно:

А. Взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения:

- Вот именно его вчера при мне и зарезало трамваем на Патриарших (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 191) – ‘*Mais oui, justement, hier, j’étais là quand le tramway lui coupé la tête*’ (М. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 147).

В произведении М. Булгакова часто употребим разговорный стиль речи для характеристики социального статуса его героев, поэтому переводчик испытывает ряд сложностей при передаче стиля автора на переводной язык.

В рассматриваемом примере лексема “*трамвай*”, выполняющая роль косвенного дополнения в тексте оригинала, в тексте перевода выполняет синтаксическую функцию подлежащего “*tramway*”; глагол оригинала ‘*зарезало*’, употребленный в пассивном залоге, переведен глаголом активного

залога в переводном тексте, что приводит к асимметричности передачи плана выражения, тогда как содержательная сторона единицы перекодирована симметрично с ИЯ на ПЯ.

Осуществленные преобразования плана выражения связаны с явлением расхождения в области синтаксиса французского и русского языков. Изменение субъектно-объектных отношений в рассматриваемом примере закономерно, так как русское дополнение во многих случаях заменяется подлежащим во французском предложении. Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

Такое же явление просматривается при перекодировке текстов с французского языка на русский:

Thérèse le savait qu'Anne entraînée par sa mère avait en vain cherché dans la foule un visage absent (F. Moriac. *Thérèse Desqueiroux*, 44) – *Тереза знала, что его не было, что Анна, которую тянула за руку мать, тщетно искала в толпе любимое лицо. Жана не было'* (Ф. Мориак. *Тереза Дескейру*, 46).

Сопоставление текстов оригинала и перевода показывает, что лексическая единица оригинала “*sa mère*” выполняет синтаксическую роль дополнения в предложении исходного текста, тогда как в тексте перевода она является подлежащим. Причастие прошедшего времени, входящее в состав словосочетания с рассматриваемой лексемой “*entraînée*”, также претерпевает преобразования – переводчик передает его смысловое значение, выраженное в исходном тексте причастием, глаголом в активном залоге ‘*тянула*’. Асимметрия плана выражения единиц оригинала и перевода не нарушила симметричной передачи плана содержания. Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования.

Б. Ведение в предложение фиктивного (ложного) актанта-подлежащего, образованного в результате транспозиции глагола:

Вавилова въехала со скандалом (В. Гроссман. В городе Бердичеве, 49) – *L'arrivée de Vavilova provoqua un vrai scandale'* (V. Grossman. Dans la ville de Berditchev, 15).

Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования. Рассматриваемый глагол “*въезжать*” в тексте оригинала представлен формой прошедшего времени “*въехала*”, тогда как при перекодировке на ПЯ, он преобразован в имя существительное “*l’arrivée*”, которое выполняет роль подлежащего в синтаксической структуре предложения ПТ.

Транспозиция глагола обусловлена тем, что план содержания русского предложения невозможно перевести на французский язык адекватно, без изменения структуры всего предложения, так как глагол “*arriver*” не может сочетаться с абстрактным существительным “*scandal*”. Переводчик подобрал глагол “*provoquer*”, отражающий события, описываемые в тексте оригинала, но это потребовало дополнительной характеристики, а именно: употребления лексемы “*vrai*” в сочетании со словом “*scandale*”. Осуществленные преобразования компонентной структуры плана выражения исходного текста не изменили стиля изложения текста оригинала на переводном языке.

В. Взаимозамена сказуемого и второстепенного члена предложения в сочетании с транспозицией части речи:

Il ne rougissait pas de convenir qu’il aimait ses neveux (А. Camus. La peste, 40) – *Без краски стыда, говорил он, что любит племянников...* (А. Камю. Чума, 124).

Синтаксическая структура предложения на французском языке включает в себя глагол “*rougir*”, употребленный в прошедшем незавершенном времени “*rougissait*”, смысловое значение которого и не может быть передано в полном объеме на русский язык без трансформации его плана выражения.

Переводчик путем употребления морфолого-аналитической транспозиции глагола в разряд имен существительных с предлогом “*без краски*” адаптировал план содержания к восприятию русскоговорящим читателем. В результате произошло изменение синтаксической функции транс-

лемы: сказуемое на дополнение в предложении переводного текста.

Г. Введение дополнительного субъекта по ситуации

Сравнение текстов на французском и русском языках показывает, что в процессе перекодировки иногда осуществляется введение в предложение дополнительного субъекта, выраженного чаще всего местоимением:

Там вошел, стуча сапогами, мужчина и бросил на пол сумку с железом (А. Солженицын. Случай на станции Кочетовка, 166) – *'Un homme y était entré à grands coups de bottes, et il jetait sur le sol une sacoche qui rendit un son de ferraille'* (А. Soljénitsyne. L'inconnu de Krétchéтовка, 98). Прежде всего, необходимо отметить несоответствие в названиях произведения А. Солженицына на русском и французском языках: “Случай на станции Кочетовка” и “L'inconnu de Krétchéтовка”, что переводится как ‘незнакомец из Кречетовки’, так как незнакомец-шпион был проездом на станции Кочетовка, где его и задержали. Этимологическое равенство лексем “Кочетовка” и “Кречетовка” не объясняет, тем не менее, решение переводчика о замене названия населенного пункта.

В тексте перевода в процессе его перекодировки с русского языка на французский в структуру предложения был введен дополнительный субъект “il”, что соответствует требованиям построения предложения во французском языке, где на первом месте чаще находится подлежащее. Перенесение русского подлежащего, которое находилось в середине предложения, на начало предложения привело к изменению структуры целого предложения и к употреблению второго подлежащего на основе применения явления грамматической трансформации. Изменение плана выражения не оказало влияния на передачу плана содержания рассматриваемой единицы. В процессе перекодировки переводчик находит возможность сочетания нескольких видов преобразований в плане выражения знака при адаптации его плана со-

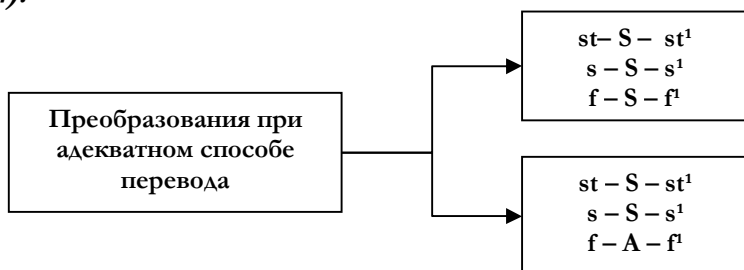
держания, например, сочетание **актантной трансформации и трансформации грамматической категории**, а именно: замена активного залога языковой единицы оригинала на глагол пассивного залога при переводе с русского на французский язык:

He загнал дождь только людей службы. В окно виден был часовой на платформе с зачехленными фрузами, весь облитый струящимся дождем... (А. Солженицын. Случай на станции Кочетовка, 161) – *‘Seul le personnel en service n’avait pas été chassé par la pluie. On voyait par la fenêtre la sentinelle juchée sur un wagon plateforme au chargement sous bâche, il ruisselait...’* (А. Soljénitsyne. L’inconnu de Krétchéтовка, 87).

Пример взят также из произведения А. Солженицына, где в данном случае при адаптации содержательного плана знака осуществлена транспозиция грамматической категории имени существительного оригинала “люди”, употребленного во множественном числе на лексему “*le personnel*” в единственном числе, что соответствует реалиям французской грамматики. Структура переводимого предложения также передана асимметрично: второстепенный член предложения “люди службы” преобразован в подлежащее “*le personnel en service*” в ПТ, то есть осуществлена актантная трансформация. Изменение субъектно-объектных отношений закономерно привело к преобразованиям глагола: так глагол оригинала “загнал”, употребленный в форме прошедшего времени активного залога в исходном тексте, переводном тексте имеет форму пассивного залога: “*n’avait pas été chassé*”.

Таким образом, сопоставление текстов на французском и русском языках выявило, что при перекодировке языковых единиц с исходного языка на переводной при их адекватном переводе стиль и план содержания оригинала передаются симметрично на ПЯ во всех случаях. План выражения может быть передан как симметрично, так и асимметрично, что зависит от структуры перекодируемой единицы перевода.

Преобразования плана выражения единицы осуществляются по трем типам лексико-семантических преобразований: транспозиция грамматической категории, транспозиция частей речи, актантные трансформации. Семантические преобразования плана содержания знака и трансформация форм связи в предложении при адекватном переводе не осуществляются. Рассмотренные примеры адекватного способа перевода языковых единиц выявили преобладание преобразований в соответствии с формулами один и два (*схема 14*):

2.3. Сквозь тернии формы к эквивалентности смысла

Явление эквивалентности языковых единиц при перекодировке текстов с исходного языка на переводной рассматривалось в работах известных лингвистов Ю.Н. Каравлова (1996), Л.К. Латышева (1981), А.Д. Швейцера (1989) и др. В монографии рассматриваются типовые эквивалентные отношения в структуре текста, которые воссоздают/невоссоздают на ином языке произведение по коммуникативным параметрам равноценное оригиналу. Сравнение текстов на французском и русском языках определяет условия отождествления единиц в плане выражения и содержания. Неидентичность планов содержания единиц текстов на разных языках обусловлена принципиальным несовпадением значения языковых единиц, составляющих эти тексты. Чтобы получить объективную картину взаимодействия различных единиц на основе их анализа необходимо сопоставление их речевых ситуаций и контекстов употребления, что

способствует раскрытию структуры компонентов эквивалентных отношений между единицами текста оригинала и перевода (Бабич, Фомина, 1987: 66).

Сравнение текстов оригинала и перевода выявляет, например, наличие смысловых элементов, представленных несколькими словами в одном языке, и одним словом в другом. Поэтому эквивалентные отношения между единицами оригинала и перевода устанавливаются на основе выражаемого смысла, а не на основе их принадлежности к какому-либо формальному уровню языковой системы. Промежуточный этап установления эквивалентности между текстами оригинала и перевода зависит от меры информированности воспринимающего (переводчика или читателя).

Сопоставление оригинала и перевода показало, что при эквивалентном способе перевода единиц проявляются следующие закономерности:

♦ Стиль оригинального произведения передается на переводной язык как симметрично, так и асимметрично.

♦ При симметричной/асимметричной передаче стиля оригинала на ПЯ план содержания единиц оригинала и перевода может быть передан как симметрично, так и асимметрично.

♦ План выражения перекодируемой единицы оригинала асимметричен в переводном тексте во всех случаях и подвержен пяти типам преобразований.

Сопоставительный анализ текстов выявил, что более частотными из возможных типов преобразований, являются следующие:

1. Транспозиция грамматических категорий при: а) симметричной передаче стиля и изменении планов содержания и выражения единиц; б) асимметричной передаче стиля и изменении планов содержания и выражения единиц.

2. Транспозиция частей речи, а именно: а) синтетическая транспозиция при симметричной передаче стиля; б) синтетическая транспозиция при асимметричной передаче стиля; в) транспозиция частей речи при переводе фразеологических оборотов; г) супплетивизм основ.

3. Трансформация связи в предложении.

4. Актантные трансформации, а именно: а) взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения; б) инверсия подлежащего и сказуемого; в) введение фиктивного актанта.

5. Семантические преобразования, а именно: а) симметричная передача стиля при симметричной перекодировке плана содержания на основе явления контрадикторности в плане выражения; б) асимметричная передача стиля при симметричной перекодировке плана выражения; в) семантические замены при переводе фразеологических оборотов, пословиц, поговорок; г) лексико-семантические преобразования при явлении метонимии; д) лексико-семантические преобразования при употреблении описательного перевода; е) лексико-семантические преобразования при передаче стилистически окрашенной лексики.

Проиллюстрируем перечисленные виды преобразований примерами из литературно-художественных текстов.

1. Транспозиция грамматических категорий компонентов переводческого кода при эквивалентном способе перевода

В процессе эквивалентного способа перевода текстов с русского языка на французский и с французского языка на русский переводчик применяет такой тип преобразований плана выражения знака как транспозиция грамматических категорий единиц текста оригинала при их перекодировке. Подчеркнём, что частотность тех или иных типов транспозиции грамматических категорий при эквивалентном способе перевода отличается от их частотности при адекватном способе перевода, а именно, при адекватном способе перевода преобладает смена залога глагола: *пассив/актив* и *актив/пассив*, а также *изменение числа* имени существительного, тогда как при употреблении эквивалентного способа перевода к перечисленным типам частотных преобразований добавлена *замена наклонения*.

Сопоставим перечисленные типы преобразований при симметричной и асимметричной передаче стиля произведения с ИЯ на ПЯ.

А. Симметричная передача стиля оригинала на ПЯ при изменении планов содержания и выражения языковых единиц.

При переводе планов языковых единиц с французского языка на русский в большинстве случаев осуществляются преобразования грамматических категорий, обусловленные стремлением переводчика симметрично передать план содержания и стиль на переводной язык:

Je renonce donc peu à peu au soleil. Je renonce aux grandes surfaces dorées qui m'eussent accueilli en cas de panne (S.-Exupéry A.de. *Terre des hommes*, 192) – *Так, прощай солнце. Прощайте золотящиеся просторы, где я нашел бы прибежище, случись какая-нибудь поломка* (С.-Экзюпери де. *Планета людей*, 211).

Рассматриваемая единица “renonce” в тексте оригинала употреблена в изъявительном наклонении. При перекодировке рассматриваемого знака с ИЯ на ПЯ осуществлена транспозиция грамматической категории плана выражения: изъявительное наклонение единицы оригинала изменено на повелительное, а глагол ИГ “отказываться” заменен эквивалентным эквивалентом – синонимом “*прощайте*” в переводном тексте (РФС, 1997). Подбор эквивалента осуществлен на основе явления усиления смысловой нагрузки фразы в переводном тексте, что изменило ее план содержания. Планы содержания и выражения перекодированы асимметрично, что позволило переводчику передать стиль изложения симметрично с ИЯ на ПЯ. Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

Б. Асимметричная передача стиля текста оригинала на ПЯ при изменении плана содержания и выражения лексической единицы

В ряде случаев при перекодировке текста оригинала осуществляется транспозиция грамматической категории в

связи с асимметричной передачей стиля текста оригинала на ПЯ, при изменении плана содержания и плана выражения транслемы. В приведенном ниже примере при эквивалентной передаче плана содержания единиц текста оригинала в тексте перевода в плане выражения единиц произведена транспозиция грамматической категории лексической единицы, а именно изменение залога глагола:

Вещей было много. Часть их уходила на следующий день (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 112) – *Ils avaient beaucoup de bagages. La plupart devaient être expédiés le lendemain* (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 133).

В предложении оригинала лексема “уходить” выражена глаголом прошедшего времени активного залога, тогда как в переводном тексте активный залог глагола заменен на пассивный “être expédié”, что привело к асимметричной перекодировке рассматриваемой единицы на уровне плана выражения. Преобразования плана выражения связаны с метонимичностью рассматриваемого глагола, смысл которого не может быть выражен глаголом французского языка “partir”, который является контекстуально неэквивалентным, поэтому переводчик подобрал в качестве эквивалента нейтральный синоним “être expédiés”, но в пассивном залоге. План содержания транслемы перекодирован симметрично с исходного языка на переводной, а стиль – асимметрично. Осуществленные преобразования плана выражения единицы перевода позволяют классифицировать пример в соответствии с формулой семь. В ряде случаев в процессе перекодировки переводчик вынужден изменять число лексемы, являющейся синонимом к перекодируемой единице исходного текста:

Ils se taisaient quand nous passions. Et derrière nous, les conversations reprenaient (А. Camus. L'étranger, 13) – *‘А за спиной у нас опять началась болтовня’* (А. Камю. Посторонний, 42).

Произведение А. Камю относится к разряду творений, которые не оставляют читателя безучастным к описываемым событиям и заставляют думать и сопереживать вместе с героями. Но такие произведения создают для переводчиков

ряд трудностей по перекодировке всех компонентов переводческого кода и достижении максимальной степени адаптации содержания к восприятию иноязычного читателя.

В приведенном примере из текста А. Камю стилистически нейтральное слово “*les conversations*” переведено на русский язык как “болтовня”, что привело к усилению стилистической окраски. В русском языке лексема “болтовня” относится к группе просторечных слов, тогда как во французском тексте она нейтральна. Стилистическое оформление единицы оригинала передано асимметрично на ПЯ. В плане выражения единицы ИТ осуществлена транспозиция грамматической категории: множественное число рассматриваемого имени существительного заменено единственным числом в переводном тексте в соответствии с правилами грамматики русского языка. Симметричная передача содержательной стороны единицы основана на асимметричной передаче ее плана выражения. Пример преобразования текста при переводе классифицирован в соответствии с формулой семь.

$$\begin{array}{l} \text{st} - \mathbf{A} - \text{st}^1 \\ 7) \text{ s} - \mathbf{S} - \text{s}^1 \\ \text{f} - \mathbf{A} - \text{f}^1 \end{array}$$

Несовпадение единственного и множественного числа имен существительных французского и русского языка зависит от той смысловой нагрузки, которая заключается в лексеме. Так, например, множественное число французского существительного заменяется на единственное в случае несовпадения способов выражения собственного значения в обоих языках: *irrellectuels* – *интеллигенция*

Материал исследования показал, что при переводе текстов с русского языка на французский просматриваются такие же языковые преобразования транспозиции грамматических категорий, как и при переводе с французского языка на русский, в частности, изменение единственного числа на множественное другие.

Они стали, не торопясь, укладываться. Ночью их разбудили шум и крики, стрельба и беготня (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 144) – *‘Il se levèrent, sans se presser pour faire leur paquetage. La nuit, ils furent réveillés par du bruit et des cris, une fusillade et des pas précipités’* (B. Pasternak. Le docteur Jivago, 166).

В данном примере лексема оригинала “беготня” стилистически окрашена, но в переводном тексте она заменена эквивалентным, стилистически нейтральным словосочетанием “*des pas précipités*”, что переводится как ‘торопливые шаги’. В данном случае переводчик употребил неэквивокабулярный эквивалент рассматриваемой лексемы в тексте перевода. В плане выражения рассматриваемая единица и ее переводной вариант асимметричны, так как осуществлена транспозиция грамматической категории числа: единственное число лексемы текста оригинала преобразовано во множественное число в ПТ, что обусловлено решением переводчика по выбору эквивалента исследуемой лексеме, и отсутствием лексемы, идентичной рассматриваемой, в единственном числе во французском языке; поэтому переводчик был вынужден изменить объем знака: слово перекодировано словосочетанием в ПТ, то есть, осуществлена лексико-грамматическая трансформация единицы в плане выражения.

В итоге, в содержательном плане рассматриваемая лексема передана симметрично на переводной язык. Но стилистическое оформление лексической единицы передано асимметрично, что вызывает сожаление, так как можно было бы подобрать стилистически эквивалентное словосочетание для адаптации содержания на французском языке, к примеру “*va-et-vient*” - ‘беготня взад и вперед’, которое можно было бы употребить при переводе предложения, что не привело бы к асимметрии стиля оригинала и перевода. Во французском языке существует также слово “*courses*”, переводимое как ‘беготня по городу’, но оно контекстуально неэквивалентно рассматриваемой нами единице “беготня”. Исследованный пример преобразований компонентов переводческого кода соответствует формуле семь проводимого исследования.

Таким образом, сопоставление текстов на французском и русском языках показывает, что транспозиция грамматической категории плана выражения осуществляется как при симметричной, так и асимметричной передаче стиля в соответствии с формулами семь и два:

$$\begin{array}{ll}
 \text{st} - \text{A} - \text{st}^1 & \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 \\
 1) \quad \text{s} - \text{S} - \text{s}^1 & 2) \quad \text{s} - \text{S} - \text{s}^1 \\
 \text{f} - \text{A} - \text{f}^1 & \text{f} - \text{A} - \text{f}^1
 \end{array}$$

2. Транспозиция частей речи при эквивалентном способе перевода

Сопоставительный анализ текстов на французском и русском языках показывает, что при эквивалентном переводе языковых единиц оригинала преобразования осуществляются следующим образом:

А. Синтетическая транспозиция единицы оригинала на ПЯ при симметричной передаче ее стиля изложения ИТ

Рассмотрение преобразований единиц при эквивалентной перекодировке оригинала на переводной язык выявило преобладание симметричной передачи стиля при асимметрии плана выражения знака, в частности, были рассмотрены примеры перехода глагола в разряд имен прилагательных:

V - N *On chemine longtemps côte à côte, enfermé dans son propre silence, ou bien l'on échange des mots qui ne transportent rien* (S.- Euxéry A. de. Vol de nuit, 120) – ‘*Случается, долго бредешь бок о бок с людьми, замкнувшись в молчании, либо перекидываясь незначащими словами*’ (С. Экзюпери де. Ночной полет, 167).

В данном примере план выражения рассматриваемой единицы “*ne transportent rien*” при переводе передан асимметрично: глагольная форма изменена на форму имени прилагательного “*незначащими*”, так как изменилась синтаксическая структура переводимого предложения: оно упрощено переводчиком следующим образом: придаточное предложение текста оригинала заменено на причастие в переводном тек-

сте, что обусловлено структурой французского языка, так как французские конструкции с относительным придаточным предложением часто передаются на русский язык прилагательным или причастием в функции приложения. Пример преобразований классифицирован в соответствии с формулой два.

Сопоставительные исследования текстов показывают высокую частотность подобных преобразований, что связано с особенностями структуры французского и русского языков. Для эквивалентной передачи плана содержания единицы на переводной язык при перекодировке текстов с русского языка на французский язык также может осуществляться замена имени существительного глаголом при транспозиции частей речи плана выражения транслемы:

Н - V *Дом скорби* засыпал. В тихих коридорах потухли матовые белые лампы (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 116) – *La triste maison s'endormait. Dans les couloirs silencieux, les globes blancs de verre dépoli s'éteignirent* (М. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 179).

В восприятии русского читателя “дом скорби” – это сумасшедший дом, поэтому, встречая в тексте это понятие, читатель морально подготавливается к дальнейшему описанию событий, тогда как французский читатель, видя словосочетание ‘*La triste maison*’ по-иному воспринимает текст. Во французском языке есть эквивалент словосочетанию “дом скорби” – ‘*asile d’aliénés*’, но переводчик принял иное решение, употребив словосочетание ‘*La triste maison*’.

В данном примере при перекодировке оригинала на переводной язык имя существительное “*скорбь*” транспонировано в разряд имен прилагательных: “*triste*”, что не соответствует французской реалии. В результате осуществленных преобразований план выражения лексемы перекодирован асимметрично, а ее содержательная сторона передана симметрично при симметрии стилей оригинала и перевода. Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования.

В ряде случаев достижение эквивалентности текстов оригинала и перевода возможно только при перекодировке глаголов оригинала именами существительными в переводном тексте:

V - N *A on nonproust sovral* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 120) – *'Tout simplement des mensonges*' (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 187). М. Булгаков употребил глагол прошедшего времени "соврал", что характерно для динамизма изложения в русском языке, тогда как при перекодировке предложения на переводной язык глагол преобразован в имя существительное множественного числа, то есть, осуществлены одновременно два вида преобразований: транспозиция части речи и транспозиция грамматической категории, что связано с упрощением синтаксической структуры предложения оригинала при переводе. Изменение плана выражения единицы способствовало эквивалентной передаче плана содержания оригинала на ПЯ.

При переводе нередко осуществляется взаимозамена главного и второстепенного члена словосочетания, например, существительного и относящегося к нему определения, или имени существительного и глагола:

N - V *L'écoulement du temps d'ordinaire, n'est pas ressenti par les hommes* (S.-Exupéry A.de. Terre des hommes, 156) – *'Обычно люди не замечают, как бежит время*' (С.-Экзюпери де. Планета людей, 189).

А. Сент-Экзюпери де как поэт и философ, описывая человеческие чувства, часто прибегал к помощи иносказаний, описаний природы, времени. Так в исследуемом предложении на первом месте по значимости располагается словосочетание "*l'écoulement du temps*", что переводится как '*течение времени*', тогда как для переводчика важно было подчеркнуть то, что именно люди не замечают бег этого времени.

В результате смещения акцентов в структуре самого словосочетания на русском языке также произошли изменения: рассматриваемая единица оригинала "*l'écoulement du temps*"

перекодирована на переводной язык сочетанием глагола и существительного. Существительное “*l'écoulement*” перешло в разряд глаголов, то есть, осуществлена синтетическая транспозиция части речи, а существительное “*temps*”, являющееся зависимым словом в словосочетании оригинала, сместилось из ремы в тему в структуре словосочетании перевода. Это преобразование плана выражения, обусловленное подбором эквивалента в языке перевода, противоположно рассмотренным типам преобразований в предыдущем примере.

Дальнейшее сопоставление текстов оригинала и перевода показывает, что существует как вариативная синтетическая транспозиция части речи при перекодировке единицы ИЯ на ПЯ (два предыдущих примера), так и обязательная в связи с правилами построения фразы на языке перевода:

Врач вопросительно посмотрел на Рюхина, и тот хмуро пробормотал... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 70) – *Le médecin lança un regard interrogateur à Rioukhine, qui grommela d'un air sombre*’ (М. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 121).

В рассматриваемом примере переводчиком осуществлена синтетическая транспозиция лексической единицы оригинала “*вопросительно*” (наречие) в единицу “*interrogateur*” (имя прилагательное) в переводном тексте, так как в процессе адаптации содержания единицы перевода на французский язык изменилась форма управления глагола: в русском языке глагол “*посмотреть*” употребляется с наречиями, характеризующими качество действия, тогда как во французском языке эквивалент рассматриваемому словосочетанию “*lancer un regard*” грамматически сочетается с именем прилагательным “*un regard interrogateur*”. Осуществлена зависимая транспозиция плана выражения единицы, вызванная подбором эквивалента при симметричной передаче плана содержания знака ИЯ на ПЯ. Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования.

Б. Синтетическая транспозиция единиц оригинала в ПТ при асимметричной передаче стиля изложения ИТ в ПТ.

Сравнение текстов оригинала и перевода на французском и русском языках выявляет примеры как симметричной, так и асимметричной передачи стиля с ИЯ на ПЯ.

Сегодня тут тоже было назначено общее сборище для оглашения чего - то важного (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 401) – ‘*Se jour-là, on réunissait tous les partisans pour leur faire part de nouvelles importantes*’ (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 441).

Б. Пастернак очень точно охарактеризовал в своем произведении исторический период в России начала XX века, гражданскую войну. Выбранные автором эпитеты, емкие краткие характеристики героев и событий поражают читателя. Так, в тексте находим слово “сборище”, которое является стилистически окрашенным и имеет во французском языке полный эквивалент ‘*attroupement*’, относящийся к разряду просторечий. Но лексема “сборище” при перекодировке заменена переводчиком стилистически нейтральным глаголом “*réunir*” (собираться), то есть в переводном тексте осуществлена стилистическая нивелировка знака (выпрямление значения, см. 1.3.2.). В плане выражения единицы произведено преобразование, а именно: транспозиция части речи – имя существительное текста оригинала “сборище” передано глагольной формой прошедшего времени в ПТ “*on réunissait*”. Пример соответствует формуле семь.

В. Семантические замены при переводе фразеологических оборотов и асимметричной перекодировке содержательной стороны единицы на ПЯ:

Многообразие стилей описания событий и характеров героев вызывает поделенные трудности у переводчиков в процессе перекодировки текстов литературно-художественных произведений, в частности, наличие фразеологических оборотов побуждает переводчиков прибегнуть к различным способам передачи компонентов переводческого кода на иной язык:

Orgueilleux, entêté, caboche de mulet, comme tu me ressemblais! dit-elle (R. Rolland. Colas Breugnon, 94) – ‘Гордец, упрямец, лошадиная головушка, до чего ты был на меня похож! - сказала она’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 80). Пример соответствует формуле три нашего исследования.

Французский фразеологический оборот “*caboche de mulet*” (башка мула) не имеет эквивалента в русском языке, поэтому его дословный перевод не вызывает адекватных ассоциаций у русскоговорящего читателя. Для просторечья, характеризующего крестьянский быт и отложившегося в сознании русского народа, более приемлемым является сравнение упрямства с ослом, тогда как упрямото у французов ассоциируется с мулом, но переводчиком осуществлена семантическая замена лексемы оригинала “*mulet*” на “*лошадиная*” для передачи общего содержания фразы, поэтому фразеологический оборот “*caboche de mulet*” (башка мула), переведен эквивалентно на ПЯ в содержательном плане.

Анализ компонентов, составляющих план выражения пословицы выявляет симметричную передачу плана выражения единицы ИТ при перекодировке на ПЯ: слово “*caboche*” при переводе преобразуется в лексему “*головушка*”, то есть имя существительное в тексте оригинала передается именем существительным – сохраняется симметричность формы, вторая часть рассматриваемого словосочетания “*de mulet*” выполняет роль определения, а в переводном тексте эквивалентный ей компонент “*лошадиная*” является именем прилагательным и также выполняет роль определения в синтаксической структуре словосочетания на ПЯ.

Г. Супплетивизм основ при эквивалентном переводе оригинала на ПЯ:

V - N *Quand j'entrai chez lui, il sourit:*

‘*Je sais la nouvelle. Tu es content?* (Saint-Exupéry de. Terre des hommes, 88) – *Тийоме встретил меня улыбкой. – Я уже слышал новость. Ты доволен?*’ (С.-Экзюпери де. Планета людей, 154).

Сопоставление исследуемых единиц выявили, что при переводе транслемы “*il sourit*” с французского языка на рус-

ский содержательная сторона передана эквивалентно, то есть симметрично на данном уровне перекодировки, тогда как план выражения перекодирован асимметрично. Глагол текста оригинала: “*sourir*” (смеяться, улыбаться) передан эквивалентной единицей, выраженной именем существительным в тексте перевода: “*улыбка*”.

Осуществленные преобразования являются примером проявления супплетивизма основ при перекодировке оригинала на ПЯ. План содержания и стиль изложения единицы переданы симметрично. Преобразования осуществляются в связи с изменением рассматриваемой фразы и упрощением ее синтаксической структуры: два простых предложения оригинала преобразованы в ПТ на основе явления супплетивизма основ. Преобразования плана выражения текста оригинала на основе явления супплетивизма прослеживаются также при переводе произведений с русского на французский язык:

Большую часть пути едущий и возница молчали (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 128) – *Le conducteur et le passager firent la plus grande partie de la route en silence* (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 149). Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

Лексема текста оригинала “*молчать*” переведена как “*faire en silence*” (совершать в тишине) на основе явления супплетивизма, в результате чего единицы оригинала и перевода отличаются по объему. При перекодировке объем единицы увеличился на основе лексико-грамматической трансформации плана выражения. Изменение плана выражения лексемы не оказало влияния на ее содержательную сторону, которая передана симметрично с русского языка на французский.

Осуществленные преобразования единицы оригинала закономерно связаны с правилами построения фразы во французском языке и русском, так как словосочетание “*faire en silence*” является эквивалентом слову “*молчать*”, тогда как в

следующем примере синоним перекодируемому глаголу текста оригинала в ПТ выбран переводчиком произвольно:

Maintenant, je vais te dire, ce que je pense de la scène dont nous avons été témoins aujourd'hui (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 163) – ‘Теперь я отвечу по поводу сцены, которую мы сегодня видели’ (В. Пастернак. Доктор Живаго, 142). Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

В данном примере преобразования планов рассматриваемой единицы “*видели*” осуществлены переводчиком произвольно, так как во французском языке существует глагол “*voir*” (видеть) симметричный рассматриваемой лексеме “*видели*” текста оригинала, поэтому не было необходимости изменять план выражения данной единицы при переводе. Но переводчик употребил выражение синонимичное оригинальному “*être témoins*” – ‘*быть свидетелями*’, что привело к асимметрии формы выражения рассматриваемой транслемы в тексте перевода: на основе лексико-грамматической трансформации. Содержательный план рассматриваемой единицы передан симметрично с русского языка на французский путем употребления контекстуального синонима.

В следующем примере замена словосочетания текста оригинала “*ce nom*” супплетивным ему словом “*называть*” потребовало пояснений: ‘*эту болезнь. Добавление вставки изменило план содержания единицы оригинала в переводном тексте, то есть привело к асимметрии плана выражения оригинального текста и переводного; но употребление вставки обусловлено общим композиционным рисунком переводного текста:*

Mais quel est ce nom? (А. Camus. La peste, 36) – ‘А как прикажете называть эту болезнь?’ (А. Камю. Чума, 121). Пример классифицирован в соответствии с формулой четыре.

st – S – st¹

4) s – A – s¹

f – A – f¹

Таким образом, сопоставление текстов на французском и русском языках показывает, что транспозиция частей речи

как вид преобразований плана выражения единиц оригинала на переводной язык при симметричной перекодировке содержательного плана представляет собой довольно частое явление, обусловленное требованиями структуры переводного языка. Сушлетивизм основ плана выражения единиц оригинала и перевода проявляется как при симметричной передаче содержания на переводной язык, так и при асимметричной, что приводит к асимметрии стиля изложения ИТ в ПТ. Преобразования планов языковых единиц основаны на транспозиции частей речи в плане их выражения единиц и осуществляются в большинстве случаев в соответствии с формулами два и четыре:

$$\begin{array}{ll}
 \text{st} - \mathbf{S} - \text{st}^1 & \text{st} - \mathbf{S} - \text{st}^1 \\
 2) \text{ s} - \mathbf{S} - \text{s}^1 & 4) \text{ s} - \mathbf{A} - \text{s}^1 \\
 \text{f} - \mathbf{A} - \text{f}^1 & \text{f} - \mathbf{A} - \text{f}^1
 \end{array}$$

3. Транспозиция форм связи в предложении при эквивалентном переводе оригинала на ПЯ

Единственной чисто синтаксической трансформацией при переводе является изменение порядка слов в предложении. Рассмотрение взаимосвязи компонентов лексического, грамматического, синтаксического языковых уровней при перекодировке единиц оригинала на переводной язык раскрывает значение их функционального аспекта взаимодействия. Учет лексической наполняемости предложения проявляется при семантической интерпретации синтаксических конструкций, которые образованы на основе одной и той же синтаксической схемы. Совокупность парадигматических и синтагматических отношений определяется не только семантикой слова, но и его местом в лексической системе языка. Существует прямая зависимость между лексической наполняемостью слова и его функцией в структуре предложения, с учетом набора категориальных признаков данного слова.

Исследование эквивалентной передачи единиц оригинала в тексте перевода на уровне смысла высказывания ак-

центрирует внимание на влияние словопорядка на смысл фразы. Коммуникативная нагрузка текста подчеркивается различными языковыми средствами. Семантические отношения между группами слов выражаются через расположение групп в высказывании. Порядок их расположения в зависимости от степени коммуникативной нагрузки независимо от синтаксического оформления – семантический (Черняховская, 1974: 24). Семантический словопорядок в предложении в отличие от синтаксического содержит смысловую нагрузку. По мере сужения границ смыслового объема, усиливается семантико-контекстуальная нагрузка словосочетаний и предложений в рамках текста.

Синтаксический центр предложения – это его грамматическая основа. Синтаксический центр должен совпадать со смысловым центром в рамках одного языка. Но при переводе с французского языка на русский грамматическая основа предложения, ее структурные компоненты сохраняются не во всех случаях. Это связано, например, с наличием во французском языке формального подлежащего и с его отсутствием в русском языке, поэтому симметричная передача содержательного плана единиц текста оригинала возможна при асимметричной перекодировке их плана выражения в ПТ. Структура семантического центра предложения не одинакова в ИЯ и ПЯ, что затрудняет эквивалентность передачи информации единиц ИЯ на ПЯ.

Сопоставительный анализ текстов на французском и русском языках показывает, что эквивалентный перевод содержательного плана единиц в ряде случаев осуществим при транспозиции форм связи в предложении. В данном случае асимметрия планов содержания и выражения возникает не только между отдельными частями предложения, как совокупности знаков, но и между предложениями текста оригинала и перевода, как полными знаками большего объема по сравнению с частичными знаками объемом в одно слово (Гак, 1998: 207).

Quand un camarade meurt ainsi, sa mort, paraît encore un acte qui est dans l'ordre du métier, et, tout d'abord, blesse, peut-être moins qu'une autre mort (Saint-Exupéry de. Vol de nuit, 117) – *Когда товарищ умирает так, это никого не удивляет - таково наше ремесло, и, пожалуй, будь его смерть иной, боль утраты была бы острее* (С.-Экзюпери. Ночной полет, 165).

Пример классифицирован в соответствии с формулой четыре. Сопоставление предложений на французском и русском языках показывает, что первая часть предложения оригинала, которая представляет собой придаточное предложение “*Quand un camarade meurt*”, передана адекватно на русский язык; тогда как основа главного предложения перекодирована эквивалентно в плане содержания, но асимметрична в плане выражения, так как переводчиком осуществлена трансформация форм связи в предложении при переводе, что обусловлено особенностями синтаксической структуры предложения во французском и русском языках.

Исследуем иной пример:

Je ne sais pas. Il se leva. Il marchait lentement vers la fenêtre en s'étirant (Saint-Exupéry de. Vol de nuit, 52) – *Не знаю. Он поднялся. Потягиваясь, медленно подошел к окну* (С.-Экзюпери. Ночной полет, 120).

В данном примере лексическая единица оригинала переведена эквивалентно на русский язык, то есть стиль и план содержания оригинала и переводного текста симметричны, тогда как план выражения асимметричен: порядок слов в предложениях текста оригинала и перевода различен. Грамматическая основа рассматриваемого предложения находится в начале предложения согласно правилам построения предложения во французском языке, тогда как переводном тексте изменен порядок слов и грамматическая основа употреблена после деепричастного оборота “*потягиваясь*”. Этот пример перевода текста с французского языка на русский классифицируется также в соответствии с формулой два. При переводе с русского на французский язык в пред-

ложении также может осуществляться трансформация форм связи.

В прихожей стало вдруг чрезвычайно шумно и людно (Ф. Достоевский. Идиот, 123) – ‘*On entendit aussitôt dans l’antichambre un bruit de foule*’ (F. Dostoïevski. L’idiot, 180).

Переводчики Ж. и Ж. Аро преобразовали информацию оригинала в соответствии с грамматикой французского языка. При переводе нередко бывает целесообразно разделить одно предложение на два или объединить несколько предложений в одно. Исследование показало, что объединение предложений чаще осуществляется при переводе с русского языка на французский. Исследования показывают, что существуют следующие способы объединения:

- соединение при помощи сочинительного союза,
- объединение при помощи подчинительного союза,
- превращение одного предложения в деепричастный или причастный оборот, или в приложение,
- бессоюзная сложносочиненная связь.

Приведем пример бессоюзной связи при адаптации двух предложений русского оригинала на французский язык:

Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было дома. Дети бежали по всему дому как потерянные; англичанка поссорилась с экономкой (Л. Толстой. Анна Каренина, 5) – ‘*La femme ne quittait plus ses appartements, le mari ne rentrait pas de la journée, les enfants couraient abandonnés de chambre en chambre; après une prise bec avec la femme de change, la gouvernante anglaise...*’ (L. Tolstoï. Anna Karénine, 3).

В исследуемой единице перевода объемом в два русских предложения просматривается несколько явлений, возникших в процессе перекодировки: во-первых, объединение двух предложений в одно в переводном тексте; во-вторых подбор смысловых и формальных эквивалентов: *не выходила* – ‘*ne quittait plus*’ (формальный эквивалент); *не было* – ‘*ne rentrait*’ (формальный эквивалент); *по всему дому* – ‘*de chambre en chambre*’ (смысловой эквивалент); *поссорилась* – ‘*après une prise bec avec*’ (смы-

словой эквивалент). Особый интерес представляет собой последняя пара эквивалентов: *поссорилась* - ‘*après une prise bec avec*’, где единица оригинала перекодирована на французский язык фразеологическим оборотом, который является устойчивым эквивалентом исследуемой лексики оригинала. Замена транслемы привела к стилистическому усилению выражения оригинала в тексте перевода. План содержания оригинала и перевода симметричны.

Из приведенных примеров видно, что явление трансформации форм связи в предложении как один из видов преобразования плана выражения не оказывает воздействия на передачу содержательного плана транслемы, который передается симметрично с ИЯ на ПЯ. Преобразования компонентов переводческого кода соответствуют формуле два:

$$\begin{aligned} & \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 \\ 2) & \text{s} - \text{S} - \text{s}^1 \\ & \text{f} - \text{A} - \text{f}^1 \end{aligned}$$

4. Актантные трансформации при эквивалентном переводе оригинала

Сравнение текстов на французском и русском языках выявило, что при эквивалентном переводе в синтаксической структуре предложения осуществляются следующие актантные трансформации единиц:

1) *взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения.*

Le nombre des rongeurs ramassés allait croissant et la récolte était tous les matins plus abondante (А. Камю. *La peste*, 15) – ‘Число дохлых грызунов все возрастало, и каждое утро работники конторы собирали еще более обильную, чем накануне жатву’ (А. Камю. *Чума*, 106).

В рассматриваемом примере лексема ИГ “*la récolte*” (урожай) выполняет функцию подлежащего в тексте оригинала, тогда как в переводном тексте она заменена синонимичным именем существительным “*жатва*”, которое употреблено в косвенном падеже и выполняет синтаксическую

функцию дополнения в предложении переводного текста. Изменение синтаксической функции связано с преобразованиями структуры предложения на русский язык. План выражения оригинала переведен асимметрично на уровне структуры предложения. Содержательная сторона единицы перекодирована симметрично (сохранена метонимичность переводимой лексемы). Стил изложения ИТ асимметричен в ПТ, так как слово “*жатва*” несет большую смысловую нагрузку в переводном тексте, чем “*la récolte*” в тексте оригинала. Пример классифицирован в соответствии с формулой семь переводимого исследования.

Сопоставление текстов оригинала и перевода выявило существование преобразований планов единиц, противоположных рассмотренным выше.

L'ordre était revenu, les cendres refroidies, et l'on n'entendait plus parler de maladie (R. Rolland. Colas Breugnon, 171) – *Вернулась тишина, остыла зола, как будто и чума в былое отошла* (Р. Роллан. Кола Брюньон, 151).

Пример классифицирован в соответствии с формулой два. При перекодировке единицы текста оригинала “*de maladie*” словом “*чума*” осуществлены лексико-семантические преобразования плана содержания на основе явления отношения внеположенности, то есть переименования смежных понятий в пределах одного родового: слово “*чума*” в данном контексте является эквивалентным варианту ИТ “*de maladie*”. План выражения также преобразован: в тексте оригинала рассматриваемая лексическая единица употреблена с предлогом “*de*” после глагола “*parler*” и выполняет роль дополнения в предложении, тогда как в тексте перевода ее эквивалент является беспредложным словом, что в процессе перекодировки привело к изменению его синтаксической функции в предложении - лексема, выполняющая синтаксическую роль дополнения в предложении оригинала выполняет роль подлежащего в ПТ. Возникшая асимметрия при перекодировке плана выражения единицы способствует эквивалентной пе-

редаче ее содержательной стороны. Стиль оригинала симметричен стилю переводного текста.

При переводе текста с русского языка на французский прослеживаются также взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения как одного из видов преобразования плана выражения:

Разноречивые чувства теснились в его груди (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 104) – *Il était étouffé par des sentiments contradictoires* (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 124). Транслема “чувства” в тексте оригинала выполняет роль подлежащего, тогда как в ПТ она становится дополнением в результате изменения структуры предложения оригинала.

2) интерверсия подлежащего и сказуемого

Исследование примеров разноструктурных преобразований выявляет существование взаимозамены подлежащего и сказуемого при эквивалентном переводе.

Sa surprise fut extrême: la clarté était telle qu'elle l'éblouissait (Saint-Exupéry.de. Vol de nuit, 75) – *Он поражен, ослеплен неожиданными потоками света* (С.-Экзюпери. Ночной полет, 137-138). Транслема “*sa surprise*” в тексте оригинала является именем существительным и выполняет синтаксическую функцию подлежащего в предложении. При переводе осуществлена транспозиция части речи единицы на основе явления **супплетивизма**: имя существительное преобразовано в глагол, что привело к изменению синтаксической функции слова в предложении: подлежащее на сказуемое, что связано с изменением структуры всего предложения в процессе перекодировки. Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

Таким образом, взаимозамена подлежащего и сказуемого, как один из видов преобразований плана выражения единиц при ее перекодировке с исходного языка на переводной способствует адаптации плана содержания в процессе перевода.

3) введение фиктивного актанта (подлежащего) в предложение при транспозиции части речи

Сопоставительный анализ текстов на французском и русском языках показал, что при осуществлении этого вида преобразований плана выражения единиц при переводе вводимое в предложение существительное указывает не на предмет или лицо, а на действие, так как подлежащее выражено лексемой, обозначающей не предмет, а действие, и сказуемое выражено глаголом, объясняющим процесс в общей форме в предложении перевода.

Рассмотрим языковые преобразования при эквивалентном переводе на основе введения фиктивного актанта в план выражения единицы:

Il marche vite. Il descend les trottoirs sans changer son allure (A. Camus. La peste, 26-27) – *‘Походка быстрая. Переходит через улицу, не замедляя шага’* (А. Камю. Чума, 114). Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

Сопоставление планов единиц текста оригинала и перевода выявило сочетание двух видов преобразований плана выражения: транспозиция части речи: переход глагола “*marcher*” (идти) в разряд имен существительных в переводном тексте – “*походка*”, в результате чего была осуществлена актантная трансформация плана выражения единиц, то есть переводчик ввел фиктивный актант – лексему “*походка*” в предложение на русском языке. Содержательная сторона текста оригинала адаптирована симметрично за счет осуществления преобразований плана выражения.

При переводе текстов с русского языка на французский осуществляются преобразования, аналогичные рассмотренному в предыдущем примере.

Он дышал так громко, что себя самого оглушал (В. Набоков. Защита Лужина, 151) – *‘Son souffle était si bruyant qu’il en lui-même assourdit’* (V. Nabokov. La défense Loujine, 281). Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

В данном примере слово “*дышал*” при перекодировке на французский язык перешло из разряда глаголов в разряд имен существительных. Осуществленная транспозиция глагола в существительное в плане выражения единицы ориги-

нального текста. Фиктивный актант обозначает действие в переводном предложении. План выражения рассматриваемой единицы перекодирован асимметрично, тогда как ее содержательная сторона и стиль изложения переданы симметрично с русского языка на французский.

Таким образом, сопоставление текстов на французском и русском языке показывает, что при эквивалентном способе перевода более частотными из четырех видов актантных трансформаций планов языковых единиц являются:

- ♦ взаимозамена подлежащего и второстепенных членов предложения,

- ♦ введение фиктивного актанта.

Введение в предложение субъекта по ситуации и соответствие двух второстепенных членов предложения друг другу менее частотны при переводе.

Преобразования, основанные на актантных трансформациях планов содержания и выражения единиц, соответствуют формулам два и семь:

$$\begin{array}{ll}
 \text{st} - \text{S} - \text{st}^1 & \text{st} - \text{A} - \text{st}^1 \\
 2) \quad \text{s} - \text{S} - \text{s}^1 & 7) \quad \text{s} - \text{S} - \text{s}^1 \\
 \quad \text{f} - \text{A} - \text{f}^1 & \quad \text{f} - \text{A} - \text{f}^1
 \end{array}$$

5. Семантические преобразования при переводе

Сопоставление текстов на французском и русском языках показывает, что в ряде случаев при эквивалентном переводе перечисленных выше преобразований плана выражения единиц недостаточно для передачи плана содержания. Для эквивалентной передачи плана содержания применяются семантические преобразования структуры: лексические и синонимические трансформации.

Лексическая трансформация языковой единицы – это проявление асимметрии в плане содержания при перекодировке на ПЯ. Лексические трансформации готовят единицы исходного текста к знаковому способу перевода. Они заключаются в поиске лексических единиц, для которых есть в языке перевода эквиваленты. Данный процесс начинается с определения синонимичного ряда при описа-

тельном и антонимичном переводах. При осуществлении лексической трансформации слово преобразуется в словосочетание, словосочетание в слово (Ковалева, 2001; Рецкер, 1980). В ходе лексических трансформаций сумма семантических компонентов единицы исходного текста равна сумме компонентов единицы переводного текста (Миньяр – Белоручев, 1996: 99). Этот вид семантических трансформаций знака сохраняет первоначальную сумму семантических компонентов независимо от изменения структуры.

Синонимичные трансформации плана содержания высказываний ИЯ при переводе основаны на употреблении стилистически однородных единиц в переводном тексте – проявление внутрителивой синонимии. Трансформации также базируются на стилистически разнородных элементах, что приводит к межстилевой синонимии, к асимметрии плана содержания единицы оригинала и перевода при перекодировке.

Трансформации содержательного плана единиц оригинала на лексико-семантическом уровне представляют собой потери или приобретения дифференциальных сем при переводе знаков с ИЯ на ПЯ с сохранением других важных сем, составляющих семантическую структуру исходной единицы текста (Миньяр-Белоручев, 1996: 99). Трансформация единиц на лексико-семантическом уровне основана на изучении семантического объема слова. Для этого применим контрастивный подход, который позволяет уточнить специфику смысловой структуры каждого элемента в сопоставляемых текстах на разных языках и выявляет характер соотношений между чертами сходства и различия в языках исследуемых текстов.

Процесс сопоставления категориальной структуры словообразовательного ряда происходит на основе количественных соотношений слов исходного языка и переводного, на определении сложности словообразовательного ряда и на количестве входящих в него слов.

Рассмотрение семантических преобразований планов содержания и выражения единиц при перекодировке на ПЯ выявило следующие особенности:

1. Симметричная передача стиля при симметричной перекодировке содержательной стороны текста оригинала на основе явления **контрадикторности** в плане выражения, изменение плана выражения ИТ в ПТ при перекодировке стилистически нейтральных единиц:

Хочется спать - сказал он, но остался сидеть в кресле (В. Набоков. Защита Лужина, 35) – *J'ai sommeil, se dit-il, mais il ne bougea pas de son fauteuil* (V. Nabokov. La défense Loujine, 74).

Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования.

В рассматриваемом примере при перекодировке оригинала на переводной язык осуществлены лексико-семантические преобразования его единиц, основанные на явлении контрадикторности в плане выражения, то есть на употреблении антонимов. Глаголы “*оставаться*” в тексте оригинала и “*bouger*” в переводном тексте (двигаться), являются антонимами, но употребление переводчиком лексемы “*оставаться*” в отрицательной форме превращает их в контекстуальные синонимы, то есть употребление антонимов не оказало влияния на содержательный план единицы, который передан с русского языка на французский, тогда как план выражения единиц оригинала асимметричен плану выражения единиц переводного текста при симметричной передаче стиля.

Исследование выявило высокую частотность употребления антонимичного способа перевода.

Рассмотрим пример проявления контрадикторности в плане выражения знака при переводе текстов с французского на русский язык, где употребим глагол “*bouger*”:

- *Repartons, leur, disait leur guide. Mais ils ne bougeaient pas* (Saint-Exupéry de. Terre des hommes, 167) – ‘ Нам пора, - заговорил проводжатель. Но они словно окаменели’ (С.-Экзюпери. Пла-

нета людей, 196). Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

В данном примере рассматриваемый глагол “*bouger*” (двигаться) в тексте оригинала находится в отрицательной форме, но перекодируется на русский язык смысловым синонимом “*окаменеть*”, в отличие от предыдущего примера, где он имеет иной синоним, а именно: “*оставаться*”. При передаче стиля оригинала и содержательной стороны его лексем проявляется симметрия знаков, тогда как в плане выражения единица перекодирована асимметрично.

2. Асимметрия стиля изложения оригинала в переводном тексте при симметричной передаче плана содержания на переводной язык и употреблении знаков, равных по объему знаку оригинала (отношение тождества на основе явления синонимии).

Mélancoliquement, je ruminais, ma vie. Je pensais à ce qu'elle aurait pu être, à ce qu'elle avait été, à mes rêves écroulés (R. Rolland. Colas Breugnon, 101) – ‘Я меланхолически озирал свою жизнь. Я думал о том, чем бы могла быть, о том, чем она была, о моих разрушенных мечтах’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 86).

Рассматриваемая лексема французского текста “*ruminer*” (перебирать в уме) синонимична единице “*озирать*” ПТ, то есть, в планах содержания и выражения исследуемое слово перекодировано симметрично, тогда как стиль оригинала на французском языке и текста его перевода на русский язык – асимметричны, так как “*озирать*” стилистически более нагружено, чем “*ruminer*” в переводном тексте, то есть, при подборе эквивалентов переводчиком осуществлено языковое явление усиления стилистического выражения (метафоризация, см.1.3.2.). Пример классифицирован в соответствии с формулой восемь проводимого исследования.

В следующем примере имя существительное текста оригинала передано эквивалентным, но стилистически более окрашенным существительным в ПТ:

Apprends-moi, mon Merlot, ton secret renâître, à chaque aube nouvelle, avec la même foi inaltérable en elle! (R. Rolland. Colas

Breugnon, 102) – *Научи меня, мой дроздок, твоему дару возродиться с каждой новой зарей, полным веры живой!* (Р. Роллан. Кола Брюньон, 86).

Языковая единица оригинала *“le secret”* (секрет) перекодирована эквивалентно на русский язык контекстуальным синонимом *“дар”*. В содержательной стороне единицы ИТ и ПТ симметричны, так же как и в плане выражения: имя существительное исходного текста передано также именем существительным на ПЯ. Асимметрия проявляется в передаче стиля оригинала на русский язык, что позволяет классифицировать данный пример преобразования в соответствии с формулой восемь проводимого исследования.

Эквивалентный перевод сталкивается с проблемой передачи нестандартных лексических единиц исходного языка на переводной. Под термином *“нестандартные единицы”* в данном исследовании понимаются слова экспрессивного просторечья, входящие в литературный язык в качестве функционально - стилистической категории, слова социального диалекта, находящиеся вне литературного языка (Хомяков, 1992). “Просторечье – одна из форм национального языка; наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком составляет устную некодированную сферу общенациональной речевой коммуникации” (БЭСЯ, 1998: 402). Являясь стилистической категорией, экспрессивные лексические единицы просторечья занимают промежуточное положение между нелитературными нормами и стандартной литературной лексикой (Хомяков, 1992).

В стилистически окрашенной лексике находит отражение взаимосвязь между ее адресатом и адресантом, отношение говорящего к предмету речи, культурно-социальное положение говорящего. Применение нестандартных лексических единиц в литературном тексте повышает уровень эмоционального воздействия на читателя. Прием нарушения норм выражения, языковая характеристика персонажа с помощью сленга или диалекта получили название *стилистической типизации*. Мера допустимой типизации определяется

потребностью языковой и стилистической коммуникации (Попович, 2000: 104). Передача просторечной лексики с исходного языка (языка I) на переводной язык (язык II) осуществляется на основе явления асимметрии планов единиц.

Сопоставления текстов выявляют примеры перекодировки стилистически окрашенной единицы текста оригинала на русском языке стилистически нейтральным синонимом в тексте на французском языке:

Но как ни велика была его тяга к искусству и истории, Юра не затруднялся выбором профессии (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 73) – *‘Malgré tout l’attrait que l’art et l’histoire exerçaient sur lui, il n’avait pas eu de peine à choisir sa carrière’* (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 90). Исследуемое словосочетание “*выбор профессии*” заменено во французском языке нейтральным синонимом “*la carrière*” (карьера). В структуре всего выражения также осуществлена транспозиция части речи: лексема “*выбор*” передана глаголом ‘*choisir*’, что соответствует структуре словосочетания на французском языке. Асимметрия проявляется только в стиле изложения оригинала на ПЯ, тогда как план содержания и выражения переданы симметрично, то есть переводчиком осуществлена нивелировка стиля изложения (выпрямление значения, см. 1.3.2.) оригинала в тексте перевода. Пример классифицирован в соответствии с формулой восемь данного исследования.

Лексико-семантические преобразования содержательного плана стилистически нагруженных единиц при *асимметричной* перекодировке плана выражения осуществляются как стилистически нейтральными единицами, так и стилистически окрашенными:

Tu te moques de moi, hein, c’est ça? Laisse-moi passer! (М. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 98) – ‘...ты что же это, глумишься надо мной! Пустяк!’ (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 52-52). Текст произведения М. Булгакова насыщен просторечными фразами, словами, не стала исключением и эта глава повествования, но переводчик не справился с задачей адаптации оригинала на французский язык. Глагол текста

оригинала “*глумиться*” стилистически более нагружен, чем эквивалентный ему глагол “*se moquer*” (насмехаться), поэтому в передаче стиля оригинала прослеживается асимметрия, а в планах содержания и выражения – симметрия: глагол передан глаголом на ПЯ. Семантическая замена вызвана отсутствием во французском языке глагола, идентичного глаголу оригинала “*глумиться*”. Осуществленные преобразования соответствуют формуле семь.

Сравнительный анализ показывает, что при переводе текстов с французского языка на русский происходит то же самое языковое явление асимметрии стиля:

Ils n'étaient pas pressés cependant de m'avoir (R. Rolland. Colas Breugnon, 182) – ‘Однако они не так уж торопились меня залучить’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 161).

В рассматриваемом примере план выражения единицы при перекодировке не изменен: стилистически нейтральный глагол “*m'avoir*” передан синонимичным, но стилистически нагруженным глаголом “*залучить*”, что привело к асимметрии стиля изложения. Пример классифицирован в соответствии с формулой восемь проводимого исследования.

Рассмотрим пример симметричной перекодировки единиц оригинала на переводной язык при симметричной передаче стиля:

- *Начисто*, - крикнул Коровьев, и слезы побежали у него из-под пенсне потоками, *начисто!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 195) – ‘- *Ecrabouillé!* Cria Koroviev, et un flot de larmes jaillit sous son lorgnon. – *Ecrabouillé*’ (М. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 180).

В текстах оригинала и перевода рассматриваемая лексема стилистически окрашена: “*начисто*” и “*écrabouillé*” (расквашенный - сленговое выражение), то есть на уровне передачи стиля сохраняется симметрия знаков в ИТ и в ПТ; в содержательном плане единицы сопоставляемых текстов тоже симметричны, так как они являются контекстуальными синонимами. В плане выражения рассматриваемые единицы асимметричны: в тексте оригинала исследуемая лексема яв-

ляется наречием “*начисто*”, а в переводном тексте она выражена формой причастия “*écra bouillé*”.

3. Лексико-семантические преобразования при перекодировке фразеологических оборотов, пословиц и поговорок с исходного языка на переводной

В процессе адаптации оригинальных текстов к восприятию их иноязычными реципиентами переводчики преодолевают ряд проблем, связанных с перекодировкой фразеологических оборотов, пословиц, поговорок, что обусловлено различием традиций двух народов:

Les maisons sur la route baillaient portes ouvertes, au soleil du printemps et au nez des passants (R. Rolland. Colas Breugnon, 42) – ‘Дома вдоль улиц зевали, разинув двери, под солнышком погожим в глаза прохожим’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 39).

В данном примере в содержательной стороне рассматриваемой единицы “*baillaient au nez des passants*” произведена частичная синонимичная замена “*au nez*” (в нос) на контекстуальный синоним “*в глаза*”, так как во французском языке жест проявления пренебрежения, равнодушия связан с “*носом*”, тогда как в традиции русского народа он взаимосвязан с иной частью лица – с глазами. При перекодировке фразеологического оборота текста оригинала на русский язык содержательная сторона и стиль изложения переданы симметрично, план выражения – асимметрично. Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования.

Рассмотрим пример перекодировки стилистически окрашенной единицы, равной по объему одному слову, словосочетанием-поговоркой.

Ego немедленно надо изловить (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 159) – *Il faut immédiatement lui mettre la main au collet* (М. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 233).

Исследуемая стилистически нагруженная языковая единица “*изловить*” не имеет эквивалента во французском языке, поэтому переводчик употребил поговорку “*mettre la main au collet*” для передачи ее содержания на переводной язык. В со-

держательном плане транслема передана симметрично, тогда как в плане выражения она асимметрична: глагол текста оригинала перекодирован в словосочетание в переводном тексте. Поговорка эквивалентно передала содержание оригинала на французский язык, но ее употребление привело к асимметрии плана выражения текста М. Булгакова и переводного варианта. Осуществленные преобразования соответствуют формуле семь проводимого исследования.

Сопоставление текстов показывает, что при переводе пословиц с французского языка на русский прослеживается их замена как стилистически нейтральными, так и стилистически нагруженными словосочетаниями в русском языке. Так, в следующем примере поговорка текста оригинала “*vous mettre à votre place*” (поставить на место) передана в переводном тексте стилистически нейтральным, но контекстуально-синонимичным словосочетанием “*напомнить о ваших обязанностях*”. Асимметрия в передаче стиля изложения единицы текста оригинала в ПТ повлияла на асимметричную передачу плана выражения, тогда как ее содержательная сторона перекодирована симметрично на русский язык. Пример классифицирован в соответствии с формулой семь.

Je vais vous mettre à votre place, Robineau. Si vous êtes las, ce n'est pas à ces hommes de vous soutenir (Saint-Exupéry de. Vol de nuit, 39) – ‘- Я хочу напомнить вам о ваших обязанностях, Робино. Если вы устали, не у этих людей вам искать поддержки’ (С.-Экзюпери. Ночной полет, 110).

При перекодировке пословицы “*mettre à votre place*” явление асимметрии переводимой информации проявляется в ее стилистическом изложении в переводном тексте и в плане выражения единицы, тогда как ее содержательный план передан симметрично с французского языка на русский.

Исследование композиционной структуры текстов оригинала и перевода выявило существование языковых преобразований, идентичных рассмотренным выше путям перекодировки при переводе с русского на французский язык.

– *Пора начинать жизнь, зарабатывать, идти в люди* (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 21). *Il est temps de commencer à vivre: gagner sa vie, être indépendant* (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 32). Пример классифицирован в соответствии с формулой семь.

Словосочетание единиц текста оригинала “идти в люди” имеет следующий смысл в русском языке: “быть независимым”, “освободиться от опеки родителей”, “начать самостоятельную жизнь”, “пробивать себе дорогу”. В переводном тексте переводчиком взят один из перечисленных вариантов “быть независимым” (*être indépendant*). По содержанию данное словосочетание эквивалентно словосочетанию оригинала, то есть в плане содержания оно перекодировано симметрично, тогда как по форме рассматриваемая транслема в оригинале и переводе асимметрична: в оригинале исследуемое словосочетание состоит из глагола, предлога, имени существительного, а в переводном тексте транслема представляет собой сочетание глагола и прилагательного, что соответствует структуре французского языка.

Асимметрия проявляется также на уровне передачи стиля изложение оригинала на французский язык: стилистически нагруженный знак “идти в люди” передан стилистически нейтральным выражением “*être indépendant*”.

4. Лексико-семантические преобразования при явлении метонимичности

Сопоставительные исследования показывают, что при переводе единиц текста оригинала, имеющих оттенок метонимичности, на переводной язык, в плане выражения осуществляются также лексико-семантические преобразования, получившие название “отношения пересечения”. В исследуемом ниже примере количество компонентов единиц текстов оригинала и перевода различно: “*perdre sa voix*” (терять голос: глагол + существительное) и “*онеметь*” (глагол). Содержательный план транслемы, имеющий оттенок метонимичности, передан симметрично с французского языка на русский:

La mienne avait perdu sa voix, qui jamais ne fut belle (R. Rolland. Colas Breugnon, 190) – ‘А мой кошелек и совсем онемел, хоть,

правда, и раньше скверно пел (Р. Роллан. Кола Брюньон, 168).
Пример классифицирован в соответствии с формулой семь.

5. Лексико-семантические замены производятся также при употреблении описательного перевода при перекодировке

Исследования показывают, что лексико-семантические замены производятся также при употреблении описательного способа перевода в процессе перекодировки:

Кот начал шаркать задней лапой, передней и в то же время выдвигая какие-то жесты, свойственные швейцарам, открывающим дверь (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 127) – ‘*Avec révérence et rond de jambe, le chat, de ses pattes de devant, imita les gestes d’un portier ouvrant à eux battants une large porte*’ (М. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, 193).

Сопоставление единиц текстов на французском и русском языках показывает, что при перекодировке рассматриваемой единицы текста оригинала “*avec révérence et rond de jambe*” на ПЯ в ее плане содержания произведена частичная синонимичная замена “*шаркать задней лапой*”, что не изменило смысла выражения в ПТ. Жест, описываемый в оригинале, напоминает собой реверанс, поэтому переводчик употребил эту лексему “*avec révérence et rond de jambe*”, так как глагол “*шаркать*” не имеет эквивалента во французском языке. План выражения словосочетания в переводном тексте асимметричен, так как глагол булгаковского текста “*шаркать*” преобразован Клодом Лини в имя существительное с предлогом “*avec révérence*”, которое поясняется словосочетанием “*rond de jambe*” План содержания единицы и стиль переданы симметрично с французского языка на русский. Рассматриваемый пример преобразований единиц классифицирован в соответствии с формулой два.

6. Чередование симметрии/асимметрии при передаче стилистически окрашенной лексики

Проведенное исследование показало, что при лексико-семантических заменах передача стилистически нагруженной лексики симметрично на переводной язык чередуется с

асимметричной передачей в рамках одного текстового блока, что наблюдается и в следующем примере:

Jusqu'à cette montarde de Glodie, qui me dit: - Tu n'as pas été sage, grand-père, c'est bien fait! Je lui lançai mon bonnet, je criai: - Foutez-moi le camp! (R. Rolland. Colas Breugnon, 194) – *‘Даже плутовка Глоди, и та ведь сказала поди: - Ты плохо вел себя дедушка, поделом тебе! Я швырнул в нее колпаком и крикнул: - Чтоб вам всем провалиться!’* (Р. Роллан. Кола Брюньон, 173).

Следует отметить, что в произведении Р. Роллана часто характеризуется хитрость героев путем употребления сравнительных оборотов, поговорок, содержащих лексику “*montarde*”. Так, в данном примере рассматриваемая единица текста оригинала “*cette montarde*” во французском языке обозначает “*плутовство*”, “*неискренность*” и “*нечестность*”, поэтому она является синонимичной слову “*плутовка*”, которое употреблено М.Лозинским в тексте перевода. Планы содержания и выражения единицы переданы симметрично: исследуемое имя существительное оригинала передано именем существительным в переводном тексте, стиль передан симметрично с французского языка на русский. Осуществленные преобразования при перекодировке единиц классифицированы в соответствии с формулой один.

Следующее в данном контексте выражение “*c'est bien fait*” стилистически нейтрально в тексте оригинала, а в тексте переводе оно становится стилистически окрашенным, то есть, употреблен его разговорный вариант: “*поделом тебе*”. Содержательные планы единиц текста оригинала перевода симметричны, тогда как планы выражения на ИЯ и ПЯ асимметричны. Данное языковое преобразование классифицировано в соответствии с формулой семь.

Дальнейшее сопоставление оригинала и перевода показывает, что словосочетание “*Foutez-moi le camp*” (чихать) является поговоркой и переводится на русский язык словосочетанием: “*чтоб вам всем провалиться*”. Стиль исходного словосочетания передан симметрично, содержание данной транслемы передано симметрично в текст перевода, так как

французскому фразеологизму найден эквивалент в русском языке. План выражения единицы оригинала асимметричен: по набору компонентов словосочетание оригинала неравнозначно словосочетанию текста перевода. Преобразования классифицированы в соответствии с формулой два.

Итак, сравнение текстов оригинала и перевода выявило следующие закономерности лексико-семантических преобразований при адаптации оригинала к восприятию иноязычным реципиентом: 1) семантические преобразования планов содержания и выражения единиц осуществляются как при симметричной, так и асимметричной передаче стиля ИТ в ПТ; 2) явление контрадикторности, отношения тождества более частотны из всех видов лексико-семантических преобразований планов единиц оригинала при эквивалентном переводе.

Таким образом, сопоставительный анализ структуры языковых единиц текста оригинала и переводного текста показывает, что как при симметричной, так и при асимметричной передаче стиля оригинала на ПЯ в плане выражения единицы переводчиком осуществляются следующие преобразования: – транспозиция грамматических категорий, – транспозиция частей речи, – лексико-семантические преобразования, – трансформация форм связи, – актантные трансформации, которые способствуют передаче содержательного плана единиц оригинала в тексте перевода. Преобразования осуществляются в соответствии с формулами два, четыре (схема 15):

В проводимом исследовании сопоставление оригиналов на французском языке и их переводов на русский, а также русских оригинальных текстов и их переводов на французский язык выявляет сочетание *адекватной* и *эквивалентной* передачи исходного текста на переводной язык при симметричной передаче стиля произведения:

- *Mon pauvre ami, tu peux graisser tes bottes, ton histoire est finie, on ne tardera guère* (R. Rolland. Colas Breugnon, 117) – ‘*Мой бедный друг, можешь смазывать сапоги, песенка твоя спета, во всяком случае ждать недолго*’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 100).

В данном примере пословица “*tu peux graisser tes bottes*” переведена адекватно на русский язык “*можешь смазывать сапоги*”. Она симметрична как в передаче стилистической стороны текста оригинала, так и в планах выражения и содержания единиц ИТ в ПТ, что соответствует формуле один при адекватном переводе.

Подчеркнем, М. Лозинский в большинстве случаев находит всевозможные способы для более точной адаптации бессмертного произведения Р. Роллан к восприятию русским читателем.

Следующая рассматриваемая единица предложения оригинала “*ton histoire est finie*” (твоя история завершена) перекодирована эквивалентно на русский язык “*песенка твоя спета*”, где стиль, планы содержания и выражения переданы симметрично. Осуществленная перекодировка классифицирована в соответствии с формулой один языковых преобразований при эквивалентном переводе.

Таким образом, при перекодировке текста оригинала на переводной язык в ряде случаев для симметричной передачи стиля и содержания единиц исходного текста в переводном необходимые языковые преобразования в плане выражения обусловлены различием языковых структур французского и русского народов.

При асимметричной передаче стиля изменение в планах содержания и выражения единиц более частотны.

2.4. Нивелировка и усиление языковых единиц текста в структуре переводческих исканий

В проводимом исследовании рассматривается явление нивелировки и усиления планов содержания и выражения единиц, а также стиля как способа передачи труднопереводимой информации ИТ в ПТ. Сопоставление текстов оригинала и перевода выявило наличие в них разряда единиц, чья содержательная, формальная или стилистическая стороны требуют нивелировки или усиления при перекодировке с исходного языка на переводной.

Анализ экспрессивности единиц предложений текста оригинала на лексическом уровне выявляет три ее разновидности: усиление, номинация, функциональная экспрессивность (Стернин, 1983). Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода выявляет наличие всех видов экспрессивности у языковых единиц одновременно.

Исследование текстов выявило преобладание следующих видов нивелировки при симметричной/асимметричной передаче стиля на ПЯ:

1) симметричная передача стиля при асимметрии структуры планов единицы, а именно: а) нивелировка подлежащего; б) нивелировка сказуемого; в) нивелировка сказуемого и подлежащего; г) нивелировка второстепенных членов предложения;

2) асимметричная передача стиля планов выражения и содержания, а именно: а) актантные трансформации; б) лексико-семантические преобразования; в) нивелировка плана содержания при переводе фразеологических оборотов, словиц, поговорок; г) нивелировка предложений оригинала.

Рассмотрим перечисленные виды преобразований на примерах:

1. Симметричная передача стиля исходного текста в тексте перевода при асимметрии структуры единиц текста оригинала и перевода

А. Нивелировка подлежащего текста оригинала при его переводе:

Различия структуры французского языка и русского приводит к тому, что обязательное сказуемое во французском предложении может исчезнуть при переводе на русский язык, грамматика которого не требует обязательного присутствия сказуемого:

Une fois de plus, j'ai côtoyé une vérité que je n'ai pas comprise (Saint-Exupéry de. *Terre des hommes*, 235) – ‘Снова я коснулся истины и, не поняв, прошел мимо’ (С.-Экзюпери. *Планета людей*, 237).

Пример классифицирован в соответствии с формулой два.

Рассматриваемая фраза текста оригинала требует наличия сказуемого в соответствии с правилами французской грамматики, но при переводе она изменена, как в связи с нивелировкой подлежащего “*je*” в ПТ, так и с заменой простого предложения на деепричастный оборот “*не поняв*” в ПТ. Переводчиком осуществлена трансформация форм связи в предложении на основе явления нивелировки (опущение субъекта, термин В.Г. Гака, 1998), в связи с тем, что синтаксической структуре предложения на русском языке присуще явление *опущение, то есть, неморфологическое указание на лицо* для выражения общего смысла фразы личной или безличной формой глагола. Преобразование не привело к асимметрии содержательного плана единиц на переводном языке.

Б. Нивелировка сказуемого при переводе с французского на русский язык

В ряде случаев в процессе перекодировки переводчик прибегает к нивелировке сказуемого, что может быть обусловлено как законами переводного языка, так и интуитивным решением переводчика:

Il doit approcher de San Antonio, il doit voir ses lumières... (Saint-Exupéry de. *Vol de nuit*, 66) – ‘Он приближается теперь к Сан-Антонио; он уже видит огни...’ (С.-Экзюпери. *Ночной полет*, 131).

В данном примере при перекодировке единицы с французского языка на русский произведена нивелировка ее плана выражения, в результате чего в переводном тексте отсутствует глагол *“devoir”*, что частично изменило смысл фразы на ПЯ. В тексте оригинала на основе употребления рассматриваемой единицы *“il doit approcher”* (он должен приближаться) автором высказывается предположение о возможности действия, тогда как отсутствие лексемы *“doit”* делает фразу на русском языке утвердительной *“он приближается”*. Изменение в плане выражения словосочетания привели к асимметричной передаче плана содержания на ПЯ. Пример классифицирован в соответствии с формулой четыре.

В. Нивелировка подлежащего и сказуемого при переводе фразы на ПЯ

Наряду с нивелировкой одного из главных членов предложения в процессе перекодировки могут быть нивелированы сразу оба главных члена предложения:

Et, arraché au cours de son rêve, il fit un effort pour se réveiller pour montrer son zèle, et il ajouta: - Ah ? Oui? Il n'a pas réussi à passer? (Saint-Exupéry de. Terre des hommes, 103) – *‘Неожиданно вырванный из сна, он с усилием встряхнулся, стараясь показать свой ревностный интерес к службе. - А, что? Ему не удалось пройти’* (С.-Экзюпери. Планета людей, 157).

Языковая единица текста оригинала *“il ajouta”* отсутствует в тексте перевода. Нивелировка плана выражения единицы в данном случае не оказала влияния на содержание всей переводимой фразы и стиль ее изложения в ПТ, так как в русском языке нет необходимости в подробной детализации описания происходящих действий. Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования.

Г. Нивелировка второстепенного члена предложения при его перекодировке единиц ИЯ на ПЯ

Сопоставления текстов выявили наличие нивелировки второстепенного члена предложения при переводе:

...лежавшая на верху Антонина Александровна...свешивала голову с полатей (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 254) – ‘...*Tonia se dressait sur son séant...laissant pendre sa tête*’ (B. Pasternak. Le docteur Jivago, 282).

Исследуемая языковая единица “полати” является лакуной во французском языке, где нет эквивалента рассматриваемой лексеме, поэтому переводчик опустил ее в своем переводе. Содержательный план фразы упрощен в связи с отсутствием знака “полати” ПЯ. Осуществленные преобразования обусловлены различиями языковых форм, отражающих во французском и русском языках культурные особенности, традиции этих двух народов.

Сопоставление текстов оригинала и перевода выявило случаи произвольной нивелировки второстепенного члена предложения при переводе:

Parfois, dans l'après-midi, une femme à visage de fillette, tenant un enfant de quatre ans par la main, venait faire du scandale à sa porte (M. Druon. Volupté d'être. 55) – ‘Иногда к его двери приходила устраивать скандал какая-то женщина, державшая за руку ребенка лет четырех’ (М. Дрюон. Сладострастие бытия, 293).

Языковая единица “*l'après-midi*” отсутствует в тексте на русском языке. Произвольное, не связанное с требованиями переводного языка, упрощение плана выражения транслемы привело к асимметричной передаче плана содержания единицы на ПЯ, то есть читатель переводного текста воспринял информацию с меньшим количеством деталей, чем франкоговорящий читатель. Стиль высказывания оригинала передан симметрично в ПТ, поэтому рассматриваемый пример преобразований классифицирован в соответствии с формулой четыре проводимого исследования.

2) асимметричная передача стиля ИТ в ПТ при асимметрии планов содержания и выражения единицы текста оригинала и перевода:

А. Актантная трансформация плана выражения единицы ИТ в ПТ: взаимозамена подлежащего и вто-

ростепенного члена предложения в процессе перекодировки

При переводе фразеологических оборотов, которыми изобилуют тексты русских писателей, переводчики прибегают к приему трансформаций плана выражения, в частности, к актантным трансформациям.

Кое-кто из повскакавших мужчин, насилу уяснив себе, в чем дело, бросились вдогонку, но зrabителя и след простыл (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 115) – *‘Quelques garçons, qui avaient fini par comprendre de quoi il retournait, sautèrent sur leurs pieds et se lancèrent à sa poursuite, mais le cambrioleur avait disparu’* (B. Pasternak. Le docteur Jivago, 136).

Сопоставление фразеологизма ИТ “зrabителя и след простыл” и его варианта в тексте перевода “*le cambrioleur avait disparu*” выявляет, что для передачи этого словосочетания переводчик осуществил актантную трансформацию в структуре словосочетания: слово “зrabителя” выполняет синтаксическую функцию дополнения в предложении оригинала, а в переводном тексте оно является подлежащим. Преобразования плана выражения, связанные с адаптацией плана содержания к восприятию иноязычного реципиента, привели к необходимости стилистических компенсаций, то есть перераспределений коннотаций между элементами транслемы (см.1.3.2.), так как в тексте оригинала лексема “след” стилистически нагружена, характеризуя глагол “простыл”, а в тексте перевода существительное “зrabитель” приобретает стилистическую окраску. Пример классифицирован в соответствии с формулой семь.

При переводе текста с французского языка на русский просматривается такое же языковое явление преобразования планов языковых единиц:

J'étais assise dans mon bureau de la RKB, aussi nerveuse qu'un chat, fixant le téléphone. Candy était pâle d'émotion (F. Sagan. Le garde du coeur, 46) – *‘Мы сидели в моем кабинете. Я нервно ерзала, не отрывая глаз от телефона. Кенди побледнела от волнения’* (Ф. Саган. Хранитель сердца, 509).

Языковая единица французского текста “*aussi nerveuse qu’un chat*” является поговоркой, тогда как при ее переводе на русский язык стиль текста нивелирован переводчиком: “я нервно ерзала”. План содержания передан асимметрично с ИЯ на ПЯ. Осуществленные преобразования вызваны отсутствием в русском языке эквивалента рассматриваемому выражению оригинала. Пример классифицирован в соответствии с формулой семь проводимого исследования.

Б. Лексико-семантические преобразования плана выражения знака текста оригинала при его перекодировке на ПЯ

Р.Роллан, характеризуя своего непоседливого героя, употребляет в произведении огромное количество дополнительных пояснений, вставок к тому или иному описанию событий. Не смотря на талант М. Лозинского, который блестяще перевел роман “Кола Брюньон”, следует отметить, что в ряде случаев, он допускает неоправданную нивелировку знаков оригинала:

- *Mais oui, ma belle. Ce serait un péché de rester au logis, par ce matin joli* (R. Rolland. Colas Breugnon, 58) – ‘Сдвинусь, красавица. Грех было бы сидеть в такой день дома’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 52).

Рассматриваемое словосочетание “*ce matin joli*” (в это чудесное утро) переведено на русский язык смысловым эквивалентом “*в такой день*”, то есть содержательный план трансформации передан симметрично: слово “*утро*” заменено лексемой ‘*день*’, что сместило время событий, которые описаны в данной части книги. В плане выражения знака также осуществлены следующие преобразования: в тексте оригинала имя прилагательное располагается после имени существительного, тогда как в тексте перевода на русском языке имя прилагательное предшествует имени существительному, так как порядок следования существительного и прилагательного отличается в русском и французском языках, что связано со структурой этих языков.

Стиль изложения информации текста оригинала в процессе перекодировки нивелирован, так как поэтический стиль французской фразы сменился переводчиком на почти нейтральный. При переводе с русского языка на французский также осуществляются лексико-семантические преобразования в плане выражения единиц и стиле изложения:

Обыденщина еще хромала, барахталась, колченого плелась куда-то по старой привычке (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 213) – *La bonne vie bourgeoise boitait, se débattait, se traînait, en titubant Des ornières toutes tracées*’ (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 238-239).

В данном примере транслема объемом в одно слово “обыденщина” при переводе заменяется описательным словосочетанием “*la bonne vie bourgeoise*”, на основе осуществления его лексико-семантических преобразований (отношение тождества), вызванных отсутствием стилистического эквивалента рассматриваемому слову “обыденщина” в языке перевода. В результате осуществленной перекодировки единицы оригинала, план выражения передан асимметрично, так как объем транслемы во французском тексте увеличен. Содержательный план единиц передан симметрично в тексте перевода. Стиль изложения передан асимметрично на французский язык. Пример соответствует формуле семь проводимого исследования.

3. Нивелировка содержательного плана при переводе пословиц, поговорок

Исследования показывают, что при отсутствии эквивалента пословице, употребленной автором в тексте оригинала в языке перевода словосочетание, содержащее данную пословицу, также нивелируется:

Я про Фому, а вы про Ерему. Не клопы, а дрова (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 218) – *‘Je vous parle d’une chose et vous d’une autre. Il s’agit de bois, et de punaises’* (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 243). Пример классифицирован в соответствии с формулой семь.

Смысл пословицы “я вам про Фому, а вы мне про Ерему” понятен всем русскоговорящим читателям, тогда как фран-

пузскому читателю эта фраза не может быть понятна из-за различий в менталитете двух народов, поэтому переводчик употребил синонимичное стилистически нейтральное выражение “*Je vous parle d’une chose et vous d’une autre*”.

Содержательный план единицы оригинала передан симметрично на французский язык путем употребления контекстуальных синонимов, тогда как план выражения и стиль изложения переведены асимметрично в ПТ. Следующая в тексте фраза “*Ne клопы, а дрова*” преобразована переводчиком в соответствии со структурой французского предложения “*Il s’agit de bois et de punaises*”. Предложение оригинала является назывным, тогда как французский язык требует наличия формального подлежащего “*il*”. Преобразования плана выражения связаны также с изменением плана содержания предложения в ПТ, которое поясняет смысл сказанного в предыдущем предложении.

Аналогичное языковое явление прослеживается при переводе поговорки с французского языка на русский:

Enfin, nous arrivâmes (l’on finit toujours par arriver) comme la moutarde après dîner (R. Rolland. Colas Breugnon, 106) – ‘Наконец мы приехали (в конце концов всегда приедешь), хоть и поздновато’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 90).

В данном примере в тексте оригинала понятие “*опоздать*” выражается с помощью поговорки “*la moutarde après dîner*” (горчица после обеда). Это выражение характерно для французского фольклора, но непонятно русскому читателю, поэтому переводчик заменил поговорку выражением “*хоть и поздновато*”, что нивелировало стиль единицы оригинала в переводном тексте (подобные примеры перекодировки содержательного плана с ИЯ на ПЯ смотреть в приложении два). Осуществленные преобразования, обусловленные национальной спецификой двух народов, привели к асимметрии в передаче плана выражения оригинала на русский язык. Пример преобразований классифицирован в соответствии с формулой семь рассматриваемых языковых преобразований.

4) нивелировка предложений оригинала

Сопоставление текстов на французском и русском языках выявляет примеры нивелирования целых предложений:

Иls traversèrent la place: des feuilles de platane étaient collées aux bancs trempés de pluie. Heureusement, les jours avait bien diminué (F. Moriac. Le noeud de vupère, 19) – ‘К счастью, темнело теперь рано’ (Ф. Мориак. Клубок змей, 20).

В тексте перевода отсутствует первое предложение “*Иls traversèrent la place: des feuilles de platane étaient collées aux banc trempés de pluie*”, что ничем не обусловлено и является примером переводческого произвола.

При переводе с русского на французский язык также просматривается явление нивелировки целого предложения:

ИЮти мне было некуда. Еще придут сами ко мне, допрашивать. Утром ждала меня школа (А. Солженицын. Матренин двор, 131) – ‘*Le matin m`attendait l`école*’ (А. Soljénitsyne. La maison de Matriona, 66).

Главный герой произведения А.Солженицына имеет прошлое, о котором не принято было говорить в тот период времени в России. При переводе Леон и Андре Робель нивелировали ряд фраз, касающихся политики, в результате чего это произведение на французском языке утратило остроту переживаний главного героя, что можно расценить как достаточно значимый недостаток переводного текста.

Отметим, что в ходе сопоставительных исследований художественных произведений были сделаны выводы о преднамеренной нивелировке ряда произведений, в частности М. Горького “В людях”. Автор детально описал упадническое состояние населения России в конце девятнадцатого века, тогда как переводчик Жан Лубе представил Россию в “радужном виде” перед французским читателем. В ряде случаев он не перевел части текста объемом в несколько страниц, поэтому создается впечатление, что перед нами предстает иное произведение, а не книга М. Горького в переводе на французский язык.

Таким образом, нивелировка, как один из видов преобразований при перекодировке единиц с исходного языка

на переводной, осуществляется на уровне стиля, планов содержания и выражения знака, что может быть обусловлено как различной структурой языков, так и “переводческим произволом”.

Нивелировка стиля перекодируемых языковых единиц текста оригинала осуществляется чаще всего при наличии безэквивалентной культурологически обусловленной лексики в языке перевода. Процесс стилистической нивелировки единиц ИТ приводит при переводе к асимметрии стиля. При перекодировке план содержания языковых единиц нивелируется за счет упрощения компонентных единиц плана выражения как на уровне структуры предложения, так и на уровне отдельно взятых слов и словосочетаний. В этом случае изменение формы языковой единицы первично, а изменение плана содержания – вторично.

Иной вид нивелировки плана содержания заключается в употреблении стилистически нейтральной лексики в переводном тексте вместо стилистически окрашенной, употребленной в тексте оригинала. В этом случае изменение плана содержания перекодируемых языковых единиц первично, а изменения формы его выражения - вторично. Процесс нивелировки плана содержания перекодируемых лексических единиц возможен на основе явления синонимии языковых единиц. Существование синонимичного ряда языка, где смысл языковых единиц изменяется от нейтрального до экспрессивного, создает условия для подобной замены. Упрощение содержательного плана перекодируемых единиц выражается в снижении экспрессивности слова, что приводит к нивелировке стиля перекодируемого текста.

Процесс нивелировки языковых единиц в плане выражения на уровне структуры предложения выражается в упрощении словосочетаний. Этот процесс основан на переводческом приеме опущения тех или иных структурных звеньев словосочетания, что не нарушает общий смысл перекодируемой фразы в ПТ. Рассматриваемые два вида нивелировки плана содержания за счет замены лексических единиц

и плана выражения как упрощение структуры предложения применимы в тех случаях, когда отсутствует возможность передачи единицы текста оригинала другим способом на язык иной системы. Перекодировка фразеологизмов, пословиц и поговорок, не имеющих эквивалентов в языке перевода, путем употребления стилистически нейтральной лексики, приводит также к нивелированию стиля ИТ в ПТ. Чтобы достичь стилистического соответствия текста оригинала при переводе идиом, поговорок, установившихся выражений, переводчик применяет прием субституции. Он заменяет выражения оригинала устоявшимися в системе языка перевода. Этот прием преобразования осуществляется не на уровне языка, а на уровне стиля.

Таким образом, **явление нивелировки** прослеживается при сопоставлении текстов на французском и русском языках в следующих случаях:

1) при симметричной передаче стиля и асимметричной передаче плана выражения транслемы **нивелируется подлежащее, сказуемое, подлежащее и сказуемое, второстепенные члены предложения;**

2) при асимметричной передаче стиля и асимметричной перекодировке плана выражения **употребляются как актантные трансформации, так и лексико-семантические преобразования;**

3) при асимметрии стиля и плана содержания единиц оригинала и перевода.

Прием усиления или приращения (термин Ковалевой, 2001) планов содержания и выражения при переводе языковых единиц является противоположным по значению языковому процессу нивелировки. Он осуществляется на уровне формы языковых единиц, путем добавления слов, словосочетаний с целью передачи содержания оригинала в доступной иноязычному читателю форме.

В ряде случаев изменения компонентов плана выражения приводят к возникновению асимметрии в его содержательном плане. Процесс усиления планов выражения и со-

держания единиц приводит к асимметрии стиля перекодируемой информации и проявляется в применении стилистически нагруженной лексики вместо стилистически нейтральной лексики оригинала.

Существуют следующие виды приращения: – **уточнение** – передача имплицитного содержания оригинала; – **структурное развертывание** – выражение содержательного плана языковой единицы оригинала двумя единицами перевода в зависимости от стилистических особенностей оригинала; – **логическое развертывание** – выражение значения одной лексической единицы оригинала двумя и более единицами перевода в соответствии со структурой ПЯ; – **интенсификация** – добавление лексической единицы, которая усиливает контекстуальное значение элемента текста; – **трансформационное приращение** в результате применения переводческих трансформаций (Борисова, Мартемьянов, 1999; Ковалева, 2001).

Языковой прием усиления планов содержания и выражения единиц при перекодировке применяется в следующих случаях,

1. **Симметричная перекодировка стиля** информации единиц ИТ в ПТ при асимметричной передаче структуры плана выражения, а именно: а) добавление слова в плане выражения (логическое развертывание); б) отношение внеположенности.

2. Асимметрия стиля при асимметрии структуры единиц, а именно: а) усиление плана выражения; б) усиление плана содержания; в) добавление знака в ПТ.

Итак, рассмотрим перечисленные виды преобразований.

1. **Симметричная перекодировка стиля** информации единиц ИТ в ПТ при асимметричной передаче структуры плана выражения:

А. Добавление слова в плане выражения в переведённом тексте (логическое развертывание)

Указанное явление прослеживается и при переводе следующей части произведения “Кола Брюньон”:

Je ne l'ai jamais dit. Je puis bien le faire maintenant que cela ne sert plus à rien, que j'ai jamais (R. Rolland. Colas Breugnon, 95) – ‘Я никогда этого не говорила. Теперь, когда уже ни к чему, я могу это сделать. Ведь я любила тебя’ (Р. Роллан. Кола Брюньон, 82).

Сравнение языковых единиц выявило, что в тексте перевода в плане выражения добавлено слово “тебя” в соответствии с правилами построения предложения в русском языке, тогда как во французском языке выражение “*C'est moi j'ai jamais*” является самодостаточным. Асимметрия плана выражения единицы не оказала влияния на план содержания и стиль изложения, которые переданы симметрично на русский язык. Пример классифицирован в соответствии с формулой два проводимого исследования.

Б. Отношение внеположенности как один из видов лексико-семантических преобразований плана выражения единиц ИТ в ПТ.

Лексико-семантические преобразования плана выражения единиц при симметричной передаче содержательного плана на ПЯ осуществляются с целью уточнения излагаемой информации оригинала при перекодировке:

Il prit le bras de Thérèse (F. Moriac. Thérèse Desqueiroux, 21) – *Господин Ларок подхватил Терезу под локоть*’ (Ф. Мориака. Тереза Дескейру, 23). При перекодировке рассматриваемого словосочетания “*prit le bras*” в русском языке лексема “*le bras*” заменена словосочетанием “*под локоть*”, которое уточняет описываемые действия в тексте перевода. Употребление одного из видов лексических преобразований, а именно, отношения внеположенности, обусловлено различиями в структуре невербальных кодов общения русских и французов.

Планы выражения и содержание текстов на французском и русском языках асимметричны, тогда как стиль изложения рассматриваемой единицы передан симметрично на

ПЯ. Пример классифицирован в соответствии с формулой четыре проводимого исследования.

2. Асимметричная передача стиля единиц ИТ в ПТ при асимметрии структуры текста оригинала при асимметричной передаче стиля в ПТ (интенсификация)

А. Усиление плана выражения единиц при перекодировке с ИЯ на ПЯ:

Ensuite, il a beaucoup bavardé (А. Camus. L'étranger, 1, 15) – ПТ *пошел трещать*' (А. Камю. Посторонний, 43).

В рассматриваемом примере при перекодировке текста оригинала преобразован его план выражения: в оригинале транслема выражена формой глагола прошедшего времени совершенного вида “*a bavardé*”, тогда как при ее переводе на русский язык переводчиком добавлен глагол “*пошел*” перед инфинитивом глагола “*трещать*”, который синонимичен по содержанию выражению оригинала. Добавление слова “*пошел*” в структуру единицы ПТ характерно для разговорной русской речи и дополняет значение следующего за ним глагола “*трещать*”, как относящегося также разряду разговорной лексики. Употребленный в переводном тексте глагол “*трещать*” (много говорить) стилистически более нагружен, чем глагол в оригинале: “*bavarder*” (болтать), поэтому стиль ИТ и ПТ асимметричен. Пример классифицирован в соответствии с формулой семь проводимого исследования.

Б. Усиление содержательного плана единиц при перекодировке на основе употребления пословиц или фразеологизмов (структурное развертывание)

Часто в поисках оптимальных путей адаптации произведений в процессе перекодировки переводчики прибегают к усилению плана содержания транслем наряду с усилением плана выражения:

Но так как ручку тормоза повернул не кто-нибудь, а именно Григорий Осипович, то выходило, что поезд продолжает стоять так необъяснимо долго по их милости (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 15) – *Mais ce n'était pas Pierre ou Paul, mais bien Grigori Ossipovich qui avait tiré la sonnette d'alarme. Résultat: c'était parce qu'il l'avait bien voulu*

que le train restait arrêté si longtemps sans qu'on sût pourquoi? (В. Pasternak. Le docteur Jivago, 25).

В данном примере нейтральное словосочетание текста оригинала “не кто-нибудь” перекодировано поговоркой “*ce n'était pas Pierre ou Paul*” на французский язык, что привело к асимметрии как стиля (метафоризация), так и плана выражения единицы ИТ в ПТ. Подобраный переводчиком фразеологизм является смысловым эквивалентом к рассматриваемому выражению оригинала. Пример классифицирован в соответствии с формулой семь проводимого исследования.

Сопоставление текстов на французском и русском языках выявляет также усиление плана содержания единиц при переводе на русский язык:

Voions, Thérèse: ne discute pas pour le plaisir de discuter; tous les Juifs se valent... et puis c'est une famille de dégénérés, - tuberculeux jusqu'à la moelle, tout le monde le sait (F. Moriac. Thérèse Desqueiroux, 39) – ‘Послушай, Тереза, ведь ты споришь просто из духа противоречия. Все Евреи – одного поля ягода... Да к тому же все эти Азеведо вырожденцы, все насквозь туберкулезные, каждому это известно’ (Ф. Мориака. Тереза Дескейру, 44). Словосочетание оригинала “*tous les Juifs se valent*” перекодировано асимметрично на русский язык: “*все Евреи – одного поля ягода*”, так как стилистически нейтральная единица оригинала перекодирована поговоркой на ПЯ, что привело к изменению плана выражения единицы в ПТ. Пример классифицирован в соответствии с формулой семь проводимого исследования.

В. Добавление знака в ПТ, равного по объему предложению при переводе с ИЯ на ПЯ

Сопоставление текста оригинала и перевода выявило примеры добавления предложений, несуществующих в оригинале для пояснения содержания оригинала в переводном варианте:

...ensuite on ne peut plus descendre, je reste là à mordre les étoiles
(Saint-Exupéry de. Vol de nuit, 75) – ‘...и потом уже не можешь спуститься – и грызи теперь свои звезды...Но пилот так

изголодался по свету, что устремился вверх к звездам (С.-Экзюпери. Ночной полет, 137).

Предложение “*Но пилот так изголодался по свету, что устремился вверх к звездам*” отсутствует в тексте оригинала.

В данном случае добавление предложения в русском языке, очевидно, вызвано стремлением переводчика уточнить описываемые события, а не следованием законам языка, на который совершается перевод текста. Пример классифицирован в соответствии с формулой пять проводимого исследования.

Итак, сопоставление текстов выявило высокую частотность следующих видов усиления единиц при переводе с ИЯ на ПЯ:

- 1) усиление плана выражения единиц при симметричной и асимметричной передаче плана содержания;
- 2) усиление содержательного плана единиц при асимметричной передаче стиля и плана выражения единиц исходного текста в переведённом тексте.

Таким образом, лингвистический анализ текстов на французском и русском языках показывает, что приемы усиления и нивелировки планов содержания и выражения наряду с адекватным и эквивалентным переводом, способствуют передаче информации текста оригинала в адаптированном для иноязычного реципиента виде как при симметричной, так и асимметричной передаче стиля исходного текста в переводе.

Выводы

Сопоставительный, структурно-функциональный анализ текстов на французском и русском языках выявил ряд закономерностей изменения компонентов переводческого кода. Переводческий код в работе рассматривался как совокупность изменений плана содержания и выражения единиц при переводе с ИЯ на ПЯ при симметричной и асимметричной передаче стиля оригинала на ПЯ. Проведенное во второй главе исследование определило частотность преобразований единиц оригинала в процессе межъязыковой и межкультурной адаптации на ПЯ.

1. Поскольку отправным пунктом исследования являлось понятие симметрии/асимметрии планов языковых единиц при перекодировке, то это позволило рассмотреть пути передачи информации оригинала в тексте перевода, определить основные тенденции преобразований при адаптации текста на переводной язык.

2. Сравнение текстов оригинала и перевода показало, что изменение плана выражения единиц оригинала в переводном тексте является основным условием для передачи плана содержания при симметричной и асимметричной передаче стиля изложения текста на ПЯ.

Исследование явления трансформации лексических и грамматических категорий языковых единиц, транспозиции компонентов плана выражения единиц при адекватном и эквивалентном способах перевода текста выявило следующие основные тенденции процесса перекодировки:

- при адекватном переводе возможна только симметричная передача стиля и плана содержания транслем оригинала на переводной язык и симметричная/асимметричная передача плана выражения. Преобразования компонентов переводческого кода соответствует формулам один и два проведенного исследования;

- асимметричная передача плана выражения единиц в процессе перекодировки осуществляется в ходе трех видов

преобразований. По частотности употребления преобразования плана выражения знака распределяются следующим образом: самый частотный вид – это *актантная трансформация знаков* текста, затем идет - *транспозиция частей речи*, далее - *транспозиция грамматических категорий единиц* оригинала в ПТ. Сопоставительный анализ показал, что переводчики применяют следующие типы трансформации: 1. Транспозиция грамматических категорий. 2. Транспозиция частей речи. 3. Актантные трансформации, а именно: а) взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения; б) введение в предложение фиктивного актанта; в) взаимозамена сказуемого и второстепенного члена предложения.

3. Сопоставление текста оригинала и перевода при эквивалентном способе перекодировки обнаружило:

- симметричную/асимметричную передачу стиля изложения ИТ в ПТ. Анализ путей преобразования компонентов переводческого кода выявил преобладание симметричной передачи стиля и плана содержания и асимметричной передачи плана выражения единиц исходного текста на переводной.

- план содержания текста ИЯ передается в большей степени симметрично на ПЯ и в меньшей степени – асимметрично.

- план выражения единиц оригинала асимметричен плану выражения в ПТ во всех случаях перекодировки. Изменения осуществляются в соответствии с пятью видами языковых преобразований: более частотный вид – *это семантические преобразования*, далее - *актантные трансформации*, затем - *транспозиция форм связи в предложении*, *транспозиция частей речи*, *транспозиция грамматических категорий*.

Семантические преобразования единиц осуществляются в следующих случаях:

- 1) симметричная передача стиля при симметричной перекодировке плана содержания на основе явления контрадикторности в плане выражения:

2) асимметричная передача стиля при симметричной перекодировке плана выражения;

3) семантические замены при переводе фразеологических оборотов, пословиц, поговорок;

4) лексико-семантические преобразования при явлении метонимии; 5) лексико-семантические преобразования при употреблении описательного перевода;

6) лексико-семантические преобразования при передаче стилистически окрашенной лексики.

Преобразования, упомянутые в пп. 3-6 составляют большую часть от всех осуществляемых преобразований при эквивалентном переводе.

Проведенное исследование выявило, что явление контрадикторности, отношения тождества более частотны из всех видов лексико-семантических преобразований планов единиц при эквивалентом переводе.

Преобразования, основанные на актантных трансформациях, проявляются в следующих случаях: 1) взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения; 2) инверсия подлежащего и сказуемого; 3) введение фиктивного актанта.

Сопоставление текстов показало, что при перекодировке осуществляются следующие виды транспозиции частей речи: 1) синтетическая транспозиция при симметричной передаче стиля; 2) синтетическая транспозиция при асимметричной передаче стиля; 3) транспозиция частей речи при переводе фразеологических оборотов; 4) супплетивизм основ.

Структурно-функциональный анализ единиц оригинала и перевода показал, что транспозиция грамматических категорий проявляется при: а) симметричной передаче стиля при изменении планов единиц; б) асимметричной передаче стиля при изменении планов единиц.

4. Сравнительный анализ текстов на французском и русском языках показал, что более частотны случаи нивелировки планов единиц осуществлялись при:

1) симметричной передаче стиля при асимметрии структуры планов единицы, а именно: а) нивелировке подлежащего; б) нивелировке сказуемого; в) нивелировке сказуемого и подлежащего; г) нивелировке второстепенных членов предложения.

2) асимметричной передаче стиля планов выражения и содержания вследствие: а) актантных трансформаций; б) лексико-семантических преобразований; в) нивелировки плана содержания при переводе фразеологических оборотов, пословиц, поговорок; г) нивелировки предложений оригинала.

Явление усиления осуществлялось переводчиками чаще всего при: 1. Симметричной передаче плана содержания и асимметричной передаче плана выражения вследствие: а) добавления слова в плане выражения (логическое развертывание); б) отношения внеположенности.

2. Асимметрия стиля сохранена при асимметрии планов содержания и выражения единиц вследствие: а) усиления плана выражения; б) усиления плана содержания; в) добавления знака в ПТ.

5. Результаты проведенного исследования были представлены в таблицу преобразований компонентов переводческого кода, включающую восемь формул. Эти формулы отражают явления взаимосвязи процесса перекодировки планов содержания и выражения единиц и передачи стиля оригинала в ПТ.

Сопоставление текстов оригинала и перевода показало, что симметричная передача стиля возможна в ходе преобразований в соответствии с формулами 1-4, а асимметричная передача стиля произведения на ПЯ проявляется также по четырем направлениям: формулы 5-8, как при полной симметрии и асимметрии планов языковых единиц оригинала и переводного текста, так и при частичной симметрии/асимметрии планов содержания и выражения единиц (все рассматриваемые примеры перекодировки были классифицированы в соответствии с ними):

$st - S - st^1$	$st - S - st^1$	$st - S - st^1$	$st - S - st^1$
1) $s - S - s^1$	2) $s - S - s^1$	3) $s - A - s^1$	4) $s - A - s^1$
$f - S - f^1$	$f - A - f^1$	$f - S - f^1$	$f - A - f^1$

$st - A - st^1$	$st - A - st^1$	$st - A - st^1$	$st - A - st^1$
5) $s - A - s^1$	6) $s - A - s^1$	7) $s - S - s^1$	8) $s - S - s^1$
$f - A - f^1$	$f - S - f^1$	$f - A - f^1$	$f - S - f^1$

Анализ материала на французском и русском языках выявил низкую частотность преобразований единиц перевода в соответствии с **формулами три – 1,7% и шесть- 0,5 %, восемь-5,4 %**, и высокую частотность преобразований в соответствии с **формулой два- 47,3 %; формулы один-7,2%, пять-13,1 %, семь - 12 %** показали среднюю частотность преобразования единиц из чего можно сделать вывод, что при переводе план содержания в большинстве случаев передается симметрично на ПЯ, исключение составляют фразеологизмы, пословицы, которые перекодируются в основном в соответствии с **формулой четыре** и составляют **12,8 %** от всех рассмотренных примеров. План выражения претерпевает преобразования в связи с различной структурой французского и русского языков.

ГЛАВА III. Сокровищница поэтических текстов в пространстве переводческих преобразований

3.1. Корреляция художественной и национальной языковой картин мира

Картина мира – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном, а также в групповом и индивидуальном сознании (Попова, Стернин 2002: 4).

Национальная картина мира просматривается в едином образии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях и суждениях народа о действительности, в высказываниях, пословицах, поговорках и афоризмах. Национальная картина мира предопределяет смысловую и аксиологическую непрозрачность этноконнотации. В процессе номинации обозначаемый денотат отражается в сознании представителей этногосферы одним из наиболее релевантных признаков, по которому определяется вся совокупность обозначаемого предмета. Таким признаком этноконнотанта, на основе которого осуществляется переосмысление денотативного и квазиденотативного содержания языковой единицы, является образная составляющая.

Существует две картины мира: непосредственная и опосредованная. Этноконнотация представляет собой глубокий уровень многослойной модели понятий культуры с определенной структурой и комбинаторикой признаков содержания этноконнотантов. Возникновение этноконнотации связано с определением степени соотнесенности плана выражения знака с определенным смысловым кодом.

Непосредственная картина мира представляет собой полученное в результате познания сознанием представление об окружающей действительности. Познание в данном случае осуществляется как при помощи органов чувств, так и абстрактного мышления, но эта картина мира не имеет “посредников” и формируется как результат непосредствен-

ного восприятия мира и его осмысления. Непосредственная картина мира зависит от способа и метода, которым она была получена, поэтому картина одной и той же действительности может отличаться и быть рациональной и чувственной или диалектической и метафизической, материалистической и идеалистической или теоретической и эмпирической, научной и наивной, естественнонаучной и религиозной или физической и химической.

Перечисленные типы картины мира являются исторически обусловленными, их содержание зависит от достигнутого уровня познания, и они меняются в зависимости от исторических условий. Примечателен тот факт, что в том или ином обществе может долгое время доминировать какой-либо один из типов картина мира. Непосредственная картина мира связана с мировоззрением, но отличается от последнего тем, что представляет собой содержательное знание, в то время как мировоззрение относится к системе методов познания мира и оно определяет метод познания, а картина мира является результатом этого познания.

Опосредованная картина мира является результатом фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуются, овнешняют существующую в сознании, где отражают непосредственную когнитивную картину мира (Попова, Стернин 2002: 5). К опосредованной картине мира относятся языковая и художественная картины мира.

Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, так как мышление народа не опосредуется его языком, но оно выражается, фиксируется, номинируется языком. По мнению Е.С. Кубряковой, языковая картина мира предполагает установление определенных классификаций всего сущего и создает некие русла, по которым может течь мощный поток человеческих мыслей; фиксирует возможные ракурсы рассмотрения тех или иных сущностей и определяет взгляд на вещи

(Кубрякова 2003: 33). Не знак и не языковая картина определяют сознание человека, а внеязыковая реальность. Важен тот факт, что изначальная детерминированность и мотивированность языка и его языковой картины мира с течением времени исчезает, так как происходит переосмысление многих понятий, что приводит к отставанию языка в категоризации мира, но одновременно языком создаются новые схемы и категории.

В ходе исторического развития народов в их представлении сложились различные национальные языковые картины мира (Апресян, 1995; Комиссаров, 2000; Воркачев, 2001). Репрезентация мира в языке не является механическим, оно носит творческий, в известной степени субъективный характер. Существенным недостатком в изучении компонентов языковой картины мира на современном этапе является ее рассмотрение как *конечного* результата языковой деятельности народа и личности в отдельности, тогда как не вызывает сомнения тот факт, что роль каждодневного языкового творчества, соотношение индивидуального и социального в построении картины мира настолько велика, насколько и не изучена.

Несмотря на то, что языковая картина мира предстает в сознании языковой личности как результат и является совокупностью определенных правил концептуализации и конкретизации мира, унаследованной индивидом вместе с языком, она в то же самое время представляет собой продукт непрерывающейся креативной деятельности каждого говорящего в ходе прямой коммуникации или чтения литературно-художественного текста (при косвенной коммуникации). Степень проявления лингвокреативности на различных участках языковой картины мира кардинально различается, но она до сих пор не рассматривается учеными, так как проблемы языковой картины мира традиционно сводятся только к фундаментальному вопросу о специфике отражения бытия через язык.

Национальная языковая картина мира выступает в качестве проводника в процессе коммуникации личности с окружающей средой. Она является основой личностной самоидентификации и во многом зависит от того, каким образом лингвокультура систематизирует объекты по их месторасположению в системе предметных значений и контекста.

По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом (Касевич 1996, 1997), в результате чего возникают расхождения между архаической семантической системой языка с одной стороны, и актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива с другой стороны, что проявляется в порождаемых коллективом текстах, а также в закономерностях поведения субъектов языковой картины мира.

Структура картины мира, как известно, во многом определена принципом систематизации объектов, ее составляющих, поэтому наблюдение картины мира в динамике является одним из способов ее детального социально-динамического изучения. Социально-динамический подход в исследовании предполагает, что картина мира находится в непрерывном движении. Динамическим фактором является также уровень языковой, культурной компетентности личности, которая отражает картину мира через индивидуальное восприятие и язык.

Языковая картина мира многофункциональна. Она выполняет следующие функции: объяснительная (*explanatory*); оценивающая (*evaluating*); подтверждающая (*validating*) (оправдывающая определенные общественные порядки, уклады и воззрения); усиливающая (*reinforcing*) (психологическая функция, подкрепляющая социально-групповые устои); ин-

тегративная (integtating) (систематизирующая восприятие окружающей действительности); адаптивная (adaptational) (служащая для разрешения конфликтов и ослабления культурологического диссонанса).

И.Г. Ольшанский, напротив, полагает, что все богатство функций можно свести к двум базисам, так как субъективный целостный образ объективной действительности картины мира выполняет в жизни народа и человека две базисные функции: *объяснительную* (интерпретативную) и *регулятивную* (Ольшанский 2003: 34).

Картина мира, представляющая собой знания о мире, основывается на индивидуальном и общественном сознании и совпадает с логическим отражением мира в сознании людей, тогда как язык в этом случае выполняет требования познавательного процесса. Отличия языковых картин мира, возникающих в сознании различных народов, проявляются в особенностях лексической семантики и грамматической структуры национальных языков. При перекодировке художественных текстов переводчик не заменяет одну языковую картину другой, во многих случаях эти картины наслаиваются, совмещаются.

Степень относительности языковой картины мира проявляется в вариативности форм и категоризации системы значений. Компоненты, составляющие данную систему, отражают специфику жизнедеятельности и культуры социальной и национальной общности, описываемой в тексте (Петренко 1997: 34). Языковая картина мира отличается ярко выраженной прагматичностью.

Существует два подхода к пониманию сущности специфики языковой картины мира у разных народов.

- во-первых, между семантическими системами языков нет принципиальной разницы, так как отражение мира базируется на основных логических принципах и категориях;

- во-вторых, принципы и категории универсальны по определению. В пользу постулата об отсутствии принципов

альных различий между семантическими системами языков свидетельствуют следующие положения:

1. Язык объективно отражает мир.
2. Все народы существуют в пространстве единого бытия, образуя единое человечество.
3. Различие между культурами народов, говорящих на разных языках, носит случайный и несущественный характер.
4. Практика перевода показывает, что, несмотря на различия между языками и культурами, информация может быть передана достаточно адекватно.

Сердцевину языкового отражения мира составляют логические категории (Карасик 2002: 118).

Важен тот факт, что языковая картина мира не равна когнитивной, так как последняя намного обширнее.

Описание языковой картины мира, опосредованной языковыми знаками, дает возможность получения представлений о когнитивной картине мира.

Номинативные средства языка. К ним относятся лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы, фиксирующие то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности.

Функциональные средства языка. Эти средства заключаются в отборе лексики и фразеологии для общения, они определяются составом наиболее частотных, то есть коммуникативно-релевантных языковых средств народа на фоне всего набора языковых единиц всей языковой системы.

Образные средства языка. В состав этих средств языка входят национально специфическая образность языка, метафорика, направления развития переносных значений, внутренняя форма языковых единиц.

Фоносемантика языка. Дискурсивные средства как специфические средства и стратегия текстопостроения, аргументация, ведение спора, диалога, построение текстов, особенности стратегии и тактики коммуникативного поведения.

Стратегии оценки и интерпретации языковых высказываний. Исследование системных отношений в языке, изучение его национального семантического пространства является моделированием вторичной, опосредованной, языковой картины мира. Описание языковой картины мира включает в себя: - описание “членения действительности”, отраженной в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических группах и полях); - описание национальной специфики значений языковых единиц (установление различий в сходных значениях в разных языках); - выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; - выявление эндемических (безэквивалентных) единиц в том или ином языке (Попова, Стернин 2002: 7).

Таким образом, изучение языковой картины мира, оставаясь в рамках описательной системной лингвистики, может способствовать изучению первичной картины мира.

Отметим, что **художественная картина мира** – это вторичная опосредованная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения и создается языковыми средствами, отражая при этом индивидуальную картину в сознании писателя.

Художественный текст как форма реализации художественной картины мира связан с языковой картиной мира, которая формируется под влиянием сложных когнитивных структур народа, т.е. художественная картина мира коррелирует с национальной языковой картиной мира того или иного этноса. Художественная картина мира проявляется: - в отборе элементов содержания художественного произведения; - в отборе используемых языковых средств, тематических групп языковых единиц; - в индивидуальном использовании языковых средств. Язык в данном случае выступает средством создания вторичной картины мира, в которой отображается национальная языковая картина мира, являющаяся вторичной (Попова, Стернин 2002: 8).

Основной задачей художественного перевода как компонента художественной картины мира является передача образа персонажей произведения, языковые личности которых имеют совершенно различные типажи, поэтому языковая личность переводчика должна обладать таким основным свойством, как гибкость.

Гибкость – это способность индивида к использованию различных речевых стратегий для достижения своих коммуникативных целей (Шевченко 2003: 101).

Существует закон художественного перевода, который был окончательно компактно сформулирован Ю.М. Марчук: **“перевод не должен быть лучше оригинала”** (Марчук 1985: 70). Иначе это уже не перевод, а иное произведение, которое не может быть исследовано по законам изучения переводного текста.

Художественная картина мира находит свое отражение в различных стилях и жанрах художественной литературы, которые появляются, развиваются, достигают пика своего развития, иногда исчезают в процессе развития языка и культуры того или иного народа. Так, французские эпические тексты как один из компонентов французской языковой картины мира, прошли определенный путь развития, что сформировало основные характеристики этого жанра французской литературы, которые отличают ее от русской. К примеру, прямая речь в старофранцузских эпических поэмах является практически единственным способом передачи высказываний действующих лиц, тогда как количество косвенной речи составляет в среднем 1 % от общего числа примеров прямой речи. Тяготение к обилию прямой речи в эпических текстах объясняется тем, что автор стремится к созданию исторического правдоподобия. Исследования показывают, что внутри диалогов прослеживается устойчивая связь между разновидностью речевого акта и определенной синтаксической моделью.

Таким образом, в процессе развития художественности эпических поэм создаются эпические клеше, помимо тради-

ционно выделяемых лексических формул, связанных с типовыми ситуациями. Так, обещания и клятвы в составе эпических текстов эмоционально окрашены, синтаксически они реализуются в **уступительных, в условных и темпоральных конструкциях**. Эти логические связки могут быть выражены как с помощью второстепенного члена предложения, так и с помощью придаточного предложения.

Монологи в эпических текстах не выражаются с помощью каких-либо синтаксических конструкций и подразделяются на несколько видов, характеризующихся **пространственностью**, при которой монологи, которые передают информацию, находятся за пределами сюжетного времени. Они представляют собой вспомогательный прием повествования, позволяющий варьировать временную перспективу. Более того, существуют монологи-плачи, в состав которых входят лирические тексты (Сабанеева 1999: 164).

Различие в законах построения эпических текстов, а также поэтических текстов, как более общего понятия, наглядно просматривается при переводе поэм и стихотворений как с французского языка на русский, так и с русского языка на французский, в частности перевод стихотворения Б. Пастернака “Сказка”, перевод стихотворений И.А. Бунина на французский язык наглядно иллюстрирует все попытки переводчиков приблизить стили стихотворного изложения с целью адаптации содержания и формы оригинала, что, к сожалению, не всегда возможно.

Таким образом, создаваемая языковая модель мира, представляющая собой субъективный образ мира, включает в себе черты человеческой способности к миропостижению, то есть имеет свойства антропоцентризма, который и пронизывает весь языковой состав того или иного языка.

3.2. Россия в произведениях И.А. Бунина

Иван Алексеевич Бунин, замечательный поэт, прозаик, классик русской литературы, был мастером изобразительного слова. Он выработал свой неповторимый стиль подачи

материала в русле прочных классических традиций и стал признанным мастером пейзажной лирики. Но в дореволюционной критике о И.А. Бунине отзываются как о “певце оскудения и запустения дворянских гнезд, усадебной печали, осеннего увядания”. Это мнение не совсем точно, о чем свидетельствуют его многочисленные лирико-психологические произведения. 33 года И.А. Бунин был вынужден провести во Франции, но всеми мыслями и всей душой он всегда стремился на Родину, поэтому тема далекой милой, но недосягаемой Родины прослеживается во многих его прозаических и поэтических произведениях:

*Дымится поле, рассвет белеет,
В степи туманной кричат орлы,
И дико-звонок их плач голодный
Среди холодной плывущей мглы.*
/ Дымится поле, рассвет белеет, 23 /.

3.2.1. Бунинские картины природы в оригинале и переводе

И.А. Бунин с любовью и трепетом во многих стихотворениях и прозаических произведениях пишет о Родине. Исследования его поэзии на французском языке показывают, что, к сожалению, не во всех случаях бунинские чарующие строки переданы в полном объеме на французский язык, то есть отсутствует соответствие планов содержания и выражения единиц оригинала и текста перевода.

Сопоставительный анализ способов перекодировки произведений И.А. Бунина на французский язык показал наличие адекватного и эквивалентного способов перевода текстов, а также выявил нивелировку планов знака, применяемую переводчиком при передаче смысла безэквивалентной лексики текста оригинала на французский язык.

Соотношение частотности применения тех или иных способов перекодировки показывает, что крайне редко просматривается явление **адекватности** планов содержания и выражения при переводе.

К примеру:

Зыбь облаков и мелка и нежна.

Возле луны голубая она

/ Первый соловей, 43 /.

Рассматриваемое словосочетание “зыбь облаков” перекодировано симметрично в плане содержания и выражения: ‘*boule de nuages*’ (зыбь облаков), тогда как большая часть бунинской лексики, описывающей картины русской природы, переведена путем употребления приема **ЭКВИВАЛЕНТНОГО ПЕРЕВОДА**, что способствует более полной адаптации всех аспектов бунинского стихотворного стиля.

К примеру:

Ночь печальна, как мечты мои,

Далеко в глухой степи широкой

Огонек мерцает одинокий...

/ Ручей, 24 /.

Стихотворение повествует об одиночестве человека. Яркий образ глухой степи, изображенный в стихотворении, способствует формированию описательной характеристики одинокого человека. Однако, словосочетание оригинала “*глухая степь*” переведено как ‘*steppe déserte*’ – пустынная степь, что является примером полного эквивалента в плане выражения знака, так как лексема “степь” транслитерирована, имя прилагательное “*глухая*” перекодировано именем прилагательным ‘*déserte*’ – пустынная, тогда как план содержания транслемы передан не в полном объеме на переводной язык.

Русская степь не бывает и не может быть пустынной. И.А. Бунин, употребив прилагательное “*глухая*”, говорит о “*дикой степи*”, которая простирается по югу России на сотни верст, а никак не о пустыне. В данном случае в процессе перевода была искажена картина русской природы.

Приведем другой пример эквивалентного перевода единицы так же из стихотворения “Ручей”. В данном случае прослеживается асимметрия плана выражения и симметрия плана содержания единицы оригинала и перевода:

И примет светлую струю,

Под вольной ширью небосклона...

/ Ручей, 24 /.

Рассматриваемый знак оригинала "...под...ширью небосклона...", характеризующий бесконечность бытия, перекодирован единицей: '*sous un horizon sans fin*', что переводится как 'под горизонтом, небосклоном без конца (бесконечным)'. В данном случае асимметрия знаков проявляется только в применении лексемы '*un horizon*' с предлогом '*sans fin*' в переводном тексте, которая эквивалентна единице "*ширь*".

В ряде случаев при переводе стихотворений И.А. Бунина различие грамматической структуры русского языка и французского приводит к тому, что переводчик вынужден применять различные виды лексико-семантических преобразований при адаптации смысловой композиции стихотворения к восприятию ее франкоговорящим читателем. Так, приведем пример употребления **транспозиции части речи** при переводе стихотворения "Ручей":

...В безбрежность синюю свою,

В свое торжественное лоно.

/ Ручей, 24 /.

Словосочетание "*безбрежность синяя*" переведено как '*le bleu infini (de la mer)*'. Сопоставление показывает, что в процессе перевода имя существительное оригинала "*безбрежность*" передано эквивалентом '*бесконечная*', который является именем прилагательным в тексте перевода, имя прилагательное "*синяя*" перекодировано также именем прилагательным: '*le bleu*' – синий. Применение приема транспозиции части речи способствовало передаче плана содержания единицы перевода на ПЯ. Изучение способов перекодировки бунинских строк, содержащих описание природы, выявляет наличие **актантных трансформаций** плана выражения знака, а именно взаимозамену главного и второстепенного члена предложения при переводе.

В стихотворении "Песня" И.А. Бунин пишет:

Зацвела на воле

В поле бирюза.

/ Песня, 36 /.

Великолепие русской природы, бунинское трепетное к ней отношение заключается в словосочетании оригинала “зацвела... в поле бирюзы”, которое перекодировано как: *‘le champ érapoui se colora en turquoise’*. Адаптация чарующей картины, изображенной в стихотворении, потребовала в дальнейшем от переводчика поисков дополнительных способов передачи содержания, и он дает пояснение: *‘il s’agit de l’éclosion des fleurs de la lin don’t la couleur rappelled celle de la turquoise’*.

В тексте оригинала лексема “бирюза” играет роль подлежащего, тогда как в переводном тексте акценты смещены, и читатель на французском языке воспринимает картину несколько иначе: *‘поле расцвело цветом бирюзы’*. Изменение плана выражения знака не оказало существенного влияния на передачу плана содержания, который симметричен исходному варианту, но исчезло поэтическое описание картины природы, изображенной И.А. Буниным в его стихотворении на русском языке.

Дальнейшее сопоставление текстов на русском языке и французском показывает наличие **трансформации форм связи в предложении** при переводе стихотворения “В открытом море”:

В открытом море ветер гонит

То свет, то тень – и в облака

Сквозит лазурь...

/ В открытом море, 30-31/.

Романтическое описание морского пейзажа, бесконечности мира, природы, отраженное И.А. Буниным в своем стихотворении, потребовало от переводчика дополнительных усилий для его адаптации к восприятию французским читателем. Так, словосочетание оригинала “и в облака сквозит лазурь” передано следующим переводным вариантом, который является частичным эквивалентом к оригиналу: *‘l’azur de ciel apparaît dans les nuages’* (лазурь неба показывается в облаках). Данный пример перекодировки находится на границе адекватного и эквивалентного способа перевода, тогда как в сле-

дующем случае при передаче описания неба в марте (стихотворение “Мы рядом шли”) переводчику пришлось употребить как прием трансформации форм связи в предложении, так и транспозиции частей речи и грамматической категории в рамках одного словосочетания:

Белели стужей облака

Сквозь сад, где падали капли.

/ Мы рядом шли, 46 /.

Чарующее описание природы, отраженное в языке предложением “белели стужей облака” переведено на французский язык как *‘les nuages froids se détachaient en blanc’* (холодные облака выделялись белым). В процессе перевода глагол оригинала “белеть” заменен единицей ‘en blanc’, которая является именем прилагательным с предлогом, имя существительное текста оригинала “стужа” переведено именем прилагательным во множественном числе ‘froids’, то есть переводчик употребил прием транспозиции части речи, что привело одновременно и к транспозиции грамматической категории единицы: единственное число на множественное.

Переводчик бунинских строк в ряде случаев также прибегает к приему **стилистической нивелировки** планов знака, что не всегда оправдано, так как подбор стилистически нейтральных эквивалентов не всегда обусловлен различием в структурах французского языка и русского:

На сырой, литой песок в алее

Льют березы трепетную тень

/ Первая любовь, 29 /.

Береза издавна является символом России, поэтому не случайно ее столь бережное описание И.А. Буниным. Поэт подбирает возможно единственно верное словосочетание, которое может передать всю тихую, но могущественную красоту березы: “*льют березы трепетную тень*”. Транслема оригинала переведена как *‘les bouleaux jettent une ombre vacillante’* (березы отбрасывают мерцающую тень), что исказило в переводном стихотворении отношение русской души к березе.

Во французском языке есть лексема “*verser*” - ‘*лить*’, но употребление этой лексемы не помогло переводчику передать план содержания оригинала, поэтому переводчик заменил ее единицей ‘*jeter*’, которая лишь частично передает поэзию бунинского стихотворения. Единица “трепетная” также перекодирована не точно, так как лексема ‘*vacillante*’ – *мерцающая* - не эквивалентна понятию “трепетная”.

Наряду с нивелировкой плана содержания знаков, в которых заключается описание природы в летний день, изображенное в предыдущем стихотворении, переводчик нивелирует также и следующие чарующие строки И.А. Бунина “*снегом все запушено*”, которые передают красоту русской зимы:

Утром тихо, радостно и молодо.

Белым снегом все запушено...

/ На окне, серебряном от инея, 31 /.

Сопоставление текстов стихотворений на французском языке и русском показывает, что словосочетание “*снегом все запушено*” переведено совершенно нейтральным словосочетанием: ‘*tout est couvert de neige*’ - все покрыто снегом.

Во Франции, где снег довольно редкое природное явление, у людей едва ли может возникнуть в сознании картина природы, где все запушено свежавывавшим снегом, именно запушено, а не покрыто, но переводчик адаптирует эту картину к понятию франкоговорящего читателя и употребляет выражение ‘*tout est couvert de neige*’. Во французском языке есть выражение эквивалентное понятию “*пушинка*” - ‘*flocon de duvet*’. Это словосочетание можно было бы использовать в тексте перевода, но переводчик подобрал другой вариант, обусловленный как различием восприятия снега французами и русскими, так и ритмическим рисунком переводного стихотворения.

Исследования текстов выявляют частое **увеличение объема знака** при переводе бунинских строк. Так, в следующем примере из рассмотренного выше стихотворения “На окне, серебряном от инея” глагол оригинала “*золотиться*” передан описательным словосочетанием ‘*jette des reflets d’or*’,

что увеличило объем знака переводного текста по сравнению с оригиналом:

Всходит солнце, бодрое от холода,

Золотится отблеском окно...

/ На окне, серебряном от инея, 31/.

Транслема “*золотится отблеском окно*” перекодирована стилистически нейтральным выражением, обедняющим картину оригинала: ‘*la fenêtre jette des reflets d’or*’ (окно бросает отблески золота). Но в ряде случаев, в отличие от рассмотренного выше примера увеличения объема знака при перекодировке единицы перевода, передача сообщения оригинала в тексте перевода осуществляется путем **уменьшения объема** плана выражения знака:

Таит, сияет луна в облаках,

Яблоня в белых кудрявых цветах.

/ Первый соловей, 43 /.

Предложение оригинала “*яблоня в белых кудрявых цветах*” переведено словосочетанием: ‘*rotmier en fleur*’ - яблоня в цветах. Замена предложения словосочетанием, вызванная стремлением сохранить ритмический рисунок стихотворения, нивелировала содержание оригинала. Переводчик был вынужден в дальнейшем пояснить: ‘*comme s’il était couvert de boucles blanches*’, что частично восстанавливает утраченное во французском варианте обаяние бунинских строк.

К сожалению, при переводе стихотворений И.А. Бунина в ряде случаев переводчиком допускается некая беспечность при перекодировке, то есть в переводном варианте стихотворения просматривается **“произвольный перевод”**. К примеру:

Но был еще блаженно пуст

Тот дивный мир, где шли мы рядом

/ Мы рядом шли, 46 /.

Словосочетание текста оригинала “*дивный мир*” переведено как ‘*monde mystérieux*’. Известно, лексема “*дивный*” имеет эквивалент во французском языке ‘*merveilleux*’, тогда как переводчик употребил в процессе перекодировки единицу

'mystérieux' - *'таинственный, загадочный'*, что не может восприниматься как эквивалент к слову *"дивный"*.

Иное словосочетание рассматриваемого стихотворения *"блаженно пуст"* переведено транслемой *'merveilleusement vide'*, что так же не является эквивалентом к исходному варианту. Лексема *'merveilleusement'*, как один из компонентов словосочетания, переводится: *'удивительно, дивно, чудесно, превосходно, замечательно'*, тогда как во французском языке есть лексема *'béatement'*, то есть *"блаженно"* и именно она могла быть употреблена в переводном варианте, но сохранение рифмы переводного стихотворения потребовало от переводчика употребления иного, неэквивалентного исходной единице слова.

При перекодировке стихотворения *"Раскрылось небо голубое"* в словосочетании *"блаженная тоска"* компонент *"блаженная"* переводится на французский язык как *"bienheureux"*, хотя эта лексема в переводе на русский язык обозначает *'удовлетворенный'*. Но это понятие удовлетворения нельзя сочетать с лексемой *"тоска"*! Во французском языке существует иное слово - *'béatitude'*, переводимое как *'блаженное состояние'*, и оно эквивалентно перекодированному выражению *"блаженная тоска"*, которое передает настроение человека в апрельский день:

*Сухие листья, запах пряный,
Атласный блеск березняка...
О миг счастливый, миг обманный,
Стократ блаженная тоска!
/ Раскрылось небо голубое, 27 /.*

При переводе стихотворения И.А. Бунина о цели бытия, о смысле жизни, к сожалению, находим также показательный пример *"произвола переводчика"*:

*Ручей среди сухих песков...
Куда спешит и убегает?
Зачем меж скупных берегов
Так стойко путь свой пролагает?
/ Ручей, 24 /.*

Словосочетание “*исхудалые берега*” перекодировано на французский язык как “*rives dénudées*” (обнаженные реки), что нарушает восприятие картины природы, изображенной в бунинском стихотворении, так же, как и в следующем четверостишье, относящемся к той группе стихотворений, которые действительно характеризуют И.А. Бунина его как певца запустения:

*Поблекший дол под старыми платанами,
Иссохшие источники и рвы
Усеяны лиловыми тюльпанами
И золотом листвы.
/ Прощание, 37 /.*

Словосочетание “*поблекший дол*” перекодировано как “*vallée décolorée*” - бесцветная долина. Единица “дол обозначает низ, нижний край или бок; низменность, межгорье, природная впадина различного вида на земле, долина, дол на юго-западе – это яма, ров, могила” (Даль 1999, Т. 1: 439). Во французском языке существует эквивалент лексеме “*дол*” - “*val*”, но переводчик искажил описываемую в стихотворении действительность.

В ряде случаев поиски оптимальных путей передачи информации оригинала приводят к сочетанию нескольких способов перекодировки в одном четверостишье. Это направлено на более полную передачу плана содержания оригинала, его композиционного рисунка на переводной язык, что, к сожалению, не всегда возможно.

Так, в следующем словосочетании из стихотворения “Родник” переводчик употребил прием транспозиции части речи, увеличение объема знака за счет применения описательного выражения и прием стилистической нивелировки знака:

*В глуши лесной, в глуши зеленой,
Всегда тенистой и сырой,
В крутом овраге под горой
Бьет из камней родник студеный.
/ Родник, 28 /.*

Транслема “в глуши лесной” перекодирована устоявшимся выражением французского языка ‘*dans le fin fond de la forêt*’, где лексема “лесная”, являющаяся именем прилагательным в оригинальном тексте, на русском языке заменена именем существительным: ‘*la forêt*’ – лес, что способствовало передаче смысла выражения “в глуши лесной”. Лексема “крутой” передана на французский язык описательным выражением ‘*à versant raides*’, где ‘*versant*’ это “склон, косогор” ‘*raides*’ – “крутой, когда говорят о горе”.

В структуру транслемы было добавлено дополнительное слово, что не оказало существенного влияния на план содержания оригинала, но его употребление было вызвано стремлением переводчика сохранить ритмический рисунок стихотворения. Лексема “студеный” была перекодирована разговорным выражением ‘*froid*’, что стилистически нивелировало знак оригинала.

Среди незабываемых бунинских строк о России находим замечательный пример описания природы, а именно употребление лексемы “ветроград”, чье значение утрачено для современного русского человека, и перевод которого также вызывает затруднения:

Останется хоть память вместе с ним

Об этом светлом ветрограде

С травой хрустящей серебром

/ Щеглы, их звон, стеклянный, неживой, 50-51 /.

Лексема “ветроград” перекодирована на французский язык как ‘*jardin*’.

В словаре В.И. Даля находим массу слов с корнем - ветер -, но лексемы “ветроград” там нет: а) ветрогар - загар на лице, на руках, обветрение тела на воздухе; б) ветрогон – гонка, ветреник, вертопрах, человек-ветер, а также колесо в коробке, или иной снаряд, служащий для прогона воздуха, ветра; ветрогонный, гонящий ветер, воздух; относящийся до ветрогона, в обоих значениях; в) ветродуй в тверской и таганрогской губерниях - треножник, тренога, для варки пицци в поле; г) ветродырый - худой, дырявый, сквозной, щели-

стый, продуваемый ветром; д) ветрожег, ветрожиг, ветрогар, загар; е) ветрожелклый, ветроблеклый, пожелклый от ветра, зноя; ж) ветролет - бойер, буер, парусное судно на коньках; з) ветромер анемометр, снаряд для измерения силы ветра и т.д. (Даль 1999, Т. 1: 398).

Таким образом, неповторимое многообразие стиля стихотворений И.А. Бунина вызывает множество сложностей при переводе на французский язык. Переводчик вынужден прибегнуть к таким видам лексико-семантических преобразований плана выражения знака оригинала как транспозиция грамматических категорий, транспозиция частей речи, трансформация форм связи в предложении, актантные трансформации, что вызвано различием структуры французского и русского языка, а также различиями в восприятии картин природы французским и русским человеком.

3.2.2. Быт русского народа в стихотворениях И.А. Бунина

Родина воспевается И.А. Буниным не только в описании природы России, но и в характеристике **быта** ее народа, но лексемы, отражающие все аспекты быта в языке, вызывают трудности при переводе, так как в большинстве случаев они относятся к группе безэквивалентной лексики:

В верхних стеклах – небо ярко синее

И застреха в снеговой пыли

/ На окне, серебряном от инея, 31 /.

Это стихотворение уже цитировалось выше при иллюстрации приема нивелировки, как отрицательного явления процесса передачи плана содержания текста, приводящего к асимметрии в его восприятии русским читателем и французским. Лексема оригинала “*застреха*”, дающая характеристику быта русского народа, а именно, описывающая его жилье, перекодирована симметрично в плане содержания, но асимметрично в плане выражения, так как словосочетание ‘*un bout du toit*’, эквивалентное рассматриваемой лексеме, является знаком, большим по объему, чем исходный вариант.

В стихотворении “Вечер” И.А. Бунин пишет:

*День вечереет, небо опустело,
Гул молотилки слышен на гумне...
/ Вечер, 38 /.*

Русский народ на протяжении всей истории своего существования очень много трудился и трудится, поэтому в своем стихотворении “Вечер” И.А. Бунин, размышляя о счастье, подчеркивает, что оно может быть во всем, в том числе и в шуме молотилки на гумне:

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем,
А счастье всюду...*

Лексема “гумно” переводится как ‘*aire d’égrenage des céréales*’. Во французском языке слово “*aire*” обозначает ‘гумно’, но переводчик уточнил в перекодированном тексте ‘гумно для вымолачивания злаков’, что является неоправданным увеличением объема знака, не оказывающим влияния на план содержания.

Наряду с описанием жизни простого народа И.А. Бунин раскрывает перед нами картины дворянского быта. В стихотворении “Дядька” И.А. Бунин описывает уклад жизни дворянской семьи:

*Как тих и скучен дом! Как съезжился снегирь
От тужи за окном. – Но вот слуга. Шаги.
/ Дядька, 40-41 /.*

Название стихотворения требует пояснения для франкоговорящего читателя, не знакомого с российским укладом жизни, так как лексема “дядька” не понятна для француза. В процессе адаптации плана содержания к его восприятию читателем стихотворения в тексте дается сноска: дядька - ‘*domestique attaché à la personne d’un garçon dans les familles nobles*’ По словарю В.И. Даля “Дядька, приставленный для ухода или надзора за ребенком, пестун; к каждому рекруту в полку также приставляют дядьку, из старых солдат” (Даль, 1999, Т. 1: 512).

В фольклоре русского народа существовали пословицы о дядьке, роль которого в воспитании дворянских сыновей была весьма значима: “У кого есть дядька, у того цело

дитятко”. “Каковы где дядьки, таковы и дитятки”. “Бог батька, Государь дядька!” В этом же стихотворении употребляется лексема “*барчук*”, которая при переводе становится лакуной:

*Смутясь, глядит барчук на строгие очки,
На седину бровей, на розовую плешь...*
/ Дядька, 40-41 /.

Переводчик подбирает лакуне “*барчук*” эквивалент *‘jeune monsieur’*, асимметричный в плане выражения, так как увеличен объем знака от одного слова до двух. По словарю В.И. Даля: “Барчонок, барчук барча, барчата, малолетний барич” (Даль, 1999, Т. 1: 49).

В русском языке существуют пословицы, отражающие отношение народа к барчукам: “Не так барин, как барчата надоедают”. “Барчонок горя не вкусит, пока своя вошь не укусит”. Лексема “*барчук*” является гипонимом по отношению к ее переводному варианту *‘jeune monsieur’*, так как понятие “*барчук*” обязательно соотносится с молодым человеком, тогда как не каждый молодой человек в обязательном порядке должен быть барчуком. Характеристику быта среднего класса России XIX-XX веков дает и стихотворение “По течению”, где И.А. Бунин пишет:

*Девушка зонтик раскрыла
И прилегла в челноке.*
/ По течению, 44 /.

Лексема “*челнок*” перекодирована единицей *‘barque’* – лодка, что является частичным эквивалентом, так как не совсем точно передает план содержания. В словаре В.И. Даля находим, что “челн, челнок, челночок, челнишка, челница – это лодочка однодеревка, долбушка, долбанец” (Даль, 1999, Т. 4: 587).

Слово “челнок” является также гипонимом по отношению к слову “*лодка*”, так как челн – это обязательно лодка, но не каждая лодка является челном. И.А. Бунина волновала Россия, ее судьба, что находило постоянное отражение в различных стихотворных образах. Так, в стихотворении

“Свет незакатный” поэт касается вечных истин в жизни человека, которые составляют его бытие, а значит и сущность судьбы нашей Родины:

*В мире круга земного
Настоящего дня,
Молодого, бывшего
Нет давно и меня!*

/ Свет незакатный, 52 /.

Далее в стихотворении И.А. Бунин повествует:

*Не плита, не распяты –
Преодо мной до сих пор...*

Лексема этого стихотворения “распяты” перекодирована на французский язык адекватно ‘*crucifiés*’, а далее в стихотворении поэт упоминает о Евангельской притче о блудном сыне:

*Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
“Был ли счастлив ты в жизни земной?”*

Единица перевода “блудный сын” подробно объяснена переводчиком в сноске ‘*enfant prodigue, une des paraboles de l’Evangile où un jeune homme abandonne la maison de son père, mais lorsqu’il revient chez lui dans la misère son père lui accorde son pardon*’. И далее в стихотворении повествуется поэтом:

*И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.
/ Свет незакатный, 52 /.*

Словосочетание “к милостивым коленям припав” также поясняется переводчиком ‘*étomber aux pieds. Il s’agit du moment de retour de l’enfant prodigue et de sa rencontre avec son père*’.

Человек – это странник в мире, ищущий и не находящий то, что ему необходимо, стремящийся и не достигающий своей цели, заблуждающийся и кающийся – об этом все стихотворения И.А. Бунина:

*У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому.*

/ У птицы есть гнездо, 56 /.

Единственно верная “путница” человека в его странствиях – это ветхая котомка, знающая все секреты странствий своего хозяина:

*Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхую котомкой!*

/ У птицы есть гнездо, 56 /.

Переводчик не просто перекодирует лексему “котомка” словом ‘besace’, но раскрывает перед читателем ту смысловую нагрузку, которую несет в себе это выражение в стихотворении И.А. Бунина - ‘besace usée symbolisant la nostalgie de Bouinine’, характеризующее странствия поэта, которые пришлось ему вынести в своей жизни.

Завершить небольшой экскурс в поэзию И.А. Бунина хотелось бы небольшим четверостишьем без комментариев и сопоставительного анализа русского и французского варианта текстов, ибо даже самый искусный переводчик не воспроизведет атмосферы бунинской поэзии на переводной язык:

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем,
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сажаем
И чистый воздух, льющийся в окно.*
/ Вечер, 38 /

3.3. “Сказка” Б.Пастернака под пером Анри Бейля

Б. Пастернак – это художник всеобъемлюще положительного мировосприятия, который говорит о символической сущности всякого исследования при обращении к всеобщему историческому, мировому (Альфонсов 1990: 27, 157). Поэзия Б. Пастернака – это поэзия дорог и разворачивающегося пространства. В ней “пахнет сырой резедой горизонта”, в ней, по мнению В. Альфонсова, всегда присутствует понятие дали, которая зовет за собой:

Светел свод полдневный,   Midi. La tendresse

Б. Пастернак почти не писал пейзажных стихотворений, но всегда ценил независимость мысли от ритмического влияния. В. Альфонсов, изучавший творчество Б. Пастернака, полагает, что метафорическая пастернаковская система является одним из величайших поэтических находок века.

На уровне поэтики, по его мнению, писатель наследует некоторые свойства символизма, но по-своему соприкасается с сущностными сторонами внутренней концепции мировосприятия поэтов-символистов. В известный роман “Доктор Живаго” вошли все стихотворения писателя, написанные им в период создания романа (1946-1955 гг.), но это не говорит о том, что они были созданы именно для этого романа. Напротив, некоторые из них отражают конкретные события жизни писателя и появились намного раньше, чем создан роман, но, тем не менее, они соединены внутренней связью с романом, существуя в той атмосфере, которая царилла в душе писателя при создании книги.

В шестнадцатой главе произведения “Доктор Живаго” Б. Пастернак описывает работу Юрия Андреевича над лирическим изложением легенды о Егории Храбром, которая получила название “Сказка”. Б. Пастернак представляет ее, как религиозные сказания русского народа. Доктор Живаго слышит, как спотыкается иноходец в одной из баллад Шопена. Святой Георгий Победоносец скачет по степи по бескрайним просторам. Б. Пастернак включил эту поэму в составе с двумя другими в цикл “Колыбельные песни” в первой рукописи своего произведения.

Сказка завершилась колыбельной песнью, которая по сюжету пелась правнучке. Это произведение переведено на французский язык Анри Абрилем.

Сопоставительный анализ стихотворения “Сказка” Бориса Пастернака и ‘Conte’ Henri Abril позволил рассмотреть ряд ключевых вопросов по способам перекодировки компонентов переводческого кода и выявить основные закономер-

ности адаптированной передачи информации оригинала на переводной язык (схема 16):

3.3.1. Особенности композиционного рисунка стихотворения “Сказка” и “Conte”

Поэзия многосложна и неповторима, загадочна и притягательна. Поэты имеют колоссальный набор средств, позволяющий завораживать читателя, удерживать его в царстве рифмы.

Композиционный рисунок произведения Б. Пастернака таков, что стихотворение по смыслу разделено на две час-

ти, в которых описание нескольких действующих лиц, а именно конного, красавицы, дракона и собирательного образа народа, позволяет провести размышления о вечных истинах бытия.

Первая часть стихотворения событийная, и способы перекодировки ее информации будут детально рассмотрены в пунктах **3.3.2.- 3.3.7.**, а вторая часть – это описание вечности в бытие человека:

<i>Но сердца их бьются.</i>	<i>Leur coeur bat toujours.</i>
<i>То она, то он</i>	<i>D`un effort énorme,</i>
<i>Сияются очнутся</i>	<i>Eux deux tour à tour</i>
<i>И впадают в сон.</i>	<i>S` éveillent, s` endorment.</i>

Для того, чтобы подчеркнуть это ощущение вечности, непрекращающийся круговорот событий бытия Б. Пастернак использует стилистический прием недосказанности, незавершенности событий:

<i>И копьё для боя</i>	<i>Alors s`est lancé</i>
<i>Взял наперевес.</i>	<i>Au combat mortel.</i>

Пастернаковская фраза “копьё для боя взял наперевес”, придающая некую незавершенность описания событий перекодирована на французский язык как *‘s`est lancé au combat mortel’* - бросился в смертельный бой. Фраза переводного текста представляет собой результат в отличие от оригинального повествования. Это несоответствие приводит к асимметрии плана содержания фразы текста перевода и оригинала.

Более того, лексема рассматриваемого словосочетания “копьё”, которая придает оттенок легенды излагаемым событиям, так же отсутствует во французском варианте стихотворения, хотя в языке перевода есть эквивалент слову “копьё” - *‘la lance’*. Примечателен тот факт, что единица *‘la lance’* созвучна употребленному в тексте перевода глаголу *‘s`est lancé’* – бросился, но такое созвучие не является основанием для замены компонентов плана выражения текста.

Отсутствие лексем-историзма “копьё” обедняет план содержания стихотворения на французском языке, тогда как четверостишьем позже другая историческая лексема “шлем”

перекодирована переводчиком как ‘*heume*’ (шлем), что является ее полным эквивалентом:

Конный в шлеме битом, Heume renversé...,

Словосочетание “конный в шлеме битом” отражает авторское повествование о том, что битва завершена весьма плачевно как для храбреца, так и для дракона.

Начало второй части стихотворения на русском языке – это назывные предложения:

<i>Сомкнутые веки.</i>	<i>Closes les paupières.</i>
<i>Выси. Облака.</i>	<i>Les nues. Et le ciel.</i>
<i>Воды. Броды. Реки.</i>	<i>Les gués. Les rivières.</i>
<i>Годы и века.</i>	<i>Les ans et les siècles.</i>

Нельзя не отметить поразительное созвучие эквивалентных лексем на русском языке: “веки” - “реки” и на французском: ‘*les paupières*’ (веки) - ‘*les rivières*’ (реки). Подобное созвучие обусловлено общностью происхождения русского и французского языков.

Далее в структуре стихотворении Б. Пастернака не употреблено ни одного глагола в течение шести четверостиший! Да, действительно в тексте на русском языке повествование ведется без глаголов, тогда как присутствие глаголов во французском переводном варианте произведения разрушило композиционный рисунок оригинального текста при его переводе.

К примеру,	
<i>То в избытке счастья</i>	<i>De bonheur alors</i>
<i>Слезы в три ручья,</i>	<i>Les larmes ruissellent,</i>
<i>То душа во власти</i>	<i>Et puis l'âme implire</i>
<i>Сна и забытья.</i>	<i>L'oubli, le sommeil.</i>

Более того, фраза “слезы в три ручья” нивелирована в переводном тексте за счет употребления глагола ‘*les larmes ruissellent*’ (слезы струятся), так же как и словосочетание “то недвижность жил” в последующем четверостишье перекодировано как ‘*les forces reviennent*’ - силы возвращаются

<i>То возврат здоровья,</i>	<i>Tantôt la santé,</i>
<i>То недвижность жил</i>	<i>Les forces reviennent</i>

*От потери крови
И упадка сил.*

*Tantôt sont figées,
Exsangues, les veines.*

Антонимичный перевод как один из типов лексико-семантических преобразований плана выражения знака при переводе, в отличие от приведенных примеров во второй главе, где он играет положительную роль как компонент процесса перекодировки, не только разрушает композиционный рисунок стихотворения Б. Пастернака, но и изменяет содержание повествования: неподвижность героя перекодирована как возврат сил, что вызывает удивление.

Подчеркнём, что в ряде случаев при перекодировке назывных предложений русского языка употребление глагола в переводном тексте обусловлено грамматической системой французского языка:

*В обмороке конный,
Дева в столбняке.
Кто она? Царевна?*

*L'homme est évanoui,
La belle est muette.
Est-elle princesse?*

Структура русских предложений “в обмороке конный”, “дева в столбняке” не требует присутствия глагола, тогда как в соответствии с правилами французской грамматики в предложении обязательно должен быть глагол ‘*la belle est muette*’. Предложение ‘*l'homme est évanoui*’ в отличие от оригинала представляет собой изложение информации в прошедшем времени, а именно в ***passé composé***.

Исследование текстов на французском и русском языках выявляет несоответствие времени повествования, как в первой, так и во второй части стихотворения; либо в стихотворении на русском языке события еще не совершились, а во французском переводном варианте уже виден результат, либо наоборот, пастернаковские строки говорят о результате действий героев, а информация перевода только о моменте их совершения.

Так, в следующем примере у Бориса Пастернака всадник уже повержен, тогда как всадник Анри Абриля падает в момент описания событий:

Конный в шлеме сбитом,

Heaume renversé,

*Сшибленный в бою.
Верный конь, копытом
Топчущий змею.*

*Le cavalier tombe.
Son brave coursier
Piétine le monstre.*

...и далее читаем в тексте оригинала и перевода о конечном результате битвы:

*Конь и труп дракона
Рядом на песке.*

*Et le dragon gît -
Morte enfin la bête.*

Необходимо констатировать, что, к сожалению, неоправданное искажение композиционного рисунка стихотворения Б. Пастернака, нарушает стиль произведения, отдаленно напоминающий русские былины, но ведь во французском языке существует огромное количество эпических текстов, и переводчик мог бы воспользоваться именно их стилем изложения при переводе стихотворения “Сказка”.

3.3.2. Искажение эмоционального тона изложения стихотворения при переводе

Великолепное и загадочное начало стихотворения: “*Встарь, во время оно*” завораживает читателя, вводит его в иной картинный мир событий, созданный необычайно восторженным повествовательным стилем Б. Пастернака.

“**Во время оно**” – такими словами начинается чтение Евангелия во время Богослужений, в течение многих веков, звучащее в Православных храмах на святой Руси:

*Встарь, во время оно,
В сказочном краю*

*Au pays de rêve,
Il y a longtemps*

С самых первых строчек Б. Пастернак задает высокий эмоциональный тон изложения, который, к сожалению, не удалось передать в тексте перевода на французский язык. Сопоставление текстов произведения “Сказка” на французском и русском языке показывает, что уже с первых фраз разрушается та чарующая сказочная благодать старины, которую удалось Б. Пастернаку воссоздать в своем стихотворении, написанном в середине XX века. Фраза “*Il y a longtemps*”, которая переводится как ‘очень давно’ не может воспроизвести для французского читателя поэзии того вре-

мени, воспринимаемой современным человеком, прочитывающим строки Б. Пастернака в оригинале.

Отметим, что существует еще одна немаловажная деталь, которая способствует разрушению пастернаковской атмосферы описания сюжета, а именно – употребление глаголов в настоящем времени в большинстве случаев в переводном тексте, в отличие от прошедшего времени глаголов текста оригинала, то есть переводчик применил прием транспозиции грамматической категории, а именно категории времени глагола.

Проведенный подсчет выявил удивительные факты: в первой части стихотворения на русском языке употреблено 27 глаголов в форме прошедшего времени, 1 глагол - в форме инфинитива и 2 глагола - в повелительном наклонении, из них на французский язык переведено 11 глаголов в форме прошедшего времени, 4 глагола – в форме инфинитива и 14 глаголов – в форме настоящего времени!

Во второй части стихотворения на русском языке Б. Пастернак в восьми четверостишьях употребил всего лишь 3 глагола в форме настоящего времени, тогда как во второй части переводного текста Анри Абриля встречается 9 глаголов настоящего времени и 3 глагола - в форме прошедшего времени.

Сравнение первой и второй части стихотворения также выявляет неравное количество глаголов в оригинале и тексте перевода, более того кардинально разнится время повествования в стихотворении Б. Пастернака: в I части – прошедшее время, а во II часть – настоящее время, тогда как у Анри Абриля в I части текста – почти равное соотношение глаголов настоящего и прошлого времени повествования и во II части – преобладание глаголов настоящего времени. На основе приведенных данных можно констатировать об изменении динамики изложения произведения при его переводе на французский язык.

Дальнейшие исследования показывают, что в ряде предположений переводного текста совершенно отсутствует

глагол как грамматическая категория, подчеркивающая характер совершения действий, хотя в оригинале за счет перечня глаголов движения привлекается внимание читателя к сложности описываемого пути: **повернул, въехал, миновал, перешел:**

<i>Повернул с кургана,</i>	<i>Après la montagne,</i>
<i>Въехал в суходол,</i>	<i>Un vallon sans eau,</i>
<i>Миновал поляну,</i>	<i>Puis une campagne,</i>
<i>Гору перешел.</i>	<i>Un mont de nouveau.</i>

Таким образом, в процессе перекодировки, в результате замены времени глагольных форм оригинала в переводном тексте, был нарушен эмоциональный тон стихотворения Б. Пастернака.

3.3.3. Способы отражения чувств героя в тексте оригинала и перевода

Герой “Сказки” Б. Пастернака неспокоен во время своего трудного и опасного пути, тогда как всадник Анри Абриля несколько иначе переживает этот момент своей жизни:

<i>Ныло ретивое,</i>	<i>Un pressentiment</i>
<i>На сердце скребло:</i>	<i>Etreignit son coeur:</i>
<i>Бойся водопоя,</i>	<i>Sangle ton pur-sang,</i>
<i>Подтяни седло.</i>	<i>Et s'il boit-maleur.</i>

Сравним выражение оригинала “*на сердце скребло*” и его переводной вариант: “*un pressentiment etreignit son coeur*” - предчувствие сжимало его сердце. Не стоит задавать вопрос, заведомо зная на него ответ, но, тем не менее, обратим внимание на различие в подаче сообщения Б. Пастернаком и Анри Абрилем: где больший накал? Где больше отражена тревожность обстановки? Нет никаких сомнений, конечно же, в тексте Б. Пастернака! Поэтому естественно воспринимается дальнейшее повеление – “*бойся водопоя, подтяни седло*”. Подтянуть седло - является едва ли не самым ответственным действием конного, которому предстоит совершить долгий путь без остановок и промедлений.

Сопоставительный анализ показывает, то повелительное наклонение рассматриваемой единицы текста оригинала заменено условным в переводном тексте, а план содержания знака, в отличие от оригинала, передается именем существительным, выражающим предупреждение: *‘Sangle ton pur-sang, Et s’il boit-maleur’*, а не глаголом. *‘La peine perdue!’* – напрасный труд, подчеркивает Анри Абриль, говоря о результате предупреждения конного, тогда как Б. Пастернак по-отечески повествует далее: “не послушал конный”:

<i>Не послушал конный</i>	<i>Mais peine perdue!</i>
<i>И во весь опор</i>	<i>Et de s’élancer</i>
<i>Залетел с разгону</i>	<i>À bride abattue</i>
<i>На лесной бугор</i>	<i>Sur le mont boisé.</i>

И далее по тексту вновь видим, что автор повторяет свою отеческую речь, выражающую мысль об опасности, но она не передана на французский язык в полном объеме:

<i>И глухой к призыву,</i>	<i>Étouffée la voix</i>
<i>И не вняв чутью,</i>	<i>Au fond de son coeur,</i>
<i>Вышел на звериный</i>	<i>Des traces de bêtes</i>
<i>След и водопой.</i>	<i>Allant s’abreuver.</i>

Далее видим ответную реакцию конного на услышанный призыв о помощи, выраженную глаголом прошедшего времени в тексте оригинала и перекодированную глаголом настоящего времени в переводном тексте:

<i>И тогда оврагом,</i>	<i>Frémissant, le gars</i>
<i>Вздрыгнув, напрямик</i>	<i>Est resté en selle</i>
<i>Тронул конный шагом</i>	<i>Et va vers les bois</i>
<i>На призывный крик.</i>	<i>Où un cri le hèle</i>

Всадник “вздрыгнул” не потому, что он боялся чего-либо, а потому, что он продолжил путь, спеша на помощь, что не соответствует причастию *‘frémissant’* – трепещущий, дрожащий. Пастернаковский конный “тронул шагом”, а всадник Анри Абриля просто на просто *‘va vers les bois’* – поехал к лесу.

Таким образом, Б. Пастернак с большей точностью передал эмоциональное состояние человека, спешащего на

помощь, в момент опасности, угрожающей другому человеку, чем это удалось Анри Абрилю при подборе эквивалентных выражений и лексем.

3.3.4. Лексические эквиваленты при переводе стихотворения

Рассматривая тему соответствия/несоответствия стихотворений в оригинале и переводе нельзя не коснуться вопроса частотности удачных лексических эквивалентов, подобранных в процессе перевода. Так следует отметить, что во многих четверостишиях на французском языке переводчиком неоправданно изменена картина, описанная Б.Пастернаком в его “Сказке”:

<i>Повернул с кургана,</i>	<i>Après la montagne,</i>
<i>Въехал в суходол,</i>	<i>Un vallon sans eau,</i>
<i>Миновал поляну,</i>	<i>Puis une campagne,</i>
<i>Гору перешел.</i>	<i>Un mont de nouveau.</i>

Так, лексема “курган”, чье смысловое поле не понятно франкоговорящему читателю, так упоминаемый предмет степного пейзажа, действительности, далекой от восприятия француза, обозначает “*татарском холм, горку; насыпной холм, древнюю могилу, могилица*” (Даль, 1999, Т. 2: 221). Рассматриваемая транслема переводится как ‘*la montagne*’ (гора), что искажает действительность, так как верхом на коне невозможно въехать на гору!

Всадник Б. Пастернака переходит гору, но позже по пути своего следования и одиножды, а всадник Анри Абриля преодолевает ‘*le mont de nouveau*’ – лесистую гору дважды, поочередно встречающуюся на его пути. Всадник Б. Пастернака въезжает в суходол, то есть лощину, долину без воды; низы, сухменное угорье (Даль, 1999, Т. 4: 367), а всадник Анри Абриля оказывается в ‘*vallon sans eau*’ – в небольшой долине, ложбинке без воды. Лексема, выбранная Анри Абрилем в качестве эквивалента единице оригинала, является пословным переводом определения понятия “суходол”, но только увеличение объема знака оригинала, предпринятое перево-

дчиком, частично приближает план содержания лексемы переводного текста к оригиналу, что обусловлено тем, что во французском языке отсутствует идентичный по объему знак, который был бы эквивалентом лексеме “*суходол*”. И, что более всего поражает в картине пути конного героя стихотворения, созданной Анри Абрилем при переводе, так это замена лексемы оригинала “поляна” на слово ‘*sapragne*’ (поле, равнина), что никаким образом не может быть приравнено к ее первоначальному варианту в тексте оригинала.

Таким образом, путь всадника Анри Абриля существенно отличается от пути пастернаковского конного, который ехал по: **кургану, суходолу, поляне** (а значит, всадник ехал и по лесу, в котором находилась поляна), **горе**, то есть в своем произведении Б. Пастернак изобразил русский пейзаж, тогда как в переводном тексте явно просматривается юго-восточный французский пейзаж: **гора, затем долина, равнина, вновь гора**. Анри Абриль искажил картину пути, по которому следовал пастернаковский герой стихотворения.

Описывая события далее Б. Пастернак повествует: “*залетел с разгону на лесной бугор*”, что переведено на французский как ‘*Sur le mont boisé*’. Известно, что ‘*le mont*’ - это ‘*гора лесистая*’, но Анри Абриль дополняет еще раз план содержания лексемы словом ‘*boisé - лесистая*’ для ритмического созвучия, но в результате такого дополнения происходит перенасыщение информацией сообщения.

В рассматриваемом словосочетании есть лексема “бугор, бугорчик, бугорок, бугорочек, которая обозначает умалительно, бугорище, бугрище - всякое отлогое возвышение, возвышенность, горб, холм, курган; куча. Бугор, на земле, менее холма: сурочий, кротовий бугор, а также в Астраханской губернии всякое возвышение в степях, холм, горка” (Даль, 1999, Т. 1: 135) перекодирована переводчиком как ‘*le mont*’, что продолжает ряд лексических несоответствий оригинального текста и переводного, возникших в связи с от-

существованием эквивалентов наименованиям таких природных понятий как: *гора - le mont, бугор - le mont, курган - la montagne*.

Далее в тексте мы видим, что конный Б. Пастернака “*И забрел в ложбину и лесной тропой...*”, что перекодировано совершенно неадекватно - ‘*Et il vit paraître au bout d’un sentier*’ – он *показался на краю тропы*. В переводном варианте текста отсутствует лексема “ложбина, которая обозначает долину, некрутой раздол, балку, широкий овраг, ущелье, обыкновенно травное; низменность, окруженную уступами, склон в одну сторону, в тверской губернии употребляется вместо слова луг” (Даль, 1999, Т. 2: 262). Но во французском языке есть словосочетание: ‘*dépression du terrain*’, которое переводится как ‘ложбина’. Это выражение больше по объему по сравнению с лексемой “ложбина”, которой подобран эквивалент в тексте стихотворения на французском языке: ‘*vallon*’. Напомним, что эта транслема упоминалась чуть выше в стихотворении вместо единицы “*суходол*”.

В последующих четверостишьях наблюдается также отсутствие эквивалентов ряду лексем исходного текста. К примеру, пастернаковский всадник “...*Свел коня с обрыва попить к ручью*”, что переводится на французский язык как ‘*À l’eau il mena le cheval sur l’heure*’, то есть единица перевода “обрыв” отсутствует в переводном варианте текста.

Дальнейшее исследование показывает, что лексема оригинального текста “княжна”, являясь лакуной, отсутствует в переводном тексте:

<i>Кто она? Царевна?</i>	<i>Est-elle princesse?</i>
<i>Дочь земли? Княжна?</i>	<i>Fille de la terre?</i>

Хотя в другой части стихотворения переводчик путем употребления приема транслитерации лексемы-лакуны, характеризующей климатическую зону юга России, передал картину текста оригинала. Так, лексема “степь” транслитерирована - ‘*la steppe*’, в связи с тем, что такая природно-климатическая зона существует только в России. Но другой компонент рассматриваемого выражения “*степью по ревью*”, которое характеризует окружающую картину неприветливо-

сти природы и трудности пути, а именно “*no pенью*”, отсутствует в переводном варианте стихотворения:

<i>Пробирался конный</i>	<i>Un gars dans la steppe</i>
<i>Степью по пенью</i>	<i>Allait galopant.</i>

Пастернаковский конный **пробирался**, а всадник Анри Абриля ‘*Allait galopant*’ - **мчался галопом!** В этом же четверостишье лексема “конный” перекодирована как ‘gars’, что является разговорным выражением в значении ‘парень’, ‘молодец’.

<i>Он спешил на сечу,</i>	<i>Il ralliait ses frères,</i>
<i>А в степной пыли</i>	<i>Mais un grand bois sombre</i>
<i>Темный лес навстречу.</i>	<i>Né de la poussière</i>
<i>Вырастал вдали.</i>	<i>Vint à sa rencontre.</i>

Б. Пастернак пишет о герое своего произведения: “Он спешил на сечу”, то есть рубиться, биться, драться на саблях, мечами, сражаться (Даль, 1999, Т. 4: 179). Из истории хорошо известно, что в более позднее время по сравнению со временем, когда происходили описываемые в стихотворении события, существовала Запорожская Сеча. Сеча воспринималась в прежние времена как рукопашный бой, битва, или сражение холодным оружием. Существовала кровавая сеча.

Анри Абриль изменяет повествование: ‘*Il ralliait ses frères*’, то есть всадник спешил воссоединиться с братьями. Переводчик не указывает причину, повод такого воссоединения, что делает сюжетную линию стихотворения на французском языке более размытой.

Таким образом, сопоставление текстов стихотворения на русском языке и французском выявляет низкую частотность удачных переводческих решений по подбору лексических эквивалентов.

3.3.5. Введение фиктивного актанта в предложение

Исследования структуры переводного текста стихотворения также выявили иной переводческий прием, употребленный в процессе адаптации оригинала, а именно **введе-**

ние фиктивного актанта “П”, в переводное предложение:

<i>И в дыму багровом,</i>	<i>Dans la fume pourpre</i>
<i>Застилавшем взор,</i>	<i>Il ne voit plus rien.</i>
<i>Отдаленным зовом</i>	<i>Soudain il écoute</i>
<i>Огласился бор.</i>	<i>Un appel lointain.</i>

Итак, в исходном тексте действующим лицом является дым, застилающий все вокруг, тогда как в переводном тексте на первый план выходит всадник, то есть в процессе перевода, произошло перераспределение акцентов в структуре предложения посредством употребления фиктивного актанта “П”. Произошло изменение стиля повествования, так как глагол “оглашать” стилистически не эквивалентен глаголу ‘écouter’.

В переводном тексте человек выступает на первое место как действующее лицо, что также разрушает атмосферу таинственности пастернаковского стихотворения. Более того, далее по тексту оригинала бор становится следующим действующим лицом (явление метонимии), но при перекодировке транслемы это подлежащее отсутствует в переводном тексте.

Исчезновение слова “бор” в переводном варианте приводит к искажению смысловой картины оригинала, так как по словарю В.И. Даля “Бор - красный или хвойный лес; строевой сосновый или еловый лес по сухой почве, по возвышенности; преснина, чистый мендовый сосняк, по супеси; хвойник с ягодными кустами и грибами. На Севере бор - это сушь, суходол, противоположность - тундра, болото, поймы. В Архангельской, Новгородской землях - могильник, кладбище, божья нивка, потому что там для кладбищ выбирается суходол, либо пригорье. На борке, по новгород-валдайски значит на кладбище” (Даль, 1999, Т. 1: 114).

В переводном тексте описание места событий размыто. В.И. Даль отмечает, что “бор – это кладбище”, значит “бор” (Даль, 1999) в представлении первоначально славян, а затем у русского народа, но уже в меньшей степени – это уже заве-

домо место погребения, поэтому автор и выбрал место действия в бору, а не где-нибудь в ином месте. Но в переводном тексте эта информация выражена только в следующем словосочетании: *'Et va vers les bois'*, где лексема “бор” заменена словом *'les bois'* - *леса*, что также обеднило текст на французском языке по сравнению с текстом на русском языке. Об особом отношении русского народа к бору говорит и наличие большого количества пословиц и поговорок о нем: “От искры сыр бор загорался”. “Баба по бору ходила, трои лапти износила (долго)”. “Чужая душа - дремучий бор”. “Блаженный не с борка, а с топорка”. “Всякая сосна своему бору шумит (своему лесу весть подает)”. “Сыр-бор загорелся, беда, шум из пустого”.

Таким образом, введение фиктивного агтанта в предложение на французском языке, в отличие от примеров, рассмотренных во второй главе монографии, не было обусловлено строгими требованиями правил французской грамматики и оказало отрицательное влияние на передачу сюжетной линии и композиции оригинала при перекодировке плана выражения на переводной язык.

3.3.6. Трансформация детализации сообщения в процессе перевода

Б. Пастернак в стихотворении подробно описывает то, что увидел всадник, встретившись с драконом, а именно **голову, хвост, чешую**. Такая детализация способствует подчеркиванию остроты описываемого момента, а также указывает на то, что дракон не видит конного и поэтому у последнего есть возможность детально рассмотреть своего будущего противника, тогда как в переводном тексте дракон движется вперед: *'Un dragon s`avance'*:

*И увидел конный,
И прыгнул к копыту,
Голову дракона,
Хвост и чешую.*

*Bientôt il empoigne
Fermement sa lance:
Tout couvert d`écailles
Un dragon s`avance.*

В следующем четверостишье на русском языке продолжается детализация внешнего образа животного, которого всадник продолжает рассматривать: “обмотав хребет”, но лексема “хребет” отсутствует в переводном тексте:

<i>Пламени из зева</i>	<i>En crachant des flammes</i>
<i>Рассеивал он свет,</i>	<i>D`où la clarté coule.</i>
<i>В три кольца вокруг девы</i>	<i>Autour d`une femme</i>
<i>Обмотав хребет.</i>	<i>Trois anneaux s`enroulent.</i>

Б. Пастернак подробно характеризует внешний облик чудища и в следующем четверостишье, тогда как в тексте Анри Абриля отсутствуют переводные варианты лексеме оригинала “туловище”:

<i>Туловище змея,</i>	<i>Et toujours plus près</i>
<i>Как концом бича,</i>	<i>De sa blonde tête,</i>
<i>Поводило шеей</i>	<i>Tourne comme un fouet</i>
<i>У ее плеча.</i>	<i>Le cou de la bête...</i>

Таким образом, яркая картина описания дракона, созданная Б. Пастернаком: **туловище, чешуя, голова, шея, хребет, хвост**, обедняется в переводном варианте, где присутствуют только лексемы ‘*écailles*’ – **чешуя** и ‘*le cou*’ – **шея**.

Следует отметить также наличие различных наименований дракона в тексте на русском и французском языках: “дракона” – ‘*un dragon*’, “змея” – ‘*le dragon*’, “чудище” – ‘*le monster*’, “змея” – ‘нет варианта’ в одном случае, но далее по тексту видим эквивалент ‘*le monstre*’.

В дальнейшем картина текстов оригинала перевода так же разнится:

<i>Змей обвил ей руку</i>	<i>Le dragon déjà,</i>
<i>И оплел гортань,</i>	<i>Enlaçant la gorge,</i>
<i>Получив на муку</i>	<i>Goûtait de sa proie</i>
<i>В жертву эту дань.</i>	<i>La souffrance proche.</i>

Б. Пастернак детально описывает, какие муки претерпевала жертва: “Змей обвил ей руку, оплел гортань”, но в переводном тексте Анри Абриль сохранил только часть картины: ‘*Enlaçant la gorge*’ – обвив горло.

На фоне всех несоответствий и потери смысловой нагрузки фраз оригинала при переводе отрядно видать адекватность передачи ряда нюансов описанных в оригинале событий. Так в сравнительном обороте в словосочетании “*Как концом бича*” лексема “бич”, которая обозначает “кнут, плеть, вить, пуга, ременница, погонялка; арапник. Обычно бичом называют длинный кнут на долгом кнutowище, при езде цугом, бочкой и гусем; в Сибири всякий кнут для езды называют бичом. На юге, короткое звено цепа, било, битчик, типок” (Даль, 1999, Т. 1: 90) переведена на французский язык словом ‘*un fouet*’, что обозначает бич, исключением является одна деталь: в русском варианте змей “поводил шеей как концом бича”, и именно концом бича, тогда как во французском варианте описания событий этого уточнения нет.

Исследование также выявляет, что Анри Абриль в ряде случаев уточняет причины происходящих событий в отличие от Б. Пастернака: “*Отдавал*” переведено как ‘*Offrait... pour vivre*’ – ‘предлагали, чтобы жить’:

<i>Той страны обычай</i>	<i>Ce pays, pour vivre,</i>
<i>Пленницу-красу</i>	<i>Offrait comme proie</i>
<i>Отдавал в добычу</i>	<i>De belles captives</i>
<i>Чудищу в лесу.</i>	<i>Au monstre des bois.</i>

Сопоставление текстов также выявляет наличие смысловых контекстуальных синонимов: так “добыча” в одном из четверостиший переводится как ‘*comme proie*’, тогда как в последующем повествовании единица перевода “*proie*” употребима для перекодировки лексемы “дань”:

<i>В жертву эту дань</i>	<i>Goutait de sa proie</i>
--------------------------	----------------------------

Но смысловой синоним слову “дань” или “пеня” русского текста во французском тексте не получил никакого словесного отражения.

В ряде случаев в процессе адаптации плана содержания оригинала переводчик вынужден увеличивать объем знака от одной лексемы до нескольких. Так глагол “*выкупал*” перекодирован пояснительным словосочетанием:

‘*Et rien d'autre à faire*’ – ‘и ничего другого не оставалось’:

*Края населенье
Хижины свои
Выкупало пеней
Этой от змеи.*

*Tel était l'usage,
Et rien d'autre à faire
Pour que les villages
Sauvent leurs chaumières.*

В этом же четверостишье лексема “хижина”, которая обозначает “лачугу, избенку, убогий кров; хижку, в Сибири палаш в лесу; а на юге России - чулан сбоку сеней, клеть; хижку, на Дону - отдельную кухоньку, нередко землянку” (Даль, 1999, Т. 4: 547), также не перекодирована и является лакуной. Следовательно, примеры сопоставления единиц оригинала и перевода показали высокую частотность необоснованного нарушения детализации изображаемых событий, что обедняет текст стихотворения на французском языке.

3.3.7. Стилистическая нивелировка языковых единиц поэтического пространства

Различие традиций французского и русского народов, разница в восприятии окружающего мира приводит к тому, что в ряде случаев переводчик вынужден нивелировать стилистически окрашенную фразу оригинала, заменяя ее стилистически нейтральной. Так примером может послужить стилистическая нивелировка словосочетания “высь небес”, которая произошла в результате перекодировки лексемы “высь”, употребленной в оригинале в высоком штиле, которая была переведена на французский язык как *‘le ciel’* – небо:

Посмотрел с мольбою   *Mais le cavalier,*
Всадник в высь небес   *En priant le ciel,*

Понятие, выраженное Б. Пастернаком в двух строфах, в переводном тексте отразилось переводчиком в одной фразе *‘En priant le ciel’*. План содержания знака оригинала передан симметрично, тогда как стилистическое оформление и план выражения в двух языках асимметричны.

3.3.8. Предлоги в структуре оригинала и перевода

Каждый язык предлагает особую систему пространственных отношений, выражаемых с помощью предлогов. Иногда две языковые системы могут значительно отличаться друг от друга. Так, во французском языке существует два основных предлога для выражения местонахождения: *en* – для обозначения близко расположенного предмета и *à* – для характеристики удаленного предмета. Французский предлог *sur* указывает на пространственную расположенность предмета по горизонтали или по вертикали, тогда как предлог *sous* отражает месторасположение по вертикали вниз.

Особое место в переводе рассматриваемого стихотворения занимает передача предлогов, обозначающих различные пространственно-временные отношения в структуре текста на французском языке и русском.

А. Соответствие предлогов в текстах оригинала и перевода

В процессе перевода стихотворения “Сказка”, также, как и при переводе других произведений с русского языка на французский, просматривается низкая частотность совпадения смысловой нагрузки предлогов в структуре текстов. К примеру, в словосочетании “*на лесной бугор*” предлог “на” соответствует его переводному варианту ‘*sur*’ в словосочетании ‘*sur le mont boisé*’, так же, как и в следующем примере, где наблюдается соответствие предлогов “в” и ‘*dans*’:

И в дыму багровом,   Dans la fume pourpre

Б. Замена предлогов оригинала другими предлогами в тексте перевода

В ряде случаев в оригинале на русском языке употреблен предлог “пред”, тогда как в переводном варианте текста употреблен предлог ‘*derrière*’ – ‘позади’. Отметим, что употребление предлога “пред” позволяет Б. Пастернаку не только акцентировать внимание на место, где происходили события, описываемые в стихотворении, но и стилистически приближает текст к древним русским сказаниям:

У ручья пещера,   Une grotte s'ouvre
Пред пещерой – брод.   Derrière le gué;

*Как бы пламя серы
Озаряло вход.*

*Comme un feu de souffre
Éclaire l'entrée.*

В тексте оригинала пещера изображена на первом плане представшей перед глазами читателя картины, так как употребляется дважды, в переводе предлог ‘derrière’ “отправляет” ее на второй план. Переводчиком употреблен предлог антоним: ‘derrière’ и “пред” на основе такого переводческого явления как лексико-семантические преобразования планов содержания и выражения знака, а именно отношение тождества. Одним из основных предлогов французского языка, выражающим различные взаимосвязи слов в структуре словосочетаний, является предлог “de”, которому соответствуют многие русские предлоги, часто заменяемые при переводе именно этим предлогом в соответствии с требованиями французской грамматики:

У ее плеча.

Le cou de la bête...

Получив на муку

Goûtait de sa proie

В. Отсутствие предлогов оригинала в переводном тексте в связи с их заменой иными языковыми средствами в тексте перевода

Иногда предлоги, употребленные в тексте на русском языке, заменяются в переводном варианте сравнительным оборотом, что обусловлено ритмическим рисунком стихотворения:

Той страны обычай

Ce pays, pour vivre,

Пленницу-красу

Offrait comme proie

Отдавал в добычу

Как видно из примера, фраза в русском варианте текста больше по объему по сравнению с французской фразой.

Следующий пример показывает также отсутствие предлога во французском тексте, в отличие от русского текста, где употреблен предлог “на”:

На призывный крик.

Où un cri le bèle.

В части **А.** был приведен пример адекватной передачи предлога “на” в тексте на французском языке, тогда как в данном случае изменение структуры предложения, а именно

Г. Передача наречий глаголами с предлогами в переводном тексте

Далее по тексту наречие текста оригинала “напрямик” передано с помощью предлога ‘vers’ в переводном тексте:

Vздрыгнув, напрямик Est resté en selle
Тронул конный шагом Et va vers les bois

Д. Зависимость употребления/неупотребления предлогов от управления глаголов

В ряде случаев отсутствие предлога в переводном тексте объясняется таким грамматическим явлением французского языка как **“управление глаголов”**. К примеру, “*Il при-ник к копыю*” - ‘*Il empoigne ...sa lance*’. В тексте перевода предлог “к” отсутствует, что обусловлено именно управлением глагола во французском языке. В следующем примере “*На сердце скреблю*” в процессе перевода был утрачен предлог “на”, так как глагол переводного текста ‘*êtreindre*’ не требует управления: ‘*Etreignit son coeur*’.

Таким образом, сопоставительный анализ выявляет, что по ряду аспектов существует различие между текстами оригинала и перевода. Так, перекодированный текст характеризуется менее богатой стилистикой, менее упорядоченной фоникой, снижением общей выразительности оригинала, вследствие асимметрии семантических и структурных связей с текстом оригинала.

Выводы

В процессе мировосприятия и миропонимания в сознании человека формируется идеальный образ внешнего мира, включающий в себя не только объективное знание о явлениях действительности, но и способы его отражения в самом сознании. Языковая картина мира предстает как результат. Она является совокупностью правил концептуализации и конкретизации мира, которые наследуются индивидом вместе с языком. Языковая картина постоянно развивается и обновляется в процессе креативной деятельности каждого говорящего в ходе прямой коммуникации или при косвенной коммуникации.

Языковая картина мира при косвенной коммуникации предстает в виде художественной картины мира, поэтому художественный текст как форма реализации этой картины мира связан с ответствующей языковой, что находит свое отражение в различных стилях и жанрах художественной литературы. Эти стили и жанры, подвергаясь перекодировке, могут быть переданы полностью или частично на переводной язык. Процесс перекодировки, состоящий из двух этапов: декодирования и кодирования, выявляет закономерности процесса перевода как способа адаптации поэтических текстов оригинала и перевода путем их лингвистического анализа.

Изучение компонентов сопоставляемых текстов оригинала и перевода на основе их лингвистического анализа позволяет выявить закономерности процесса перевода при соотнесенности знака со смысловым кодом, что позволяет определить степень логически мотивированной адаптации оригинала. Так, процесс перевода поэзии, порождая ряд трудностей, приводит в ходе перекодировки информации к тому, что в художественном аспекте текст перевода слабее оригинала, поэтому сопоставительное исследование его компонентов проводится в соответствии с законами изучения переводных тестов, так как при переводе поэтических текстов языковые совпадения не могут помочь переводчику в

его работе и ему необходимо также учитывать композиционный рисунок оригинала. Важен тот факт, что изначальная детерминированность и мотивированность языка и его языковой картины мира с течением времени исчезает, что хорошо просматривается при сопоставлении стихотворения “Сказка” и его перевода ‘Conte’ на французский язык, в котором переводчик переосмысливает многие понятия оригинала, но в большинстве случаев переводческие замены нивелируют адаптируемое содержание текста.

Исследование показывает, что перекодированный текст характеризуется блеклой образностью, менее богатой стилистикой, снижением общей выразительности оригинала, низкой частотностью удачных переводческих решений по подбору лексических эквивалентов, что приводит к высокой частотности необоснованного нарушения детализации изображаемых событий и обедняет текст стихотворения на французском языке. Введение фиктивного актанта в предложения текста стихотворения на французском языке, в отличие от примеров, рассмотренных во второй главе монографии, не было обусловлено правилами французской грамматики, и поэтому оно оказало отрицательное влияние на передачу сюжетной линии и композиционной структуры оригинала при передаче плана выражения на переводной язык.

Сопоставительный анализ способов перекодировки произведений другого великого русского писателя и поэта И.А. Бунина на французский язык выявил существование адекватного и эквивалентного способов перевода текстов. В ряде случаев переводчик употребил прием нивелировки при передаче планов единиц текста оригинала на французский язык. Изучение соотношения частотности употребления тех или иных способов перекодировки показывает, что крайне редко просматривается применение адекватного способа перевода планов содержания и выражения знаков, тогда как употребление переводчиками приема эквивалентного перевода способствует более полной адаптации всех аспектов

бунинского стихотворного стиля к восприятию франкоговорящим читателем.

В ряде случаев при переводе стихотворений И.А. Бунина различие грамматической структуры русского языка и французского приводит к тому, что переводчик вынужден применять различные виды лексико-семантических преобразований: транспозиции части речи, актантные трансформации плана выражения знака, а именно, взаимозамена главного и второстепенного члена предложения при переводе, трансформации форм связи в предложении. Переводчик бунинских строк также прибегает к приему стилистической нивелировки планов знака.

Таким образом, преобразования компонентов структурной композиции поэтического текста не всегда обусловлены различием структуры французского языка и русского. В процессе перевода оригинал может выступать в различных текстовых воплощениях на иной язык с сохранением или нарушением композиционного рисунка оригинала и стиля поэта вплоть до вольного перевода и белого стиха.

Заключение

Настоящая монография представляет собой исследование в области структурно-функциональных трансформаций языковых единиц, направленное на выявление условий межязыковой адаптации, так как проблема определения путей адаптации всех параметров оригинала к восприятию иноязычным читателем является одной из важнейших задач на современном этапе развития лингвистики.

Степень достижения цели перевода - высокого уровня адаптированности переводного текста, определяется по относительно равному восприятию читателями текстов оригинала и перевода. Оригинал не может быть полностью воспроизведен средствами другого языка, поэтому любой текст перевода это лишь подобие оригинала. Уровень подобия текстов оригинала и перевода друг другу зависит от степени свободы, которой руководствуется переводчик в процессе адаптации информации исходного текста на переводной язык.

Исследования ученых показывают, что даже опытные переводчики полагают, что отличным можно считать перевод, в котором сохранено 80% содержания оригинала. Каждый текст перевода не связан ни с одной из национальных литератур, но он ближе к принимающей литературе по языку и зависит от языковой личности переводчика, которая является особым типом языковой личности, характеризующейся системностью, проявляющейся на всех уровнях перевода (в планах содержания, выражения знаков) и требующей от переводчика абстрагироваться от субъективного восприятия текста и ориентироваться на типичного представителя читательской аудитории в процессе интерпретации оригинала.

Интерпретация рассматривается в работе как базисная операция герменевтики как науки искусства и толкования текстов. Герменевтика выступает средством достижения непосредственно воспринимаемого объекта, то есть того, что мы видим и слышим (осязаем) и как проявление тех скрытых

взаимосвязей и детерминант, которые в сумме образуют общий контекст. В проводимом исследовании рассматриваются свойства языковых единиц в лингвистическом контексте как фрагменте текста, включающего в себя избранную для анализа единицу.

В условиях конкретного контекста семантические и стилистические функции языковых элементов взаимосвязаны друг с другом, образуя синтетическое и художественное выразительное средство, поэтому контекст употребления единицы оказывает влияние на степень эквивалентности языковых единиц в сопоставляемых текстах, определяемую на основе функциональных соответствий и различий в структурах языковых систем, а также контекст влияет на стилистическое значение языковой единицы, которое усиливается или ослабляется. Усилению стилистического значения языковой единицы способствует изменение контекста ее употребления в процессе перевода. Через раскрытие внутритекстовых связей непосредственно воспринимаемое становится понятным читателю, то есть в процессе интерпретации невидимое содержание произведения становится предметом понимания и толкования первоначально для переводчика, а затем для читателя. Понимание как исходный феномен мышления представляет собой поиск смысла, записанного знаками текста. Именно этот смысл перекодируется с исходного языка на переводной с большей или меньшей степенью соответствия структурной композиции оригинала.

Результат процесса понимания заключается в достижении переводчиком смысла произведения, который необходимо перекодировать на переводной язык. Для перевода понимание является способом выразить адекватную реакцию на содержание перекодированного произведения. Подчеркнем, что проблема понимания не возникла бы в процессе перекодировки произведений на переводной язык, если бы все языки имели однородную структуру, отражающую предметный мир, мысли и чувства. Но языки не унифицированы; во-первых, различается объем их словарного запаса; во-

вторых, факт совпадения лексико-семантических полей не гарантирует идентичность лексических единиц, предназначенных для их обозначения, именно поэтому особенности грамматического, синтаксического, лексического кодов в системах различных языков порождают при переводе трудности перекодировки информации.

Существуют три уровня герменевтического перевода:

Грамматический уровень характеризуется тем, что на этом уровне языковая интерпретация включает в себя анализ слов, словосочетаний, грамматических форм, подвергаемых различным видам преобразований.

Стилистическая интерпретация осуществима при перекодировке средств выражения идеи произведения (метафоры, гиперболы, аллегории, рифмы).

Историческая интерпретация направлена на определение конкретных обстоятельств создания произведения, которое необходимо перекодировать на переводной язык. Для переводчика оказывается недостаточной информация об авторе, его языке, стиле, необходимо историческое восприятие плана содержания перекодируемого произведения.

Учет содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации языковой единицы способствует комплексному исследованию произведения как совокупности языковых знаков в процессе интерпретации. На уровне речи знаки модифицируются в результате семиотического акта, то есть предложение актуализируется и выступает как полноценный лингвистический знак. В данном случае слово становится частью знака. Внутри высказывания слово подвергается трансформациям, изменяя свое контекстуальное значение в процессе перевода, в результате чего происходит передача соответствия между языковыми формами и отрезком экстралингвистической действительности. При переводе смысл знака оригинала может быть передан набором других языковых средств, отличных от исходных. Форма знака остается консервативной, а его содержание – динамично, поэтому языко-

вому знаку присуще явление симметрии/асимметрии, на основе которого осуществляются его количественные и качественные преобразования при переводе.

Явление трансформации как один из видов преобразований основано на избирательности языка по отношению к внеязыковым действиям, на расхождениях в структуре семантических полей и способов интерпретации предметных ситуаций в выражении коммуникативной структуры высказывания, стилистических фактов. Передача стилистического значения единиц оригинала при переводе имеет ряд особенностей и зависит от структуры планов содержания и выражения единиц, от условий протекания межъязыкового коммуникативного акта, в результате чего и выявляется соответствие/несоответствие между оригиналом и переводом. Автор переводного варианта руководствуется тем, что, не имея возможности в полной мере передать все нюансы оригинала на переводной язык, он предлагает свой вариант восприятия информации как прозаического, так и поэтического произведения.

Таким образом, в результате исследования было выявлено следующее:

1. Сопоставление текстов оригинала и перевода как многоуровневых комплексных семантических структур позволяет детально изучить компоненты, подвергаемые преобразованиям в соответствии с правилами грамматики и синтаксиса языка I и языка II.

2. Рассмотрение закономерностей процесса передачи компонентов переводческого кода на основе их структурно-функционального анализа как на отдельно взятом уровне, так и в рамках текстовой структуры в целом способствует выявлению оптимальных путей перекодировки знаков в процессе адаптации.

3. Процесс перекодировки единиц текста оригинала на переводной язык представляет собой совокупность преобразований, направленных на передачу стиля, планов содержания и выражения единиц оригинала в тексте перевода. Пере-

кодировка решает задачу адаптации художественных произведений с учетом законов языка перевода.

4. Адаптация текста оригинала основана на употреблении переводчиком адекватного и эквивалентного способов перевода, поэтому сопоставление планов содержания и выражения единиц оригинала и переводного текста должно способствовать выявлению основных тенденций адекватной передачи и эквивалентной перекодировки параметров исходного текста на переводной язык.

5. Установление закономерностей передачи единиц оригинала на переводной язык на основе принципов структурно-функционального анализа позволяет классифицировать преобразования компонентов переводческого кода, а также способствует установлению частотности употребления различных видов лексических, грамматических и стилистических трансформаций при переводе.

6. Установление частотности употребления тех или иных видов преобразований при перекодировке оригинала необходимо для выявления закономерностей симметричной/асимметричной передачи параметров оригинала в тексте перевода. Эта передача основана на явлении консервативности и изменчивости языкового знака объемом в слово, словосочетание, предложение, абзац.

Изучение практического материала показывает, что:

А. Специфика структуры текста на французском и русском языках приводит как к симметричной, так и асимметричной передаче стиля оригинала в тексте перевода. Асимметрия стиля и плана содержания знаков проявляется при переводе безэквивалентной лексики, а также при перекодировке стилистически окрашенных лексических единиц.

Б. Симметричная передача стиля текста оригинала на переводной язык возможна как при симметричной передаче плана содержания и выражения языковых единиц оригинала, так и при их асимметричной перекодировке при переводе. Этот процесс зависит от различий структуры французского

и русского языков, а также от выбора переводчиком адекватного или эквивалентного способа перевода.

В. Перекодировка плана содержания оригинала адекватно к восприятию иноязычного реципиента основана как на симметричной передаче плана выражения единиц исходного языка средствами переводного языка, так и на трансформациях его структуры.

Г. При эквивалентном переводе текста оригинала лексико-семантические преобразования плана выражения знаков направлены на достижение симметричной передачи плана содержания единиц. Они вызваны различной структурой языков, на которых созданы сопоставляемые тексты, наличием безэквивалентной лексики.

Исследование способов перекодировки поэтических текстов выявило основные тенденции адаптации этого литературного жанра, а именно, несоответствие структурно-композиционного рисунка оригинала и перевода, преобладание асимметричности планов выражения при частичной симметрии/асимметрии планов содержания. Детальное изучение текстов И.А. Бунина, Б. Пастернака в сравнении с их переводными вариантами наглядно показывает, как велика пропасть между поэтическими оригинальными текстами и переводными. Вне всяких сомнений в художественном аспекте перевод слабее оригинала, так как языки характеризуются многими совпадениями, но при переводе поэтических текстов эти совпадения не могут помочь переводчику в его работе.

Таким образом, комплексное исследование трансформаций плана содержания и выражения единиц оригинала в переводном тексте как явления процесса перевода способствует выявлению как общих, так и различных характеристик структуры единиц, подвергаемых перекодировке при адаптации текста оригинала на переводной язык.

ЛИТЕРАТУРА

Альфонсов В. Поэзия Б. Пастернака. Монография. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 368 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды, т.1, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. – 472 с.

Аристотель. Поэтика. Риторика. – М.: Азбука-классика, 2008. – 352 с.

Ахманова О.С., Задорнова В.Я. Теория и практика перевода в свете учения о функциональных стилях речи // Лингвистические проблемы перевода. – М.: Московский ун-т, 1981. – С. 3-12.

Ахметжанов Р.Н. Коммуникативно-грамматический подход к синтаксической синонимии // Проблемы перевода текстов разных типов. – М.: Наука, 1986. – 157 с.

Багринцева Н.В. Культурно-детерминированные факторы в теории и практике перевода (на мат-ле худ. англо-русских текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2001. – 24 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 416 с.

Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Либроком, 2009. – 398 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Изд-во URSS, 2007. – 240 с.

Белозерова Н.Н. Законы симметрии и перевод // Университетские чтения. Вып №1. Материалы первой Всероссийской научной конференции “Федоровские чтения”. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – С. 29-34.

Бланшо Морис. О переводе // Иностранная литература. – М., 1997. – №12. – С. 183-185.

Болдырева М.М., Волнина И.А. Стилистический анализ художественного текста (на материале французского языка). – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

Бондаренко А.В., Военкова М.Д., Козинцева Н.А. Межкатегориальные связи в грамматике. – М.: “Дмитрий Буланин”, 1996. – 231 с.

Борисова Е.Г. Мартемьянов Ю.С. Имплицитность в языке и речи. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 200 с.

Бразговская Е.В. Лингвостилистические аспекты художественного перевода: Автореф. дис ... канд. филол. наук. – С.-Петербург: СПбГУ, 2000. – 23 с.

Бухонкина А.С. К вопросу об адекватности. Перевод символических культурем // Вопросы теории и практики перевода. Сб. мат-лов Всероссийского семинара. – Пенза: НГПУ, Приволжский Дом знаний, 2002. – С. 30-31.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – 416 с.

Виноградов В.С. Темпоральная (временная) стилизация как переводческий прием // Филологические науки. №6, 1997. – С. 54-59.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: ИОСО РАО, 2001. – 224 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы). Монография. – М.: РУНД, 2008. – 340 с.

Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. - М.: Высшая Школа, 1965. – 338 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – М.: Высшая Школа, 1986. – 212 с.

Гак В.Г. Типология языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 63-75.

Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998. – 768 с.

Гак В.Г. Теория и практика перевода. Французский язык. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Интердиалект +, 1999. – 455 с.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Либроком, 2010. – 288 с.

Гак В.Г. Беседы о французском слове. – М.: КомКнига, 2012. – 338 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 163 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. – 544 с..

Григорьева Я.Н. Роль сопоставительного исследования в теории и практике перевода // Университетское чтение. Вып. №1. Материалы первой Всероссийской науч. конф. “Федоровские чтения”. 27-29 окт., 1999. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. –С. 69-73.

Гришаева Л.И. Культурная адаптация текста как способ достижения комплексной эквивалентности при переводе // Проблемы культурной адаптации текста. – М.: Русская словесность, 1999. – 127 с.

Дзенс Н.И. Программы по дисциплинам переводческого цикла. – Белгород: БелГУ, 2001. – 120 с.

Долинин К.А. Стилистика французского языка. - М.: Просвещение, 1987. – 303 с.

Долинин К.А. Практикум по интерпретации текста. - М.: Просвещение, 1992. – 160 с.

Лудина Т.Б. Стилистические трансформации текста при переводе // Семантика перевода. Сб. научн. трудов. – Вып. 331. -М.: Моск. Орд. Др. Народов Инс-т ин. яз. имени Мориса Тореза, 1989. – С. 14-32.

Дурандин В.М. Виды межъязыковых трансформаций // Вопросы теории и практики перевода: Сб. м-лов Всероссийского семинара. – Пенза: ПГПУ, Приволжский Дом знаний, 2002. – С. 5-7.

Ермолович В.И. Проблемы изучения психологических аспектов перевода// Тетради переводчика. – Вып. 24. (Под редакцией С.Ф.Гончаренко). – М.: МГЛУ, 1999. – 216 с.

Зинде М.М., Фридрих С.А. Качество и стилистика текста // Тетради переводчика. – Вып. 23. (Под ред. С.Ф. Гончаренко). – М.: Высшая школа, 1989. – С. 23-31.

Злобин А.Н. Когнитивный анализ перевода // Когнитивная семантика. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 243 с.

Калинин И.В. История перевода во Франции и франкофонной Канаде// Тетради переводчика. - Вып. 24. –М.: МГЛУ, 1999. – С. 156-165.

Карабанова О.О. Переводческие трансформации как понятие и явление: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М.: МГУ, 2000. – 17 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.

Караулов Ю.Н. О способах достижения функциональной эквивалентности в переводе // Язык поэтики перевода. - Вып. 426. – М., 1996. – С. 76-91.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака// История языкознания 19-20 веков в очерках и извлечениях, ч.2. (отв. ред. Звегинцев В.А.). – М., 1965. – С. 85-90.

Кириллова Н.Н. Анализ художественного текста: концепция, стиль, композиция (Роман Э. Базена «Змея в кулаке», на французском языке): учебное пособие. – СПб: Лемма, 2011. – 216 с.

Клюканов И.Е. Переводческие универсалии и их психолингвистический смысл // Проблемы типологической, функциональной, описательной лингвистики. – М.: Международные отношения, 1986. – С. 18-27.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. Очерки лингвистического учения о переводе. – М.: Межд. отн., 1973. – 215 с.

Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. – Вып. 19 (Под ред. Л.С. Бархударова). – М.: Высшая школа, 1982. – С. 3-20.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 251 с.

Комиссаров В.Н. Эвристическая ценность моделей перевода. Теория и переводческая практика // Картина мира: Лексикон и текст / Сб. науч. тр. МГЛУ. – Вып. 378, 1991. – С. 126-131.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. – М.: ЧЕРО, 2000а. – 134 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2000б. – 192 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: АКИ, 2007. – 176 с.

Коновалова Г.П. Приймачук Д.В. К вопросу общей теории перевода // Вопросы теории и практики перевода: Сб. мат-лов Всероссийской конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2003. – С. 80-82.

Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. – 1993. – №4. – С. 18-29.

Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русские тексты. – 1994. – №2. – С. 34-36.

Кубрякова Е.А. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С.32-34

Ларсон М.А. Смысловой перевод. Руководство по теории перевода // Межъязыковая эквивалентность и ее практическое применение. – С.-Петербург: СПбГУ, 1993. – 455 с.

Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность и способности ее достижения. – М.: Международные отношения, 1981. – 247 с.

Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.

Леонтьева Т.И. Конвергенция стилей в художественном произведении и рациональные методы их перевода // Вопросы теории и практики перевода: Сб. мат-лов Всероссийского семинара. – Пенза: ПГПИ, Приволжский Дом знаний, 2002. – С. 111-112.

Лилова А. Введение в общую теорию перевода. - М.: Высшая школа, 1985. - 256 с.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: АКИ, 2007. – 200 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996 . – 464 с.

Маркина А.С. Резец и кисть переводчика. – Белгород: Изд-во “Шаповалова”, 1996. – 70 с.

Марчук Ю.Н. Методы моделирования перевода. - М.: Наука, 1985. – 200 с.

Мафилов С.Г. Проблемы лексической семантики в свете языковых универсалий (на материале русского, английского, французского и татарского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1998. – 36 с.

Медникова Э.М. Теория перевода и сопоставительный анализ языков. – М.: МГУ, 1985. – 143 с.

Минкин Л.М. Синтаксическая симметрия/асимметрия и языковая природа предложения // Прагматическая и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. – Краснодар: Кубанский ун-т, 1987. – С. 34-37.

Минченков А.Г. Дискурсная частица: Анализ переводческих соответствий в английском и русских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 18 с.

Миныйя-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.

Нечаева В.М. Перевод и проблемы сопоставления изучаемых языков. – М.: МГУ, 1986. – 145 с.

Норман Б.Ю. Основы языкознания. Учебное пособие для учащихся / Министерство Белорусского Фонда Сороса. – Минск, 1996. – 208 с.

Огнева Е.А. Тенденции адаптации этнокультурной лексики русского языка в текстах перевода // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: материалы Всероссийской научной конференции (27-29 ноября 2006 года). В 2-х ч. – Белгород: БелГУ, 2006. – Ч.1. – С. 130-137.

Огнева Е.А. Этноязыковое кодирование ценностной картины мира при переводе художественных текстов // Язык и культура: материалы Международной научной конференции (Белгород, 25-26 марта 2010 г.) / Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 104-109.

Ольховников Д.Б. Проблемы адекватной передачи языковых единиц текста при переводе // Семантика текста и проблемы перевода. – М.: АН СССР ин-т языкознания, 1984. – С. 103-112.

Панджикидзе Д.А. Лингвокультурологический и экстралингвистический аспекты эквивалентного стиля в художественном тексте: Автореф. дис. ... док. филол. наук. – Тбилиси, Мицнинреба, 1997. – 24 с.

Перепелицына Е.В. К вопросу о классификации переводческих трансформаций // Вопросы теории и практики перевода: Сб. м-лов Всероссийской конференции. – Пенза: ПГПИ, Приволжский Дом знаний, 2002. – С. 124-126.

Пмунгян В.А., Рахилина Е.В. О некоторых направлениях современной французской лингвистики // Вопросы языкознания. – 1994. – №5. – С. 54-57.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во “Истоки”, 2002. – 59 с.

Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: БКГ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 198 с.

Прокопович С.С. Адекватность или интерпретация текста? // Тетради переводчика. – Вып. 17. (Под ред. Л.С. Бархударов). – М.: Высшая школа, 1980. – С. 37-48.

Раренко М.Б. Развитие перевода в двадцатом веке в России и США // Лингвистические исследования в конце двадцатого века. Сб. обзоров. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 112-121.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода// Тетради переводчика. - Вып. 24 (Под ред. С.Ф. Гончаренко). – М.: МГЛУ, 1999. – 216 с.

Рецкер Я.И. Что такое лексические трансформации // Тетради переводчика. – Вып. 17. (Под ред. А.С. Бархударова). – М.: Высшая школа, 1980. – С. 72-85.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Изд-во «Библиотека лингвиста», 2007. – 244 с.

Родионов А.А. Перевод и методы его исследования в свете общей теории систем // Проблемы типологической, функциональной и описательной лингвистики. – М: Международные отношения, 1986. – С. 23-27

Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. – Белгород: БГУ, 1998. – С. 24-25

Ситкарева И.К. Лакуны в художественном тексте. Лингвокультурологические исследования (на мат-ле художественных произведений писателей франкоязычной Европы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 24 с.

Сорокин Ю.А. Перевод как специфический вид речевой деятельности// Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология. – Калинин: КГУ, 1989. – С.24-28.

Соссюр Ф. де Труды по языкознанию (Пер. с французского). – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

Степанов Ю.С. Концепт, причина и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 34-36.

Стилистические аспекты перевода. – М.: Академия, 2010. – 176 с.

Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура. М-лы второй междунар. конф. – Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 45-47.

Теория перевода и сопоставительный анализ языков / Под редакцией Э.М. Медниковой. – М.: Международные отношения, 1985. – 144 с.

Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник / Под редакцией С.Ф. Гончарова). – Вып. 23. – М.: МГЛУ, 1999. – 216 с.

Ушакова Т.М. Понятие стиля во французской лингвистике конца XX века // Актуальные проблемы романистики. Язык. Общество. Культура. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – С. 198-199.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Филология три, 2002. – 416 с.

Фесенко Т.А. Этнокультурная специфика речевого мышления в аспекте проблем перевода // Связи языковых единиц в системе и реализация когнитивного аспекта. – Вып.2. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – С. 45-47.

Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода. – Тамбов: Издательство Тамбовского гос. ун-та, 2001. – 124 с.

Флорин С. Муки переводческие. – М.: Высшая школа. Практика перевода, 1983. – 184 с.

Хайрулин В.И. Культура в парадигме переводоведения // Тетради переводчика (Под ред. С.Ф. Гончарова). – М.: МГЛУ, 1999. – С. 38-45.

Хачатурян Н. Структура французского языка. Реалия и переводимость // Мастерство перевода, №9. – М., 1973. – С. 46-49.

Хомяков В.А. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // Вопросы языкознания. – 1992. – №3. – С. 95-97.

Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социальные аспекты) / отв. ред. Л.Л. Нелюбин. – Магадан: Кордис, 1997. – 197с.

Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – 264 с.

Черняховская Л.А. Существует ли единица перевода? // Теория и практика перевода. – М.: ТР / МГИИЯ имени Мориса Тореза. - Вып 295, 1987. – С. 26-33.

Чиринова И.И. Теоретические и практические аспекты дословности перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: РГПУ, 2001. – 24 с.

Шадрин Н.А. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. – Саратов: СГУ, 1991. – 221 с.

Швейцер А.Д. Эквивалентность и адекватность перевода // Тетради переводчика. – Вып. 23. (Под ред. С.Ф. Гончаренко). – М.: Высшая школа, 1989. – С. 31-40.

Швейцер А.Д. Перевод и культурные традиции // Перевод и лингвистика текста. – М.: Всероссийский центр переводов, 1994. – 217 с.

Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. -Вып. 24. (Под ред. С.Ф. Гончаренко). – М.: МГЛУ, 1999. – С. 20-32.

Швейцер А.Д. Текст и перевод. – М.: Либром, 2009. – 216 с.

Шевченко О.Н. Особенности языковой личности переводчика художественной литературы // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 25-26.

Шутова Е.С. Проблемы перевода текстов римско-католической церкви на русский язык // Университетское переводоведение. - Вып 1. Материалы первой всероссийской конференции “Федоровские чтения”. – СПб.: СПбГУ, 2000. – С. 217-222.

Якобсон Р. В. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1986. – С. 361-368.

Benveniste E. Problèmes Linguistique générale. – P.: NRF, Gallimard, 1974. 2 tomes: 356p. + 288p.

Berman A. La traduction et la langue française. META, Journal des traducteurs. vol. 30, 4, décembre, 1985. – P. 342-342.

Bly R. The Eight Stages of Translation. – St. Paul: Ally Press, 1991. – 107 p.

Catford I.C. Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics. – London: Oxford University Press, 1965. – 130 p.

Cormier M. et Estival D. Etudes et recherches en traductique. META, vol. 7, 4. – Montréal, 1992. – 123 p.

Delisle I. La traduction raisonnée. Presses de l'université d'Ottawa, 1993. – 128 p.

De Waard I., Nida E.A. From one language to another. Functional Equivalans in Babel Tranlating. Nashville. T. Nelson, 1986. – 213p.

Grevisse M., Goosse A. Nouvelle grammaire française. – Paris: Edition Duculot, Gembloux, 1980. – 352 p.

Guillaume G. Langage er science du langage. – Paris: Librarie A-G. Nizet, Québec: Press de l'université, Laval, 1969. – 225 p.

Halliday M.N. K. System and Function in Language. Selected papers ed. By G. Kress. – London: Oxford University Press, 1976. – 326 p.

Horguelin P. Anthologie de la manière de traduire: Domaine français, Montréal, Linguistique, 1981. – 219 p.

Horguelin P. La traduction à l'ère des comunciations. La traduction: l'universitaire et le praticien. Congrès Université de Québec à Monreal, 1980. Canada: Edition de l'Université d'Ottawa, 1984. – 321p.

Israïl F. La traduction littéraire: l'appropriation du texte. La liberté en traduction. – Paris: Didier Erudition, 1991. – 341p.

Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation. // On translation. – Cambridge: Harvard University Press, 1954. – P. 232-239.

Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft Heidelberg. – Berlin, 1992. – 321p.

Kristeva J. Narration et transformation Semiotica. – The Hague, 4, 1969. – P. 422-448.

Lavault E. Fonctions de la traduction en didactique des langues. – Paris: Didier Erudition, 1985. – 142 p.

Lederer M. La traduction simultanée, expérience et théorie. – Paris: Minard Lettres Modern, 1981. – 204 p.

Lederer M. La traduction aujourd'hui le modèle interprétatif. – Paris: Hachette, 1994. – 224 p.

Lefevre A. Translating Literature. Practice and Theory in a Comparative Literature Context. New York: The Modern Language Association of America. 1992. 165p.

Levin G. Styles for Whiting: A Brief theoric N.Y. Harcourt, Brace Jovanovich. 1987. – 242 p.

Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. Essai de représentation linguistique comparée et Etude de traduction. – Paris: Didier, 1981. – 353 p.

Misri G. La traductologie des expressions figées Etudes traductologiques. – Paris: Minard Lettres Modernes, 1990. – 215p.

Newmark P. The curse and dogma of translation studies // Lebende Sprachene, 34,1, 1991. – 321 p.

Nida E. Ch. Taber. The Theory and Practice of Translation, 1969. – 220 p.

Nord Ch. Text Analyses in Translation: Theory Methodology and Didactic Application of a Model for Translation Oriented text Analysis. Amsterdam: Rodopi, 1991. – 250 p.

Ofiz Ch., Redly S., Rechtel G. Are semantic response scales equivalent? // Multivariate Behavior Research, V.22, 1987. – 185 p.

Raffel B. The Art of Translating Poetry. – London: The Pennsylvania State University Press, 1988. – 206 p.

Salama-Carr. La traduction à l'époque abasside. –Paris: Didier Erudition, 1990. – 156 p.

Seleskovitch D. et Lederer M. Interpréter pour traduire. – Paris: Didier Erudition, 1984. – 264 p.

Snell-Hornby M. Translation Studies An Interpreted Approach John Benjamins Publishing Company: Amsterdam, Philadelphia, 1995.

Steiner G. After Babel. Aspect of Language and Translation. – London: Oxford University Press, 1975. – 276 p.

Toury G. In search of a theory of translation. –Tel-Aviv. Porter Institut, 1980. – 198 p.

Toury G. Monitoring discourse transfer: a text case of a developmental model of translation // Interlingual and intercultural communication. Tubingen G. Narr, 1986. – 324 p.

Vinay J-P., Darbelnet I. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Paris: Didier, 1958. – 331 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. БЭСЯ. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. –685с.

2. ЛСС. Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц / Под ред. д. ф. н. проф. Л.Г. Ведениной. – М.: Интердиалект+ АМГ, 1997. – 1040 с.

3. РСС. Русский семантический словарь. – М.: Наука, 1983. – 566 с.

4. НФРС. Новый франко-русский словарь: 70000 слов, 200000 ед. пер., 3-е изд. испр., под редакцией Гака В. Г., Ганшиной К. А. –М.: Русский язык, 1997. – 1195 с.

5. РФС. Русско-французский словарь. Под ред. Щербы Л.В. – М.: Русские языки, 1993. – 456с.

7. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка в 4-х т. – М.: Русский язык, 1999. – 2716 с.

8. DAALF – Rober P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Rober. – P., 1992. – 2172 p.

9. DAF – Dictionnaire de l'Académie française. – 9- éd. – P.: Imprimerie nationale, 1992. – 834 p.

10. DEHF – Dauzat A., Dubois J., H. Mitterand. Dictionnaire étymologique et historique du français. – P.: Larousse, 1993. – 822 p.

11. EUF - Encyclopaedia Universalis. France, 1990. – 654 p.

12. SDRTL – Greimas A. J., Courtes K. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. – P.: Classique Hachette, 1979. – Т. 1. – 424 p.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1988. – 384 с.

Бунин И.А. И след мой в мире есть... – М.: “Русский язык”, 1989. – 280 с.

Горький М. Собр. сочин. в двух томах. Т. II. В людях. – М.: Полиграфресурсы, 2000. – С. 207-527.

Гроссман В. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / Вступительная статья Л.И. Лазарева. Четыре дня. – М.: Современник, 1989. – С. 14-48.

Гроссман В. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / Вступительная статья Л.И. Лазарева. В городе Бердичеве. – М.: Современник, 1989. – С. 48-63.

Достоевский Ф. Идиот. – М.: Художественная литература, 1983. – 607 с.

Дрюон Морис. Сладострастие бытия / Пер. с фр. Н. Жарковой. – М.: Пересвет, 1994. – 75 с.

Камю А. Избранное. Сборник. Посторонний / Пер. с фр. Норы Галь. – М.: Радуга, 1988. – С.39-97

Камю А. Избранное. Сборник. Чума / Пер. с фр. Н. Жарковой. – М.: Радуга, 1988. – С. 97-275.

Модиано Р. Цирк идет / Пер. с фр. А.В. Немировой). – Харьков: Фолио, 1999. – 192 с.

Мориак Ф. Тереза Дескейру / Пер. с фр. Н. Немчиновой. – М.: Радуга, 1985. – 489 с.

Мориак Ф. Клубок змей / Пер. с фр. Н. Немчиновой. – М., 1957. – 120 с.

Набоков В. Защита Лужина. Собр. соч. в 4-х томах., т.2. – М.: Правда, 1990. – 446 с.

Пастернак Б. А. Доктор Живаго. Роман. – М.: Советская Россия, 1989. – 640 с.

Пастернак. Б. Сказка. // Стихотворения. – М.: Изд-во “Радуга”, 1989. – С. 160-168.

Роллан Р. Кола Брюньон / Пер. с фр. М. Лозинского. – Л.: Художественная литература, 1986. – 220 с.

Саган Франсуаза. Хранитель сердца / Пер. с фр. Л. Татко. – М.: Московский рабочий, 1993. – 120с.

Сент-Экзюпери А. де. Планета людей / Пер. с фр. Неры Галь. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 120-198.

Сент-Экзюпери А. де. Ночной полет. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 3-120.

Солженицын А. Избранная проза // Рассказы. Раковый корпус: Повесть. Матренин двор. – М.: Советская Россия, 1990. – 137 с.

Солженицын А. Избранная проза // Рассказы. Раковый корпус: Случай на станции Кочетовка. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 159-209.

Толстой Л. Анна Каренина. – М.: Советская Россия. – 560 с.

Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. – Paris: Laffont, 1968. – 512 p.

Camus. A. L'étranger. – Paris: Edition Gallimard, 1957. – 186 p.

Camus A. La peste. – Paris: Edition Gallimard, 1957. – 243p.

Dostoïevski.F. L'idiot / Tr. par G.et G. Araut – Paris: Librairie Générale Française, 1972. – 1059 p.

Druon Maurice. Volupté d'être. – Paris: Gallimar, 1974. – 89p.

Gorki M. En gagnant mon pain / Tr. du russe par Jean Loubes. – Paris: Editions Fournier, 1946. – 303p.

Grossman. V. La route. Quatre journées / Traduit du russe par Bassia Rabinovici et Cirinne Fournier preface par Simon Markish Domaine étranger dirigé par Jeane Claude Lyiberstein Julliard l'âge de l'homme, 1987. – P. 65-127.

Grossman. V. La route. Dans la ville de Berditchev / Traduit du russe par Bassia Rabinovici et Cirinne Fournier preface par Simon Markish Domaine étranger dirigé par Jeane Claude Lyiberstein Julliard l'âge de l'homme, 1987. – P. 13-35.

Modiano P. Un cirque passe. – Paris: Gallimard, 1992. – 96p.

Moriac F. Thérèse Desqueiroux. – M.: Edition du progress, 1975. – 320 p.

Moriac F. Le noeud de vupère. – M.: Progress, 1975. – 140p.

Nabokov V. La défense Loujine. – Paris: Gallimard, 1991. – 285 p.

Pasternak B. Le docteur Jivago. – P.: Edition Gallimard, 1986. – 695 p.

Pasternak. B. Conte // Poèmes. Choix d'Evguèni Pasternak, fils du poète. Édition Vie Ouvrière rue d'Adnerlecht 4, 1000 Bruxelles / Belgique, 1989. – Pp. 161-169.

Rolland R. Colas Breugnon. – M.: Edition en langues étrangères, 1948. – 224 p.

Sagan F. Le garde du coeur. – Paris: Gallimard, 1981. – 132p.

Saint-Exupéry A.de. Terre des hommes. – Kiev, 1978. – 129p.

Saint-Exupéry A.de. Vol de nuit. – Kiev, 1978. – 224 p.

Soljénitsyne A. La maison de Matriona / Tr. du russe par Léon et Andrée Robel. – Paris: René Julliard, 1965. – Pp. 13-81.

Soljénitsyne A. L'inconnu de Krétchétoïka / Tr. du russe Léon et Andrée Robel. – Paris: René Julliard, 1965. – P. 83-179.

Tolstoï L. Anna Karénine / Tr. du russe par Sylvie Luneau. – Paris: Éditions Gallimard, 1952. – 909 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРИМЕРЫ ПЕРЕКОДИРОВКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ, ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКИЙ /Симметрия/асимметрия при переводе транслем исследованных текстов

ИТ (текст оригинала)	ПТ (текст перевода)
Ах, ты бедненький (В. Н., 118)	Oh! Pauvre chou (V.N., 223)
был блеск настоящей воды бриллианта среди стекол (Л.Т., 300)	...un diamant parmi les erroteries (L.T., 336)
быть на короткой ноге (Б.П., 155)	...se sentir à l'aise (B.P., 177)
В охотку копала (А.С., 1, 116)	Je l'arrachais avec plaisir (A.S., 1, 36-37)
...вот головотяпы (А.С., 2, 183)	quelle bande de propres à rien! (A.S., 2. 129)
...говорить под руку (Б. П., 219)	...ajouter le grain de sel (B.P., 245)
...голоден, как волк (Л. Т., 257)	... avoir une faim de loup (L.T., 288)
...да что-то ничего в волнах не видно (М. Б., 61)	mais ça fait autant d'effet qu'un cautère sur une jambe de bois (M. B., 109)
Еще без году неделя правит, не вошла во вкус (Б.П., 445)	c'est trop frais encore pour qu'ils y aient pris goût (B.P., 496)
Изловить (М.Б., 159)	Mettre la main au collet (M.B., 233)
Имя отчество у вас язык сломаешь (Б.П.,301)	Un nom imprononçable (B.P., 333)
Историями про царя гороха (В.Г.,19)	Et le directeur financier sentait avec tes vieilles histoires(V.G.,72)
...как рыба в воде (Л.Т., 293)	... comme un poisson dans l'eau (L.T., 328)
К громековской седьмой воде на киселе Гогочке (Б.П., 212)	À un parent éloigné des Groméko Gogotchka (B.P., 235)
Кто ты по крови? (М.Б., 26)	Qui sont tes parents (M.B., 64)
...напрасное ломание копий (Л.Т., 110)	...rompre en vain des lances (L.T., 124)
Не шалю (М.Б., 332)	Je ne fais pas le guignol(M.B.,449)
Нет, это чудеса в решете (Б.П., 319)	Non, c'est une histoire de fous (B.P., 352)

Но грабителя и след простыл (Б.П., 115)	Le cambrioleur avait disparu (B.P., 136)
...очутился на бобах (Б.П., 319)	...il restait Gros-Jean (B.P., 351)
...по пятам ходил за ней (Л.Т., 229)	...suivait tous ses pas (L.T., 335)
Притча во языцех... (Б.П., 153)	Certaines croyances (B.P., 176)
...с бору да с сосенки (Б.П., 257)	...de bric et de broc (B.P., 289)
...с глазу на глаз (Л.Т., 536)	... un tête-à-tête (L.T., 584)
Светлый праздник не за горами (Б.П., 362)	Pâques est déjà là (B.P., 399)
...сломя голову (Ф.Д., 97)	...comme on se jette à l'eau (F.D., 134)
...срезав вас и посадив в калошу (Б.П., 308)	quand elle arrive à vous coller (B.P., 339)
сыр-бор (67)	le feu aux poudres (B.P., 83)
Ум финдиректора заходил за разум (М.Б., 150)	qu' il perdait l'esprit (M.B., 221)
...уехали до этой кашки (Б.П., 167)	...partiez avant tout ce gâchis (B.P., 190)
...пшик-брык (Б.П., 167)	...en deux temps et trois mouvement (B.P., 190)

Перекодировка поговорок

А мне туда и дорога (М.Б., 159)	Et je n'ai que je mérite (M.B., 233)
А на нет и суда нет (М.Б., 169)	On ne peut pas vous demander l'impossible (M.B., 245)
Бог дал день, Бог дал силы (Л.Т., 275)	Dieu leur avait donné et la lumière du jour et la force de leurs bras (L.T., 309)
Бог с ним (Н.Н., 99)	Ne parlons pas de lui (N.N., 188)
Все орал, кто в лес, кто по дрова (Б.П., 210)	Chacun poursuivait son idée (B.P., 251)
Вольному страннику – попутный ветер (В.Н., 115)	Au voyageur épris de liberté tous les vents sont favorables (V.N., 217-218)
Вот Бог, а вот порог (Л.Т., 90)	Tu es libre de sortir (L.T., 101)
Господи, святая воля твоя (Б.П., 199)	Seigneur, quelle coïncidence (B.P., 170-171)
Дело с концом (Б.П., 159)	Et l'affaire est réglée (B.P., 181)
Денежка счет любит (М.Б., 100)	...les bons comptes font les bons

	amis (M.B., 158)
...забросили чепцы за мельницы (Л.Т., 297)	...ont jeté leur bonnet par dessus les moulins (L.T., 333)
...из кожи вон лезли (Л.Т., 353)	...se mettaient en quatre (L.T., 393)
...или ты белены объелся (Б.П., 126)	Quelle mouche t'a piqué?
Канул как в воду (М.Б., 325)	Avait disparu comme au fond d'un puit (M.B., 440)
...ни к селу ни к городу (Б.П., 451)	comme les cheveux sur la soupe (B.P., 496)
...ни к селу ни городу (М.Б., 22)	sans rime ni raison (M.B., 60)
Овчинка могла стоить выделки (Л.Т., 168)	Le jeu n'tn valait pas la chandelle (L.T., 190)
Поминай как звали (М.Б., 288)	Adieu la valise (M.B., 397)
...рассыпать свой бисер (Л.Т., 119)	...répandre les perles de son éloquence (L.T., 135)
Свой глазок – смотрок (М.Б., 100)	L'oeil du maître anglaise le cheval (M.B., 158)
Своя рука владыка (Б.П., 366)	Ils n'ont besoin de personne (B.P., 404)
Соловья баснями не кормят (Л.Т., 206)	On ne nourrit pas de chansons les rossignols (L.T., 232)
Тяжела шапка Мономаха (Л.Т., 594)	Tout n'est pas rose dans la vie conjugale (L.T., 645-646)
Типун вам на язык (Л.Т., 136)	Puissiez-vous mordre la langue (L.T., 154)
Уму непостижимо (Б.П., 185)	On y perd son latin (B.P., 209)
Ух... Прямо гора с плеч (В.Н., 5)	Ouf! ...Quel soulagement! (V.N., 17)
...хоть шаром покати (Л.Т., 240)	...elle est vide (L.T., 268)
Целое дело сшили (М.Б., 159)	Ils ont tout combiné d'avance (M.B., 145)
..червонцев-то куры не клюют (М.Б., 206)	mouchez pas du pied! (M.B., 293)
Я про Фому, а вы про Ерему (Б.П., 218)	Je vous parle d'une chose et vous d'une autre (B.P., 243)

Перекодировка пословиц

В гостях хорошо, а дома лучше (Л.Т., 96)	On est bien chez les autres mais on est encore mieux chez soi (L.T., 107)
В дождь коси, в погоду греби! (Л.Т., 252)	Fauche à la pluie, fane au soleil (L.T., 283)
Век живи, век учись (Л.Т., 516)	On n'est jamais trop viux pour s'instruire (L.T., 562)
Дома стены помогают (Л.Т., 172)	Chez soi on se sent plus fort (L.T., 195)
Кто старое помянет... (М.Б., 167)	Ne parlons plus du passé... (M.B., 243)
Никогда не поздно раскаяться (Л.Т., 138)	On ne se repent jamais trop tard (L.T., 157)
Никто не доволен своим состоя- нием, и всякий доволен своим умом (Л.Т., 136)	Nul n'est content de sa fortune, ni mécontent de son esprit (L.T., 155) (Le mot de Mme Déshoulières)
Свои собаки грызутся, чужая не подходи (Б.П., 34)	Ne te mêle pas de ce qui ne te regarde pas (B.P., 46)
Скоро, говорят, сказка сказывает- ся, да не скоро дело делается (Б.П., 409)	On dit qu'on a plus de raconter quelque chose que de le faire (B.P., 450)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИМЕРЫ ПЕРЕКОДИРОВКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ, ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ /Симметрия/асимметрия при переводе транслем исследованных текстов

...battiat de l'aile (P.M., 51)	дышать на ладан (П.М., 50)
Cette moutarde (R.R.,194)	Плутовка (P. P.)
...c'est un tombeau (F.M., 42)	...нема как могила (Ф.М., 45)
Couper les cheveux en quatre (F.M., 91)	...копаться во всех психологиче- ских вывертах (Ф.М., 105)
...frôle la vitre (R.R., 203)	...как собака по следу (P.P., 180)
Ils étaient tois du même monde (P.M., 101)	Все они были одного поля ягоды (П.М., 100)

...il était sorti de son trou (F.M., 50)	...его крутозор шире, чем у окружающих (Ф.М., 57)
...ils sont sûr de perdre (F.M., 54)	...их карта будет бита (Ф.М., 62)
J'en tombai de mon haut (R.R., 204)	Я упал с облаков (Р.Р., 183)
Les compagnons du pot d'étain (R.R., 178)	...приятели оловянной кружки (Р.Р., 156)
les deux doighs de la main... (F.M., 22)	...будьте теперь неразлучны (Ф.М., 23)
Les robes étaient devenues tres larges (F.M., 43)	...платья висели на ней как на вешалке (Ф.М., 49)
ligolé sur une charrette de paille (F.M., 73)	...связанный по рукам и ногам (Ф.М., 85)
...l'instruction a été bâclée (F.M., 20)	...спустя рукава (Ф.М., 21)
...quand tu te lances (F.M., 40)	...когда ты закусишь удила (Ф.М., 45)
...trois fois rien (P.M., 51)	...сущие пустяки (П.М., 50)
Se mettre en dépense avec lui (F.M., 48)	...тратить на него порох (Ф.М., 55)
...un pot à moutarde (R.R., 62)	...ветряная мельница (Р.Р., 55)
Une titulisation rapide (A.C., 2, 38)	Аттестация не за горами (А.К., 2, 123)

Перекодировка пословиц (2)

Celui est bien mon oncle qui le ventre me comble (R.R., 24)	Тот настоящий дядя, кто потчует в рот не глядя (Р.Р., 24)
Les mauvaises nouvelles sont prestes comme l'hirondelle (R.R., 139)	Дурные вести не сидят на месте (Р.Р., 121)
On ne fait pas d'omelette sans casser les oeufs (F.M., 42)	Лес рубят – щепки летят (Ф.М., 45)
Tout est bien qui finit bien (F.M., 22)	Все хорошо, что хорошо кончается (Ф.М., 24)
Tous les Juifs se valent (F.M., 39)	Все евреи – одного поля ягода (Ф.М., 44)

Перекодировка поговорок (2)

Ardez le bel agneau!.. Agneau de Chamoux, n`en faut que trois pour étrangler un loup (R.R., 23)	Знаем мы ваших ягнят; пусти их втроем – волка съедят (Р.Р., 23)
Comme la moutarde après dîner (R.R., 106)	Хоть и поздновато (Р.Р., 90)
...comme un coq en pâte (R.R., 189)	...как сыр в масле (Р.Р., 166)
...être en assiette (F.M., 80)	...обычное расположение духа (Ф.М., 104)
...faire la part du feu (F.M., 49)	Пускать пыль в глаза (Ф.М., 56)
Foutez-moi le champ (R.R., 194)	Чтоб вам всем провалиться (Р.Р., 173)
Le mal s`en va-t-à pied, mais il vient à cheval (R.R., 114)	Беда от нас пешком, а к нам верхом (Р.Р., 99)
...les carottes sont ciutes (F.M., 18)	Дело в шляпе (Ф.М., 20)
Point de fête, on le sait, sans quelques pots cassés (R.R., 33)	На всякой пирушке бывают разбитые кружки (Р.Р., 30)
..retournions à nos moutons (R.R., 97)	...обратно к белому бычку (Р.Р., 83)
... tu peux graisser tes bottes, ton histoire est finie (R.R., 117)	...можешь смазывать сапоги, твоя песенка спета (Р.Р., 100)
...si Carême – prenant nous trouvait sans moutarde? (R.R., 26)	...если бы у нас к мясоеду не оказалось горчицы (Р.Р., 24-25)
Vouler –vous levez le champ (R.R., 44)	Проваливайте вон (Р.Р., 40)